

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1980

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ — ИЮНЬ

БАКУ — 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

ЗАМЕТКИ ПО МОРФОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

(МОДАЛЬНОСТЬ НА -dir)*

В современном турецком языке, как показывают факты, модальность на -dir, -dir, -dur, -dür/-tir, -tir, -tur, -tür имеет весьма широкую сферу применения¹. Этот аффикс (а не слово и не частица, поскольку подчиняется закону гармонии гласных и закону гармонии согласных), возникший из связки *turur/durur*², в сочетании с формами именного сказуемого (имя + аффикс лица + -dir) и со всеми формами изъявительного наклонения (за исключением прошедшего-категорического времени), настоящего-будущего времени долженствовательного и желательного наклонений сообщает названным формам субъективно-модальное значение, за исключением форм типа *al-mış-ım-dir*, то есть форм прошедшего-перфективного времени с продолжающимся результатом, которое выражает объективную модальность, осложненную обнаружением, выявлением в момент речи результата действия, имевшего место в прошлом.

Модальные формы содержат в себе указание на отношение субъекта действия к действительности.

Объективная модальность выражает содержание высказывания в плане реальном: «он пришел», «я (на)писал», «поезд прибудет в 10 часов» и в плане ирреальном: «он не может прийти», «если бы он пришел...».

Субъективная модальность выражает субъективное отношение субъекта действия к сообщаемому факту или суждению: «он, возможно, придет», «я, пожалуй, напишу», «он, конечно, не может прийти», «он обязательно придет», «если он придет...».

Семантическая категория субъективной модальности в тюркских языках выражается лексико-грамматическими средствами, то есть модальное содержание глагольного действия поддерживается и подкрепляется соответствующими лексическими средствами: «он, обязательно придет» — *o mutlaka gelecek-tir* (см. ниже).

* Статья вторая. Первую см.: «Советская тюркология», 1980, № 2.

¹ Об истории изучения этой формы на материале турецкого языка см.: Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на -*мыш*. — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 181—186; А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на -*мыш*. — «Ученые записки ЛГУ», 1938, № 20, стр. 34—48; *его же*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, §§ 467—470.

² А. Н. Кононов. Семантика и функции глагольной связки *turur > -turu/-duru > -tur/-dur > -tu/-du > -t/-d*. Сравнительно-исторический этюд. — Публикуется в «Советской тюркологии», 1980, № 5.

Грамматические средства разных типов модальности в тюркских языках представлены формами глагола-связки *tugur* > *-turu/-duru* > *-tur/-dur* > *-tu/-du* > *-t (-d)*, формами глагола-связки *ir/-er-* + *-miş* > *-imış* > *-miş*, *-miş*, *-muş*, *-müſ*, *ir/-er-* + *se* > *ise* > *-sa, -se*.

В настоящей статье рассматривается модальность на *-dir* на материале турецкого языка.

Субъективная модальность на *-dir* в турецком языке выражает модальность: 1) утверждения, подтверждения; 2) предположения; 3) законченности действия с продолжающимся результатом (*Perfectum logicum*: *-miş-im-dir*); а также 4) модальный акцент (логическое ударение) — при именных частях речи: *Çoktandır tiyatroya gitmemiştim, yıllardır* (N. Ataç) 'Давно уже я не ходил в театр, многие годы' (см. ниже).

Выражение единой модальной формой на *-dir* столь различных значений объясняется природой глагольных форм, различающих синтезированные и сопряженные значения. Синтезированные — способность одного и того же форманта передавать ряд грамматических значений. Сопряженность — сосуществование в единой конкретной форме различных — иногда полярных семантических значений³.

Формальные и семантические отличия объективной модальности от модальности субъективной дали основание В. А. Гордлевскому («Грамматика турецкого языка», М., 1928)⁴ отнести последние к субъективному наклонению (стр. 78).

Судя по установленному В. А. Гордлевским различию между субъективным наклонением и субъективной модальностью, 3-е лицо формы субъектного наклонения не должно оформляться аффиксом *-дыр*, тем не менее в парадигме прошедшего-субъективного времени он приводит форму *бул-муш-дур* 'он нашел' (стр. 42), что дало — совершенно справедливо — основание редакторам этого тома снабдить парадигму глагола *и-* 'быть' в прошедшем времени *и-миш* + *-тир* (стр. 31) следующим примечанием: «Формы (i)miş и (i)miştir дифференцировались⁵ и образуют разные формы времени: прошедшее повествовательное — *gelmiş*, перфект — *gelmiştir* и давно прошедшее — *gelmişti*» (стр. 533).

Внимание тюркологов (в первую очередь, османистов) издавна привлекала форма на *-miş*, значение которой впервые наиболее четко сформулировал в XVIII веке аббат М. Вигье⁶ — префект левантской католической миссии: 1) действие, субъективно маловероятное; 2) действие, в реальности которого сомневается сам говорящий; 3) действие, о коем говорящий узнает от других; 4) активное действие с продолжающимся результатом (*Perfectum logicum*); 5) оконченное действие для неопределенного промежутка времени и места⁷.

Как установлено разысканиями, преимущественно советских тюркологов, значения, указанные в пунктах 4 и 5, относятся к формам, сопряженным с аффиксом *-dir*: *-miş-im-dir*, *-miş-sin-dir*, *-miş-tir*, то есть к прошедшему-настоящему или, точнее, к прошедшему перфективному

³ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Семантика и функции глагольной связки *tugur*...

⁴ Переиздана в кн.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Том II. М., 1961. В дальнейшем ссылки даются на это издание.

⁵ «Дифференцировались» — неточное определение этих форм, которые всегда существовали независимо друг от друга: 3-е лицо любой формы сказуемости (именной или глагольной) не нуждается в оформлении.

⁶ M. Viguier. *Eléments de la langue turque*. Constantinople, 1790.

⁷ Цитируется по работе: Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на *-мыш*, стр. 183; см. еще: А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на *-мыш*, стр. 34—48.

времени с продолжающимся результатом; значения, указанные в пунктах 1, 2, 3, — относятся к прошедшему-з а г л а з н о м у времени.

«Форма *алмыш*, — указывал С. Г. Церуниан, — совершенно иного происхождения по сравнению с формой *алмыш-дыр*»⁸.

По мнению С. Г. Церуниана, форма типа *алмыш* передает «прошедший факт, причем говорящий знает о нем не путем личного восприятия, а: 1) через 3-е лицо (по-русски: „говорят, что он взял”), 2) или путем косвенного заключения из позднейших фактов (по-русски: „оказывается, он взял”) или, наконец, 3) выражает свое личное мнение (по-русски: „кажется, он взял”); в этом случае иногда имеется налицо союз *güya* (кажется) и др.»⁹.

В. А. Гордлевский в «Грамматике турецкого языка», развивая ранее высказанное суждение о значении формы на *-мыш* («Руководство для изучения османского языка», М., 1916), форму типа *бул-мыш-ум* «я нашел» называет: «Прошедшее субъективное („турецкое”)», причем здесь же пишет: «Слово *дыр*, прибавленное к личным формам, вносит большую категоричность, определенность действия» (стр. 42). Как будет показано ниже, это утверждение далеко не полностью отражает действительное значение формы типа *бул-мыш-ум-дур*.

Редакторы второго тома сочинений В. А. Гордлевского приведенную цитату снабдили следующим примечанием: «„Субъективным” это время можно назвать лишь формально, по аналогии с прошедшим субъективным („турецким”) временем, так как обе формы образуются при помощи причастия прошедшего времени: *gelmiş—gelmiştir*. Форме *gelmiştir* не присущи модальные оттенки и значения сомнения, неуверенности и чуждословности, характерные для формы *gelmiş* как одно из его основных значений» (стр. 534).

В разделе «О спрягаемых формах» В. А. Гордлевский наряду с изъявительным, долженствовательным, желательным, повелительным, условным наклонениями вводит также «субъективное наклонение» (признак его — приставка *мыш, муш, миш, мйш*), которое по смыслу противоположно изъявительному наклонению и содержит передачу факта не путем непосредственного наблюдения или впечатления, а дошедшего путем передачи или рассказа (и потому иногда сомнительного) или получаемого путем умозаключения»¹⁰.

Весьма странно, что А. Н. Самойлович («Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», Л., 1925), при его глубоко проникновении в строй тюркских языков, не отметил модальные формы на *-dir*.

Значительное внимание формам модальности на *-dir* уделено в нашей «Грамматике современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956, §§ 469—470; 508—509). Позднее Л. Н. Старостов в статье «О значении модальности на *-dir* в современном турецком языке» («Краткие сообщения Института народов Азии», № 72, М., 1963, стр. 137—150) значительно продвинул изучение этой важной глагольной формы.

Тонкие наблюдения Л. Н. Старостова касаются различных аспектов употребления модальных форм с аффиксом *-dir*, хотя, по его мнению,

⁸ С. Г. Церуниан. Курс османских разговоров. М., 1924, стр. 176 (Стеклограф); о нем см.: «Библиографический словарь отечественных тюркологов». М., 1974, стр. 287.

⁹ С. Г. Церуниан. Указ. раб., стр. 175.

¹⁰ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 78—79. Ср. с формулировками М. Вигье и С. Г. Церуниана.

сам «термин „модальность» — неудачен. Правильнее было бы указанные формы относить к сложным перфектным, рассматривая не в одном ряду с модальными, а с имперфектными формами (-yordu, -irdi, -acaktı и т. д.) и противопоставляя их последним по признаку времени — перфектные формы выражают состояние в настоящем, имперфектные — состояние в прошлом» (стр. 48).

Имея в виду, что основным содержанием рассматриваемых ниже форм является именно модальная характеристика глагольного или именного сказуемого, следует считать термин модальность на -dir вполне удовлетворительным.

Анализируя формы типа -mişimdir, Л. Н. Старостов приходит к выводу, что «ни в одном из приведенных примеров глагольно-временные формы с аффиксом -dir не имеют оттенков вероятности или неперенности совершения действия. Не могут они здесь содержать и оттенка предположительности. И вообще употребление этих форм в приведенных контекстах с позиций принятого толкования значений модальности на -dir необъяснимо.

Вместе с тем роль и значение аффикса -dir в этих формах очень четко прослеживается при анализе приведенных примеров. Во всех примерах значение его едино (разрядка наша. — А. К.) — этот аффикс указывает на состояние субъекта в настоящем, связанное с закончившимся или имеющим место (для -yordur) действием» (стр. 140).

Однако Л. Н. Старостов, тонкий знаток живого турецкого языка, упускает из виду целый ряд значений, содержащихся в модальных формах на -miştir.

Приведенный Л. Н. Старостовым нижеследующий пример из романа Я. К. Караосманоглу («Her o şarkı») нами толкуется несколько иначе: Bende bu okuma merakı pek genç yaşından beri başlamıştır. Telif, tercüme, kısa ve uzun nice hikâyeleri adeta ezberime alırcasına sömürüp hatmetmişimdir 'Эта любовь к чтению зародилась во мне в очень раннем возрасте. Сколько рассказов — переводных и оригинальных, коротких и длинных — перечитала я, впитывая в себя содержание так, словно стараясь запомнить наизусть' (перевод Л. Н. Старостова, стр. 140).

С точки зрения обычной практики литературного перевода турецких прозаических текстов предложенная передача указанного выше отрывка на русский язык вполне удовлетворительна. При специальном анализе обнаруживается, что присущие формам başlamıştır и hatmetmişimdir специфические нюансы значений (перфективность) не выявлены и при обратном переводе на турецкий язык были бы, по всей вероятности, заменены формами başladı или başlamıştı, hatmettim или hatmetmişim.

Не случайно Я. К. Караосманоглу, крупнейший представитель современной турецкой литературы, избрал — среди многих форм прошедшего времени — именно форму -miştir, -mişimdir, желая тем самым показать связь прошедшего с настоящим, проецируя, таким образом, действие, совершившееся в прошлом в плоскость настоящего времени, в котором это действие реализуется в виде результата, а потому любовь к чтению, «обнаружившаяся» у героини в молодые годы, проявляется и теперь; рассказы она «перечитывала», и это обстоятельство дает знать о себе и сейчас: она чувствует себя начитанной в литературе. Она может сказать о себе: «Я начитана [в литературе]».

Обратив внимание на то обстоятельство, что некоторые тюркологи считают формы типа al-yog-um + -dur и al-miş-im + -dir в одних случаях указывающими на категоричность, в других — на вероятность действия, Л. Н. Старостов выражает сомнение: «Может ли

одна и та же грамматическая форма выражать противоположные по смыслу значения, если эти значения принять за основное содержание данной формы?». На этот вопрос следует, несомненно, ответить положительно: да, одна и та же глагольная форма может выражать синтезированные и сопряженные значения (см. ниже).

Далее Л. Н. Старостов пишет: «В турецком языке нередко встречаются случаи, когда интересующие нас формы на *-dir* по условиям контекста не могут выражать ни оттенка вероятности, ни оттенка категоричности» (стр. 138—139). В подтверждение сказанного им приводится длинный литературный пример. Прочитируем здесь его наиболее существенную часть: *Tophane çeşmesinin karşısına düşen tümsüklerden yukarıya çıkmağa başladınız mı, bu Batı tablosu sanki bir sihirbaz elile hemen değişir: Tophanenin meşhur Karabaş mahallesine girmişsinizdir* 'Но стоит вам начать подниматься на холмы, что расположены против источника (против водоразборной колонки. — А. К.) Топхане (район Стамбула. — А. К.), эта западная картина (о которой говорилось выше. — А. К.) сразу, словно по мановению руки волшебника, меняется: вы попали в Карабаш, знаменитый квартал района Топхане' (стр. 139).

В форме *gir-miş-siniz-dir* нами усматривается отвергаемая Л. Н. Старостовым утвердительная модальность: «вы попали / вы вошли (и вот вы здесь)»; если бы автор приведенного отрывка не желал подчеркнуть результативность действия, он воспользовался бы формой прошедшего-категорического времени: *girdiniz*.

Ниже (стр. 141) и сам Л. Н. Старостов форме *girmiş-siniz-dir* дает следующее толкование: «Вы вошли и находитесь сейчас», которое как нельзя лучше подтверждает положение о том, что форма типа *-miş-siniz-dir* обозначает завершенное в прошлом действие, соответствующее по степени достоверности и завершенности прошедшему-категорическому времени. В отличие от последнего, обозначающего действие, имевшее место в прошлом и не выходящее за пределы прошлого, прошедшее-настоящее время обозначает перфективное действие, результат которого или само оно оказывается наличествующим в настоящем, и на результате этого действия или на нем самом сосредоточено внимание говорящего; в силу сказанного это время следует называть: «Прошедшее-перфективное время с продолжающимся результатом»¹¹.

По мнению Л. Н. Старостова, в турецком языке «Перфектность времени на *-miş* полноценно выражена только в формах 3-го лица, сопровождаемого аффиксом *-dir*. Что же касается 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, то здесь время на *-miş*, будучи лишено формального перфектного показателя, может выражать перфективное значение лишь по аналогии (разрядка наша. — А. К.) с 3-м лицом, что иногда подкрепляется семантикой глагола [ср.: *raparar gibi kızarmışın* 'ты покраснелась (= ты красна), точно свекла' или обстоятельственными словами; ср.: *ben ömrümde bir katre ağzıma koymamışım* 'я в жизни своей и капли [спиртного. — А. К.] в рот не брал'» (стр. 142).

В первом случае значение формы *-miş-sin* связано не с семантикой глагола *kızar-* 'краснеть', а с значением этой глагольной формы: заклю-

¹¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 470.

чение на основании фактов, внезапно (в данном примере) обнаруженных; во втором случае: *кута-миş-и* говорящий отвлекается от личной оценки факта и основывается в данной ситуации на выявившихся результатах: «я ведь и капли в рот не брал».

О форме типа *satiyordur* Л. Н. Старостов пишет, что она, например, в составе предложения: *Misa... sapı satiyordur* 'Миса... занят продажей рожков' не может содержать никаких оттенков предположения, так как читателю из предыдущего повествования хорошо известно, что продажей рожков занимается именно Миса. «Здесь аффикс *-dığ*, — считает Л. Н. Старостов, — указывает на состояние этого персонажа, для которого характерно то, что он занят в данный момент продажей рожков» (стр. 141).

Не о состоянии данного лица сигнализирует аффикс *-dığ* в составе формы *satiyordur*, а служит подтверждением, утверждением, что Миса все непременно, конечно, безусловно в данный момент повествования продает рожки, не связывая этого действия с предшествующим опытом, из которого якобы известно, что Миса именно продает рожки.

В свете проанализированных довольно многочисленных примеров несколько неожиданно звучит совершенно правильное заключение Л. Н. Старостова о том, что оттенки предположительности и связанной с ней категоричности или вероятности, привносимые аффиксом *-dığ* в законченные глагольные формы, в одних случаях «улавливаются с трудом», «в других случаях этот оттенок виден отчетливее» (стр. 146).

И далее Л. Н. Старостов пишет: «Характер модального оттенка, который сопровождает значение именных и глагольных форм, сочетающихся с аффиксом *-dığ*, сводится к общей категории предположительности, которая в одних случаях реализуется в оттенках категоричности, уверенности, в других — возможности, вероятности. В некоторых же случаях эти два полюса могут как бы совмещаться в одном высказывании (если говорящий колеблется)» (стр. 147).

Л. Н. Старостов приходит к заключению: «Оттенок предположительности, который зачастую может примешиваться к значению именных и глагольных форм, сопровождаемых аффиксом *-dığ*, выражается не самими указанными формами, а либо контекстом, либо соответствующими модальными словами или оборотами, если таковые содержатся в высказывании» (разрядка наша. — А. К.).

Все оттенки — предположительности, вероятности, категоричности — приобретаются формами глагольного и именного сказуемого именно через сочетание этих форм с аффиксом *-dığ*; контекст только иногда служит некоторому уточнению характера и семантики субъективной модальности; существенное значение для уточнения модальных оттенков имеют, как справедливо заметил Л. Н. Старостов, модальные слова.

Выражение синтезирующих и сопряженных значений в единой форме субъективной модальности является характерной чертой этих форм.

К этому же, по существу, выводу пришла и Э. А. Грунина: форма «*-miştir*, с одной стороны, втягивается в систему индикатива как форма, передающая действительный факт, связанная с членами системы релевантными для нее признаками — времени и аспектами; с другой стороны, *-miştir* выявляет значение субъективной модальности — предположительной достоверности, которое, по-видимому, является

экспликацией релевантного в системе простых форм признака включенности-невключенности говорящего в событие»¹².

Обратимся теперь к краткому обозрению того, что сделано зарубежными тюркологами в плане изучения модальных форм на *-dir*.

Турецкий филолог А. У. Элове, переводчик «Грамматики» Ж. Дени на турецкий язык, форму *sev-miş-im-dir* 'j'ai aimé, il ya bien que des chances pour que j'ai aimé, j'ai certainement aimé' — по-турецки передает: *sevdim, muhakkak ki sevmişim* и снабжает эту передачу следующим примечанием: «Yine bu şüursuz (yani -miş ekli. — A. K.) mazinin her şahsına (dır, dir) katılmakla o sıyga, bu mânasından çıkıp şuurlu (-di ekli. — A. K.) mazi mânasını alır: Ben onu kaç defa söylemişimdir (= söyledim); siz bunu hiç anlamamışsınızdır (= anlamadınız)»¹³.

Прямолинейное сопоставление форм *sevmişimdir* и *sevdim* не может быть принято; это далеко не взаимозаменяющиеся формы, как об этом уже было сказано выше.

В последней по времени работе маститого французского тюрколога Ж. Дени (1879—1963)¹⁴ упоминается — без детального анализа — форма: *geliyordur* 'on espère qu' il est sur le point d'arriver'; ср. толкование этой формы у Ибрагима Неджми (стр. 12).

Американский ученый Ллойд Б. Свифт¹⁵ приводит три примера модальности на *-dir*: *Sen cahil kız değilsindir* 'You're certainly not an ignorant girl' (стр. 154); *her halde konuşuyordur* 'In all probability [he (ets) is] (one who is) speaking' (стр. 154); *iyimişsinizdir* 'surely you [are], as it appears, well' (стр. 155).

Следовательно, по мнению этого ученого, аффикс *-dir* сообщает указанным в этих примерах формам оттенки уверенности (*certainly* 'конечно', 'несомненно'; *surely* 'несомненно', 'неизбежно', 'конечно'), вероятности, правдоподобия (*probability* 'вероятно').

Немецкий тюрколог Г. И. Кисслинг¹⁶ приводит следующие примеры: *sen bu haberi duymuşsundur* 'du mußt diese Nachricht vernommen haben, hast die Nachricht sicherlich gehört'; *Ali'nin babası Ankara'ya gitmiştir* 'Alis Vater ist nach Ankara gegangen'.

Английский тюрколог Г. Л. Люис¹⁷ приводит формы типа: 1) *şair-im-dir* 'I am surely a poet. I think, I must be a poet'; 2) *şiir yazıyorum* 'I am writing poetry': *şiir yazıyorum-dur* 'Surely I am writing poetry', or why, 'I must be writing poetry'; 3) *uyu-muş-um* 'I gather that I have slept'; *uyu-muş-um-dur* 'I must have slept' (стр. 139).

Этими примерами еще раз подтверждается сопряженность в этих формах двух основных значений: уверенность — предположительность.

Аффикс *-dir* в сочетании с долженствовательным наклонением и будущим-категорическим временем, по мнению Г. Л. Люиса, приобретает эмпатическое значение: *Çocuğa anlatın, mutlaka ilâcı içmelidir* 'explain to the child, he really must drink the medicine'; *babanın sözünden*

¹² Э. А. Грунина. Роль глаголов *e-/tur-* в сложении современных аналитических форм индикатива в тюркских языках юго-западной группы. — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 15.

¹³ «Türk Dili Grameri». Yazan: J. Denny. Tercüme eden: Ali Ulvi Elove. Istanbul, 1941, стр. 381.

¹⁴ J. Denny. L'osmanli moderne et le Türk de Turquie. — «Philologiae Turcaeae Fundamenta». Tomus primus. Wiesbaden, 1959, стр. 210.

¹⁵ B. Lloyd Swift. A reference grammar of modern Turkish. Indiana University publications, vol. 19, 1963.

¹⁶ H. J. Kissling. Osmanisch-türkische Grammatik, Wiesbaden, 1960, § 412.

¹⁷ G. L. Lewis. Turkish Grammar. Oxford, 1967.

çıkmiyacaksınızdır değil mi? 'it -is -a -fact -that you -will -not = depart from your father's word is it not' (стр. 140).

Названные западноевропейские тюркологи правильно наметили основные значения указанных форм, но не развили этой большой и сложной темы.

Болгарский тюрколог Гылыб Д. Гылыбов (1892—1972) отметил только форму типа *-miş-im-dir*: Ben bu hikayeyi okumuşumdur 'Аз съм чел този разказ'¹⁸.

Функции и значение форм *-iyor-dir*, *-miş-im-dir*, *-miş-sin-dir*, *-miş-tir* и т. д. в турецком языке освещаются (правда, без детального разбора различных точек зрения) в книге шведского тюрколога Ларса Юхансона¹⁹, что позволяет сосредоточить внимание на воззрениях турецких лингвистов на тему, являющуюся предметом данной статьи.

Турецкие лингвисты (Т. Бангуоглу, Х. Эдискун, Т. Н. Генджан, М. Эргин, В. Хатибоглу, Х. Диздароглу)²⁰ отмечают модальные формы на *-dir*, не обозначая их особым термином, так, например, Х. Эдискун называет их: Fiillerin özel kullanışları, то есть «Особые случаи употребления глагольных форм», Т. Бангуоглу («Türkçenin Grameri», § 383) этим формам присваивает наименование Çevrik kipler (Temps périphastique).

Названные турецкие ученые единодушно отмечают следующие значения модальности на *-dir*:

1) обязательность, неопределенность, категоричность совершения действия, названного исходной глагольной или именной основой: *gâlmış-im-dir* 'ich bin sicher gekommen' (Т. Бангуоглу. Altosmanische Sprachstudien, стр. 148); ...merhum pederimin kemiklerini İstanbul'a getireceğ-im-dir²¹ (Şinasi. — Т. N. Gencan, 369) 'Кости моего покойного отца я непременно перевезу в Стамбул'; Şeytandan da fenayım. Zira şeytan size şu anda benden sevimli, temiz ah-lâklı görünüyor-dur (Т. N. Gencan, стр. 327) 'Я хуже шайтана. Потому, что шайтан вам в эту минуту, конечно, представляется милее меня, добропорядочнее'.

Т. Н. Генджан предваряет этот пример следующими словами: «[аффикс *-dir*] может присоединяться к форме настоящего времени», но ничего не сообщает о значении аффикса *-dir*; равным образом ничего не говорит он и о значении таких форм, как: Dikkatli-y-im-dir, Bir ağlama-dır tutturdur (стр. 330); см. здесь стр. 4, 16;

2) обязательность, предположительность, вероятность; эти значения Т. Бангуоглу приписывает формам типа: «sevmişim-dir, seversin-dir, seviyor-dur, seveceksiniz-dir. Bunlar fiilin gerçekleşmesi hakkında kullanışa göre mutlaka anlatımından herhalde, muh-

¹⁸ Г. Д. Гълыбов. Грамматика по турския язык. София, 1964, § 216.

¹⁹ Lars Johanson. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971, стр. 150, 292—307. — Рецензия: П. И. Кузнецов. Аспект и акционал в турецком языке. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 68—81.

²⁰ Т. Banguoğlu. 1) Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar. Leipzig, 1938, стр. 148—149; 2) Türkçenin Grameri. İstanbul, 1974; H. Ediskun. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1963, §§ 197—199; T. N. Gencan. Dilbilgisi. İstanbul, 1975, стр. 369; M. Ergin. Türk Dil bilgisi. İstanbul, 1962, § 564; V. Hatiboğlu. -dir eki meselesi. — «Dilbilgisi sorunları». Ankara, 1967, стр. 221—224; H. Dizdaroğlu. Tümcebilgisi. Ankara, 1976, стр. 179—181; E. Özdemir. Türkçede fiillerin çekimlenişine toplu bir bakış. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı». Belleten, 1967, Ankara, 1968, стр. 199—200.

²¹ Большинство турецких лингвистов эту форму не регистрируют, отмечая, что модальность на *-dir* от будущего категорического времени используется только от 2-го и 3-го лица единственного числа; см., например, M. Ergin (стр. 298), E. Özdemir (стр. 200).

temelen, umulur, belki anlatımlarına kadar renkler taşırlar» (Т. Бангу-оğlu. Türkçenin grameri, стр. 451).

По мнению Х. Диздароглу (указ. раб., стр. 179), аффикс *-dir* в составе формы *görünüyor-dur* сообщает основе настоящего времени (данного момента) категоричность (*kestirme*), предположительность (*oranlama*), а в составе форм *geleceksiniz-dir* (стр. 180), *toplamışsınız-dır* (стр. 181) — возможность, вероятность (*olasılık*), категоричность (*kesinlik*).

Аффикс *-dir* при настоящем времени долженствовательного наклонения, считает Х. Диздароглу, сообщает исходной основе категоричность (*kesinlik*) или приказание (*buyruk*) (стр. 185—186): *yemeği ağır yemelidir* 'есть следует медленно'.

По Х. Эдискуну (стр. 177; 341—342), форма типа *yazıyorum-dur* выражает предположительность (*ihtimal*), форма *yorulmuşsunuz-dur* — категоричность (*kesinlik*), вероятную предположительность (*kuvvetli ihtimal*); формы *gülerim-dir, olacaksın-dır* — вероятную предположительность (*kuvvetli ihtimal*), форма *kullanmalı-dırlar* — категоричность (*kesinlik*). Ср. еще один пример и его истолкование Х. Эдискуном: «Onlar yarın İstanbul'a döneceklerdir veya dönecektirler (Gelecek zamanla ilgili bir niyetli oluşu ya kesinlikte, yada kuvvetli bir ihtimal veya tahminle haber veriş)» (стр. 343).

По мнению М. Эргина (§ 564), энклитика *-dir* сообщает сказуемой форме утверждение, подтверждение (*kuvvetlendirme*) и вероятность, предположение (*ihtimal*).

По наблюдениям М. Эргина, Х. Эдискуна, Э. Оздемира, аффикс *-dir* сочетается с нижеследующими глагольными и именными формами:

1) с настоящим-будущим временем (с 1-м и 2-м лицом единственного и множественного числа): *bilirim-dir, bilirsin-dir, bilirsiniz-dir, bilirsiniz-dir*; ср., однако, *Ölüm kaçınılmaz-dır* 'Смерти избежать нельзя' (см. стр. 13);

2) с настоящим временем на *-yor* (со всеми лицами): *biliyorum-dur, biliyorsun-dur, biliyor-dur, biliyorsunuz-dur, biliyorlar-dır*;

3) с прошедшим временем на *-miş*: *bilmişim-dir, bilmişsin-dir, bilmiş-tir, bilmişsiz-dir, bilmişsiniz-dir, bilmişler-dir*;

4) с будущим-категорическим временем (со 2-м и 3-м лицом единственного и множественного числа): *bileceksin-dir, bilecek-tir, bileceksiniz-dir, bilecekler-dir*; в очень редких случаях: 1-е лицо множественного числа: *bileceğiz-dir*; ср., однако, *getireceğimdir* (Т. N. Gencan, § 369);

5) с настоящим временем желательного наклонения (со 2-м лицом единственного и множественного числа): *bilesin-dir, bilesiniz-dir*. Не отмеченная названными авторами, форма типа *bileyimdir* реально существует;

6) с настоящим временем долженствовательного наклонения: *bilmiyim-dir, bilmelisin-dir, bilmeli-dir, bilmeliyiz-dir, bilmelisiniz-dir, bilmeliler-dir/bilmeli-dirler*;

7) с именными формами сказуемого (с 1-м и 2-м лицом единственного и множественного числа): *öyleyim-dir, öylesin-dir, öyleyiz-dir, öylesiniz-dir*.

По справедливому замечанию Л. Н. Старостова (указ. раб., стр. 144—145), пропущенные в этом перечне формы *bilir-dir* и *bilirler-dir* вполне закономерны; в приведенном выше перечне пропущена форма настоящего-длительного времени на *-makta-y-ım-dir*.

Л. Н. Старостов (указ. раб., стр. 145) зафиксировал очень редкие в турецком литературном языке формы: *öyle-dir-ım* 'я именно та-

ков(ский)', *paralı-dır-sın* 'ты ведь человек денежный', которые не имеют отношения к модальным формам, так как являются рудиментом старого спряжения, в котором личным аффиксам предшествовала связка *-turur/-durur* > *-tur, -dur, -tir.., dir*, осложняющая значение исходной спрягаемой основы оттенками, уточняющими способ глагольного действия или характер протекания действия²².

В. Хатибоглу, посвятившая функциям аффикса *-dir* специальную статью (см. выше), отмечает: «3. *şahista bütün kelime sınıflarına gelerek, hem „kati haber“ vermenin kesinliğini, hemde bu anlamdan kayarak „kuvvetli ihtimal“i „muzari“ ile birlikte anlatır»* (стр. 222—223).

Следовательно, В. Хатибоглу, как и другие турецкие лингвисты, устанавливает диапазон значений модальности на *-dir* от решительного и категорического утверждения до осторожного предположения.

Турецкий лингвист Медждут Мансуроглу (1910—1960) на устный вопрос автора этих заметок (июль 1957, Анкара), а турецкий фольклорист Орхан Шаик Гёк'яй (письмо от 13.XI.1970) на письменный запрос, есть ли различие в значении сказуемого в предложениях: *o bize geliyor* — *o bize geliyordur*, единодушно ответили: *geliyor* выражает утвердительность (*katiyet*), *geliyordur* — предположительность (*ihtimal*).

Одним из первых турецких грамматистов, обратившим внимание на форму типа *-yor + dur*, был Ибрагим Неджми: «*Halın üçüncü şahsına -dir ilâvesiyle ümit ve tahmin manası verilir. Geliyordur demek „gelmek üzere olması ümit olunur“*»²³.

Это утверждение, равно как суждение М. Мансуроглу и О. Ш. Гёк'яй о значении указанных форм, нуждается в уточнении (см. ниже).

* * *

Изложенный выше фактический материал, приведенные мнения тюркологов, а также наши собственные наблюдения позволяют сделать следующие выводы о значении модальности на *-dir*.

Формы изъявительного наклонения (за исключением прошедшего-категорического времени) в сочетании с аффиксом *-dir*, в зависимости от семантики контекста и общей обстановки высказывания, обусловленной определенными формально-грамматическими показателями, выражают предположительность или утвердительность: *Ben asıl mektebimi, arkadaşlarımı düşünüyorum. Ne güzel gidip geliyordurdur şimdi* (О. Kemal) 'Я думаю главным образом о своей школе, о моих товарищах. Как они, вероятно, прекрасно сейчас проводят время'.

В отличие от субъективно-модальной формы типа *geliyor/lar/mış*, обозначающей заглазное действие и связанные с ним значения, приведенная в этом примере форма на *-yor/-lar/-dır* выражает предположительность, основанную на личном опыте, на непосредственном знании автором обстановки в школе, в которой он учился, и характера занятий его товарищей.

Л. Юхансон (указ. раб., стр. 293) не видит разницы в значении форм *-iyor + dur* и *-miş + dir*: «*Wie iyor + dur drückt auch miş + dir in der Umgangssprache oft Mutmaßung und Vorstellung aus, z. B.: — Yakalanlar bana benziyordur. Eşkâlimi İstanbul'dan sormuşlardır elbet* (N. Hikmet. Yaşamak, 24) 'C'est qu'ils me ressemblent peut-être. Ils ont dû demander mon signalement à İstanbul'».

²² Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Семантика и функции глагольной связки *turur...*

²³ *Ibrahim Necmi. Türkçe Gramer, İstanbul, 1934, II, стр. 85.*

Между формами *benziyordur* и *sormuşlardır* в приведенном примере нами усматривается существенное различие: первая выражает субъективную модальность «по-видимому/вероятно похож(и) на меня», вторая — объективную модальность, грамматически обозначаемую как прошедшее-перфективное время с продолжающимся результатом, семантика которого подкрепляется модальным словом *elbet* 'несомненно', 'безусловно', 'конечно', 'разумеется'; 'Они (полиция), несомненно, запросили из Стамбула описание моей внешности'. Первое предложение передает предположение, второе — уверенность.

— *Bir adam şiiri seviyorsa anlıyordur da* (Türk Dili, № 188, стр. 596) 'Если человек любит стихи, то он [их], конечно, и понимает'. — *Felek müsaade ederse merhum pederimin kemiklerini İstanbul'a getireceğimdir: inşaallahütaala mahsus bir türbe yaptıracağım* (İbrahim Şinasi) 'Если угодно будет небу, я непременно перевезу в Стамбул кости моего покойного отца, если будет угодно всевышнему, я обязательно построю [для него] особый мавзолей'.

В этих двух примерах мы наблюдаем условные периоды, придаточные условные предложения которых обозначают реальное условие, а по temu и предложение в целом (через форму сказуемого) приобретает значение вполне реального.

В определенном контексте, не оставляющем места для сомнений и предположений, форма *-yordur* выражает категорическое утверждение: — *Ben santrfor oynayorumdur* (O. Kemal) 'Я ведь играю центрфорварда'. Здесь сомнения или предположения неуместны, так как речь ведет само действующее лицо.

Ahmet Cemil'e başka bir haber daha verir. Lâmia'yı evlendiriyorlardır (H. Ziya; цитирую по Л. Юхансону, указ. раб., стр. 150) 'Ахмед сообщил Джамиле еще и другую новость. Лямию-то ведь замуж выдают'.

Настоящее-будущее время в сочетании с аффиксом *-dir* (преимущественно в 1-м и 2-м лице единственного числа) обычно передает реальное предположение, уверенность (*kuvvetli ihtimal*)²⁴: *Ölüm kaçınılmazdır* (Türk Dili, № 221, стр. 14) 'Смерти избежать нельзя'/ 'Смерть неизбежна'. — *Sağol Zehra hep açık sözlü yazdım seversindir* (Y. İncesu) 'Спасибо, Зехра, я все откровенно написал, ты конечно [его] любишь'.

Настоящее-длительное время (*-mak-ta-y-ım*) в сочетании с аффиксом *-dir* (редко употребляемое сочетание) служит для утверждения, подтверждения длительности происходящего действия:

Babamdan, annemden, hele Nafi Mollalardan gelme bir sürü mücevherlerinin satıp savdığım halde bundan hâlâ canım gibi sakınıp saklamakta yım (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Я до сих пор продолжаю хранить и оберегать их (то есть драгоценности) как зеницу ока, хотя массу своих драгоценностей, доставшихся мне от моих родителей и, особенно, от членов семейства Нафи-муллы, я давно уже продала'. (Пример из статьи Л. Н. Старостова, стр. 145).

Форма *-miş-im-dir* передает действие, имевшее место в прошлом, реально воспринимаемое в настоящем как его результат (прошедшее-перфективное время с продолжающимся результатом):

Kaynatamın bir kerecik olsun gülümsediğini görmemişimdir (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Я ни разу не видела [ни прежде, ни после], чтобы мой свекор улыбался';

... *reyimi daima antiklerikal fırkalara vermişimdir* (Y. K. Karaosmanoğlu) '... свой голос (баллотировочный) я всегда отдавал [отдаю] антиклерикальным партиям';

²⁴ H. Ediskun. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1963, стр. 342.

Cenan, bizim evden dadımla beraber gelen iki hizmetçi kızdan biridir. Hemen hemen iki kardeş gibi b ü y ü m ü ş ü z d ü r (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Дженан — одна из двух молодых служанок, прибывших вместе с моей няней из нашего дома. Мы росли [и выросли] почти как две сестры';

Bizim vapur o memleketin iskelesine yanaştı. Böyle bir memleket hiç görmemişsinizdir (A. Nesin) 'Наш пароход подошел к пристани той страны. Такой страны вы, конечно, никогда [прежде] не видали';

Bak, bu kadar yıldır bir evde oturuyoruz... iki lâf etmemişsinizdir (S. Ali) 'Смотри же, сколько лет уже живем в одном доме [и до сих пор еще и] двух слов не сказали'.

— Uzak yoldan geldiniz, yorulmuşsunuzdur (H. R. Gürpınar) 'Вы с дальней дороги прибыли, вы, конечно, утомились'.

В тех случаях, когда контекст недостаточно отчетливо выражает значение формы на *-dir*, используются модальные слова, обозначающие уверенность или предположительность, то есть тем самым утверждается одно из двух возможных значений подобных форм; к числу таких модальных слов относятся: *belki*, *herhalde*, *muhtelelen*, *mutlaka*, *muhakkak*, *tabii*, *katiyyen*, *kimbilir*, *olabilir ki*, *elbet/elbette*, *sanki*:

— Affedersiniz, bu vapur Adaya mı gidiyor? — Vallâhi iyi bilmeyorum... Belki gidiyordur (N. Girginsoy) 'Простите, этот ли пароход идет на Принцевы острова? — Ей бог, точно не знаю. Вероятно, идет';

— Onu mutlaka siz tanıyorsunuzdur (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Вы ее, конечно, знаете';

— Erkek çocuk muhakkak buradan şuradan bir şeyler çalışıyor diye düşünüyordum (İ. Devrim) '«Мальчик всенепременно что-нибудь то там, то сям ворует», подумал я'.

Kim bilir, belki de benden nefret ediyordur (O. Kemal) 'Кто знает, может быть, он и ко мне питает ненависть'.

— Murtaza efendi sen, üzerindeki beylik eşyaları da teslim edeceksindir herhalde! (O. Kemal) 'Муртаза-эфенди, во всяком случае, ты, конечно, должен сдать [все] барские вещи, которые на тебе!'

Olabilir ki bu kadın sana tutulmuştur (R. N. Güntekin) 'Возможно, что эта женщина в тебя влюблена'. (Пример из статьи Л. Н. Старостова, стр. 137).

Sanki bir başka dünyaya varmışsınızdır (R. H. Karay) 'Вы словно в другой мир попали'.

Словосочетания *kim bilir* (часто пишут слитно: *kimbilir*) 'кто знает' перешло в разряд обстоятельственных слов; при форме на *-yordur* оно сообщает ей модальное значение условной предположительности:

Fakat hanımefendiye de elâlem önünde kim bilir ne gülünç hallere sokuuyordur (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Однако, кто знает, в какое смешное положение она ставит [нашу] госпожу перед всем миром'.

Kim bilir beni ne kadar ayıplayorsunuzdur? (İ. N. Dilmen)²⁵ 'Кто знает, как вы меня теперь порицаете?'.

При наличии в составе сложного предложения глагола *bil-mek* 'знать' глагольное сказуемое с аффиксом *-dir* приобретает значение уверенности, полной вероятности в осуществлении действия, названного глагольной основой:

— Biliyorum, kızılıyorsundur bana (A. Nesin) 'Я знаю, ты, конечно, сердись на меня'.

²⁵ Пример из кн.: *H. Ediskun. Yeni Türk Dilbilgisi*, § 414

Şimdi ona ne söylüyordur biliyor musun? Ondan kasabaya gitmelerini istiyordur (Y. Kemal)²⁶ 'Знаешь ли ты, что он теперь ему, вероятно, говорит? Он ведь требует от него, чтобы тот отправился в касабу'.

Аффикс *-dir* в сочетании с формами долженствовательного наклонения сообщает формам этого наклонения большую категоричность, обязательность:

Eğri kılıç kində paslanmalıdır 'Кривая сабля в ножнах должна непременно покрываться ржавчиной' (поговорка).

Bu küçük her gün sabahdan akşama kadar çalışacaktır. Çalışmalıdır (S. Derviş) 'Эта малютка должна работать каждый день с утра до вечера. Она обязательно должна работать'.

Модальность на *-dir* от форм настоящего времени желательного наклонения используется преимущественно в сочетании со вторым лицом единственного и множественного числа: *gel-e-sin-dir*, *gel-e-siniz-dir*.

При именных формах сказуемого аффикс *-dir* сообщает им значение утвердительности или предположительности (см. стр. 9, 16).

— Odanız hazır, yorgunsunuzdur, isterseniz yatın, — dedi (A. Nesin) 'Ваша комната готова, вы, вероятно, устали, если хотите, ложитесь! — сказал он'.

— Sen zeki çocuksundur, bilirim (S. Ali) 'Ты ведь умный парень, я знаю'.

Yeniyizdir. Başkayızdır (O. Akbal) 'Мы ведь новые (= новое поколение). Мы ведь другие'.

— Ama babama, başkalarına söylemeyeceksin. — Söylemem, biz yörükler, sır insanlarıdır, biliyorsun (F. Savaşçı) 'Но ты не должен [об этом] говорить ни моему отцу, ни кому-либо другому. — Я не скажу, мы [ведь] юрюки (турки-кочевники), мы ведь люди, умеющие хранить тайну, [это] ты знаешь'.

Ben çok inatçı bir kıyımdır. Daha doğmadan önce ne kadar inatçı olduğuma göstermişim (A. Nesin) 'Я ведь очень упрямая девочка. Еще до своего рождения [как мне рассказывали] я показала, насколько я упряма'. (Пример из статьи Л. Н. Старостова, стр. 146).

Именные формы сказуемого первоначально имели следующий вид: (ben) kız-ım 'я девочка', (sen) kız-sın, o kız; 3-е лицо как глагольного, так и именного сказуемого не оформлялось особым показателем лица.

Аффикс *-dir* при 3-м лице именного сказуемого, первоначально привносивший в значение именной конструкции модальное значение, постепенно утратил модальную семантику и превратился в показатель сказуемости 3-го лица.

В силу этого для выражения модальности к форме с аффиксом *-dir* прибавляется еще один такой же аффикс. Такая конструкция зафиксирована Л. Н. Старостовым (указ. раб., стр. 143, 146) при слове *yok—yoktur—yokturdur*: *Karataşın insanı akşam sabah çatışır durur. Köpekler gibi... Çatışmaktan başka bir eğlencesi de yoktur dur* (F. Baykurt) '[Эти] люди из Караташа без конца грызутся с утра до вечера. Как собаки... Кроме грызни, не знают никаких других развлечений'. (Пример из статьи Л. Н. Старостова, стр. 143).

Ağalı diyor ki, — dedi Bayram, — Ev önüne ev yarmak diye bir kanun yoktur dur (F. Baykurt) 'Агалы говорит, — сказал Байрам, — что

²⁶ Пример из кн.: Н. Ediskun. Указ. раб., § 414.

такого закона, чтобы строить дом перед другим домом, [конечно] нет [и быть не может]'. (Пример из статьи Л. Н. Старостова, стр. 146).

Аффикс *-dîr* в сочетании с подлежащим или обстоятельством образует особую предикативную форму (своеобразное вводное предложение), интонационно отграниченную от всех других членов предложения, благодаря чему логическое ударение переносится именно на этот член предложения; в подобных случаях аффикс *-dîr* является показателем модального акцента (логического ударения):

Beni bir düşüncedir aldı (A. Nesin) 'Мысль одна овладела мною'.
Yahu çoktandır görünmüyordun (B. S. Kunt) 'А ты уже давненько не показывался'²⁷.

²⁷ См. еще: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, §§ 606, 777.

А. Т. КАЙДАРОВ, Е. З. КАЖИБЕКОВ

ГОМОГЕННЫЕ КОРНИ И ИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

(НА ПРИМЕРЕ QA- ~ QA)

Автор одного из последних капитальных исследований по сравнительной фонетике тюркских языков А. М. Щербак в своем заключительном перечне односложных общетюркских основ глагольное и именное значения праформы *kā объединил в одну лексему: *kā 1) 'сундук', 'ящик для пищи', 'чехол'; 'карман'; 'чрево'; 2) 'складывать вместе, класть по порядку' (ЩФ, 194). Ср. без долгот: QA- 'складывать, класть вместе, класть по порядку'; 'собирать в сундук' (ДТС, 399; Brockelmann, 139; Endeks, 254) и др. Во всех случаях корень QA- вычленяется из QADĪ-, приводимого Махмудом Кашгари:

Ка д і I — 'складывал, укладывал вещи в сундук'; قادی қаді:
ال تونغ قادی ('он сложил одежду');

Ка д і II — 'подкладывал дрова в огонь';
اتنك قادی қаді: قادی ('он подложил дрова [в огонь] под горшок') (Индекс ФАН, 34, 1; МК III ФАН, 266; ДТС, 63, 399).

По своей семантике qadī- несколько сближается с qala-. QALA- 'класть, складывать' (ДТС, 410); kala- (тел.) 'гореть, воспламениться'; (кирг., джаг. قالامق) 'сжигать, зажигать', также (джаг.) 'класть в кучу'; (кирг.) 'обкладывать кизяк рядами вокруг котла так, чтобы он нагревался, высыхал и лучше горел' (РСл II, 225—226); с.-юг. кала- 'покрывать, покрываться (одеялом)'; 'класть кучами'; 'употреблять что-либо в качестве покрывала' (СЮ, 50); см. сводку к. салар. QALA- 'сжигать; зажигать': o't qala- 'разводить огонь' (Тенишев СЯ, 459—460); тур. диал. qala- 'топить печь'; аз. лит. qala- 'наваливать, закладывать, затопить (печь)'; аз. диал. qala- 'зажигать (очаг и пр.)'; ног., каз., ккалп. qala- 'класть, складывать (например, дрова), возводить, строить'; кирг. qala-: o't qala- 'разводить огонь'; узб. qala- 'укладывать (дрова, кизяк и пр., чтобы развести огонь)'; уйг. лит. qala- 'укладывать', уйг., куч. qala- 'зажигать'; уйг., лобн. qala-: o't qala- 'разводить огонь'; алт. kala- 'гореть, воспламениться, разводить огонь' и др. Анализ этих примеров позволяет проследить развитие дифференциации значений QALA- в определенной последовательности: 'подкладывать, класть (дрова, кизяк в огонь)' > 'поддерживать (огонь), разжигать (огонь)' > 'гореть, загораться'. Признавая производный характер глагола ka:la- 'складывать в кучу' и т. п., Дж. Клосон отрицает семантическую связь его с именными омонимами и считает едва ли возможным происхождение ka:la- от ka- (в ka:di-), отмечая в то же время, что наиболее правильной формой ka:di-

является ka:la:di: (Clauson ED, 617). Б. М. Юнусалиев, рассматривая пару *қа*- 'собирать, складывать в ящик, сосуд' ~ *қа* 'сосуд, ящик, футляр' как «единственный пример, когда корень имеет характер первичного омонима» (автор имеет в виду «совпадение имени и глагола в корне»), все же отмечает, что «из этого одного примера рискованно делать какие-либо серьезные выводы» (ЮКЛ I, 66—67). Первичный синкретичный корень *qa*- ~ *qa* может иметь вариативные соответствия в тюркских языках, которые, теоретически, можно представить следующим образом: *qa*- ~ *qa/qui*- ~ *qu/qi*- ~ *qi/qo*- ~ *qo//kā*- ~ *kā/ke*- ~ *ke/kü*- ~ *kü/kö*- ~ *kö/ki*- ~ *ki*. Образованные от него при помощи показателей *-t*, *-v*, *-j*, *-z*, *-s*, *-š*, *-l*, *-r* вторичные корни¹ *qat*, *qar*, *qav*, *qar*, *qal*, *qaj*, *qaz*, *qas* и другие или стяженные формы с долгим слоговым гласным — соответственно развивают значение *qa*- ~ *qa*. В этом плане показательна статья И. В. Кормушина, объединяющего *qal*, *qat*, *qar*, *qar* (и *qala*-) и соответствующие монгольские параллели как производные от корня **qa*². При этом следует подчеркнуть, что первичное значение исходного синкретичного корня, заключавшего в себе потенциальные возможности различных направлений дальнейшей агглютинативной лексикализации, было обобщенно-комплексным:

I *qa*- 'класть, положить (что-либо во что-либо)'; 'приложить, прикладывать (к чему-либо)'; 'прикрыть, покрыть, прижать, сжать (что-либо чем-либо)' и т. п.

II *qa* 'вместилище вообще — сосуд, ящик, мешок, футляр и т. п.'; 'покрытие чего-либо — крышка, навес; кора, наружный покров и др.'

Э. В. Севортян выделяет синкретичную глагольно-именную пару чув. *xup*- 'закрывать', 'затворять', 'упразднить', 'ликвидировать', 'запечатывать', 'консервировать (предприятие)' ~ *xup* 'лубок', 'кора', 'чешуя', 'скорлупа', 'шелуха', 'кожица', 'наружная оболочка чего-нибудь', 'крышка' (при общетюрк. *қаб* ~ *қап*) (Севортян АГ, 373, 443). Б. М. Юнусалиев объединяет также общетюрк. *қап*- 'схватить, закрывать, заключать' ~ *қап* 'мешок, сосуд, футляр' и т. п. (ЮКЛ I, 74—75, 67). Глагольные значения *qa*(p)- ~ *qa*(p) можно условно разделить на три нижеследующие семантические группы.

I. Др.-тюрк. *qa*- 'складывать; класть вместе, по порядку'; **kav*- 'сводить вместе, собирать', отсюда — 'стягивать (сжимать)' (Clauson ED, 585); тув. *хаг*- 'оставить; класть, положить'; чув. *хыв*- 'снять одежду, сапоги; класть'; тофалар. *қау*- 'класть, положить'; 'поставить'; 'бросить' (Рассадин, 216—217) и др.

II. Др.-тюрк. **кар*- 'покрывать, закрывать (крышку; какое-либо покрытие; веко)' (Clauson ED, 582); *каф*- 'запирать; бросать без внимания, оставлять на произвол судьбы' (РСл II, 71); (?) барабин. *каі*- 'покрываться облаками (о небе)' (РСл II, 3); як. *хаі*- 'запирать, затворять, заточать, заключать (в тюрьму)'; 'загонять в загон'; ср. эвенк. *кā*-, *кај*- 'закрывать, покрыть крышкой'; бур. *хаа*-, монг. *хаа*- 'закрывать' (ССТМЯ I, 356—357) и др.

III. Др.-тюрк. *QAP*- 'хватать, захватывать'; 'похищать, красть, тащить'; 'одолевать, нападать (о болезни или злом духе)' (ДТС, 420); *кар*- 'хватать, схватить руками, зубами' и т. д. (Clauson ED, 580); *قاب* 'хватать' (АФТ, 0102); дж. тат. *قابمق، قايماق، قايماق* (1) 'кусать, кле-

¹ Учитывая словообразовательно-грамматические и лексические функции этих морфем, мы называем их «вторичными корнями», хотя в этимологическом плане они являются производными основами.

² И. В. Кормушин. Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 13—29.

вать, глотать'; 2) тур. 'схватить, похитить, унести' (БСл II, 3); тув. *кан-*, хак. *хан-*, як. *хан-*, алт. *кан-*, кирг. *кан-*, аз. *ган-*, туркм. *ган-* 'хватать, схватывать (ртом)'; тур. 'выхватывать, хватать', قاپمق осм. 'вырвать, взять к себе'; тат. *кан-*, башк. *қан-* 'схватить (ртом), клевать (о рыбе)', каз. *қан-* 'хватать зубами', уйг. *қан-* 'кусать', узб. *қон-* 'кусать, набрасываться (о животном)', тофалар. *qarp-* 'хватать (ртом на лету), клевать (о рыбе)' (РСл II, 403—404; Рассадин, 218; ТРС, 510) и др. Следует отметить некоторую тождественность семантики последней группы *qar-* со значением глагола *qar-*; ср., например, каз. *balıq qarmaqı qabadı* = *balıq qar-maqı qarıjdı* 'рыба клюет' (букв. 'хватает [ртом] крючок') и т. п. Относительная правомерность эволюции *qar-* < *qar-* подтверждается, во-первых, аналогичными примерами (выпадения плавного) в тюркских языках: *berk-* ~ *berk* (*i* в *berik*, исходной форме *bek*, по мнению Э. В. Севортяна, является вторичным) > *bek-* ~ *bek* 'крепнуть' ~ 'крепкий' (Севортян АГ, 366; также РСл IV, 1215—1216, 1574); во-вторых, возможностью этимологии *qar-* от *qar* 'рука' + афф. *-p* (*-uv* > *-ub/-up* > *-p*) 'хватание', 'схватывание' ~ 'хватать', 'схватить'. Долгота слогового гласного, регистрируемая некоторыми учеными (см., к примеру, ЩФ. 194; Clauson ED, 578 и др.) в *qar*, возможно, является материальной компенсацией выпавшего плавного. Однако доказательство случайного совпадения этих форм или убедительное обоснование данной идеи — задача (и немаловажная!) отдельного исследования.

В приложении односложных слов А. М. Щербак, как и Дж. Клосон, в своем этимологическом словаре старо- и древнетюркского языка вышеуказанные три группы глагольных значений регистрирует за различными лексемами, что, однако, не означает отрицания этими авторами их очевидной этимологической близости. Остановимся на именных компонентах рассматриваемой пары: *қа* 'посуда, мешок' (Индекс ФАН, 339; МК III ФАН, 228); *QA* 'сосуд, посуда' (ДТС, 399); *QAR* ~ *QIR* 'сосуд, мех, бурдюк, мешок'; *мед.* 'оболочка плодного пузыря'; 'панцирь' (ДТС, 420, 445, 40); тат. *قاب* *каб* 'мешок, куль, кулек'; тур. ад. 'сосуд, посуда, ваза, тарелка'; кирг. 'мех, сосуд' (БСл II, I); Дж. Клосон приводит также кыпчак. *kaw* 'тонкая кожица (*al-qısr*), которую сбрасывает змея', осм. *kav* 'сброшенная змеиная шкура' (Clauson ED, 578); ср. *قار* *кав* 'сброшенная кожа змеи' (РСл II, 462—463), башк. *кап* 'куль; чехол; коробка'; *кау* 'чешуя, кожа (змеи)' (БРС); алт., тел., леб., шор., саг., койб., качин., чулым., крым., кирг., ккирг., каз., тоб., *قاب* осм., ад., тар. и др. *кан* 'мешок, сумка, сума, карман'; 'футляр, чехол'; 'сосуд'; 'ножны'; 'стружки, скорлупа' (РСл II, 400—403); горн. уйг. *қан* 'небольшой мешок' (СЮ, 53); як. *хā* 'вместилище'; 'посудина'; 'русло (реки)' (ССТМЯ I, 357); кирг. *кан* 'широкий мешок'; 'футляр, оболочка, ножны' (КРС), гагауз. *кан* 'посуда'; 'наружный покров, покрывка; верх; обложка; тара' (ГРС) и др. В этот же ряд включаем *QAZ* *қаз* 'кора дерева' (Индекс ФАН, 342; МК III ФАН, 165; ДТС, 439), *QAS* I 'кора'; 'кожура' (ДТС, 430), *каш* 'верхний край глазной орбиты', 'бровь'; (осм.) *кылыч кашы* 'эфес шпаги'; (каз., крым., осм.) 'драгоценный камень в гнезде, гнездо у перстня'; 'блюдо, чашка (деревянная)' (РСл II, 386—389), ср. *кабак* ~ *kanak* (шор., каз., джаг.) 'крышка, покрывка', (тел.) 'веко, бровь' (РСл II, 436), *QARAQ* — то же (ДТС, 420; см. также *QAS* ~ *QAS* — 420—421); (?) салар. *QAR* 'дверь' (Тенишев СЯ, 460), это слово не входит в ряд заимствований из тибетско-китайского *KĀ*^o, *KĀVU*, *KO*, *KŌ*, *QĀVU*, *QŌ*, *QOT*, *QOTU* в этом же значении (Тенишев СЯ, 373, 377,

285, 463, 465); QAR 'живот, желудок, чрево, утроба' (неблагоприятное предзнаменование): *kar içinde iğ kirdi* 'если болезнь проникнет в живот' (Clauson ED, 661); ср. *kat* 'зоб, желудок (у птиц)' (РСл II, 274—275); с.-юг. *қоп* 'большая бутылка' (СЮ, 58); алт. *kok* 'струп, парш' (РСл II, 507—508); салар. *кох* 'внешняя оболочка чего-либо' (Тенишев СЯ, 390); ср.: Ю. Янхунен в статье, посвященной самоедо-алтайским языковым контактам, говоря об общем пласте лексики на территории всей Сибири, отмечает небольшое количество названий всевозможных типов вместилищ (сосудов, мешков), например, *Нер. хōг'* (хогq) 'посуда', *Еп. ко', ку'*, *Ngan, kûg* < NSam. **ког*, см. также *Ngan. коаге*, *Евк.*, П-Т Кч С-Б *кор* 'берестяная посуда', *Mong. qog* 'колчан'³.

Производные синкретичной основы *qar-* ~ *qar* включают большое количество глагольно-именных омонимов, выявление которых не входит в нашу задачу. В качестве примера укажем некоторые глагольно-именные пары из второго тома (первой части) «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, иллюстрирующие сказанное выше:

капыш- (قايشمق осм.) 'хватать, вырывать друг у друга, ссориться'; *капыш* (قايش осм.) 'захватывание';

(РСл II, 413)

kanqar- (قايقارمق джаг.) 'покрывать'; *kanqar* (кумд.) 'навес, сарай';

(там же, 420)

kaбал- (قبالمق джаг.) 'запираться, закрываться, быть осажденным'; *kaбал* (قبال, قابال, قابال джаг.) 'окружение, осада';

(там же, 444—445)

kanku- (уйг.) 'прицепляться, придерживаться, приобретаться'; *kanku* (тар., قايقو джаг.) 'капкан, ловушка для ловли диких зверей; шнурок, который для укрощения вешают на шею осла';

(там же, 421)

кабыс- (саг., койб.) 'хватать друг у друга, бороться, сражаться' (там же, 452); *кабыз* (осм.-араб. قابض) 'берущий, хватающий, задерживающий' (там же, 453);

кабыш- (тел., чулым.) = *кабыс-* (там же, 453); *кабз* (осм.-араб. قابض) 'захватывание, получение; запор' (там же, 459);

кавуш- (уйг.) قاوشمق 'сходиться, соединяться'; *кавуш* (قاوش осм.) 'пояс, шаль';

(там же, 471)

капан- (крым., قاпанمق осм.) 'быть закрытым, запертым, запирается; крепко держаться за что-то; быть закрытым, быть запертым, закупоренным; закрываться (облаками)'; *капан* (قبان осм.) 'хватающий, держащий, ловящий; ловушка, силос, капкан; склад, лавка, рынок, рыночная пошлина';

(там же, 407—409).

³ См.: *Juha Janhunen. Samoyed-Altaic contacts. — «ALTAICA». PIAC XIX. Helsinki, 1977, стр. 123. Ср. также: A. J. Joki. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952, стр. 195—196.*

Можно привести и многие другие примеры. Получая дальнейшее морфологическое развитие в разных тюркских языках, вторичные (и третичные) образования не теряют между собой семантической или логической связи. Ср. *kök* ~ *kük* ~ *kaук* ~ *кабык* (قاوق, قاقوق) ~ *kawuk* ~ *кавук* 'нечто полное; особенно пузырь'; 'пузырек'; 'пузырь мочевого' (РСл II, 50, 467, 470, 508, 896); каз. *кууық*; др.-тюрк. *QAYUQ* ~ *QAVUQ* ~ *QAWUQ* 'мочевой пузырь' (ДТС, 406, 438) ~ с.-юг. *қақ* 'мочевой пузырь' (*қағ?*) (СЮ, 50); кавѣа (قاوغه осм.) 'колодезное ведро, сделанное из шкуры головы лошади' ~ *коѣа* (кирг., قوياغه, قوياغه джаг.) 'бадьа, шайка; миска, посуда' ~ *коѣа* (قاوغاجа, осм.) ~ *коѣо* (тел.) 'ведро, которым достают воду из колодца' ~ *кова* (قووه, قووغа осм.) 'посуда, ведро' (РСл II, 51, 473, 503, 515, 516, 664); каз. *қақапа* (qa-p + қап) 'капкан', *qabīq* (qa-p + īq) 'кора, кожа, скорлупа, шелуха', *qaviz* (qa-v + īz) 'шелуха (зерна)', *kūbi* (kū-p + i) 'кадушка', *kūrşek* (kū-r + şek) 'кувшин, глиняная посуда', *köze* (kō-z + ā) 'деревянное ведро'; или по БСл II: *кондом*. *قابورغه* 'чемодан', 'патронташ', 'колчан' [2]; тур., тат. *قابورغه* 1) 'ребро', 2) тур. 'латы без колец' [3]; тур. *قبور* 'колчан, футляр, кобура (пистолета)'; в тат. *копур* 'чашка, блюдечко, футляр', *قبورچوق* 'ямщик' [38] и многие другие. Анализ *қаса*, входящего также в парн. *қа қаса*, позволяет предположить, что *қаса* генетически связано с основой *қа* как ее производное. Сосуд *قاچا* (*قاچا*) *qāčā* (Raquette, 129), *қаса* ~ *қасә* ~ *қасі* 'кубок, сосуд' (Jarring, 235), тар. *кача* 'глиняная посуда', *коза* *кача* 'посуда' (РСл II, 333), *коза* (قوزه осм.) 'кокон шелковичного червя'; 'маленькая покрывка из кости, которую кладут на печать'; тар. *коза* 'глиняная посуда, в которой держат воду' (РСл II, 628—629); кирг. *каса* 'каменная чашка, глиняный горшок'; (?) *каса* (قاصه осм.) 'железный ящик для хранения денег (у купцов)' (там же, 348); тур. *قابچاق* 'горшки и кастрюли', 'котлы и чашки' (вообще кухонная посуда) (БСл II, I); тур. кар *каса* 'кухонная посуда, утварь' (ТРС), осм., чаг. *каб қазақ* 'горшки и миски', 'сосуд' (Clauson ED, 590). Ср.: *QAPČUQ* 'мешочек' ~ *QASUQ* 'мех, бурдюк, турсук из конской шкуры' ~ *QASUQ* (~ *qoşuq*) 'ложка'; *қазіқ* 'деревянная посуда' (ДТС, 420, 431—432; Jarring, 242; Индекс ФАН, 343); *қар қаса* ~ *қасә* ~ *қасі* < *қар қарşıқ* ~ *қарşıқ* ~ *қаşıқ* ~ *қазіқ?* Производность персидского *کاسه* от *қаса* требует еще дополнительных доказательств. Предполагая заимствованный характер *қаса*, Дж. Клосон не относил его все же безоговорочно к персизмам (Clauson ED, 590). Лексемы же *қар* 'мешок, мех, куль', *қар* 'закрывать, покрывать' заимствованы персидским языком (Doerfer III, 1364, 1367, 1545).

Со значением *қа(р)* 'чрево (матери)' связано также значение *қар* 'близкий, кровный родственник', *қар қадаш* (~ *қа қадаш*) парн. 'родственники (по крови?)', *QAYADAS* 'родственник, родич' (ДТС, 339, 405, 420); *қап* 'родственник' (Боровков, 198) и т. д. Происхождение *QAYADAS* < *QA QADAŞ* очевидно. Этимологизируя *kadaş* 'брат, родственник', Дж. Клосон разбивает слово на основу *ка*: 'сосуд, вместилище' и аффикс *-daş*, придающий слову значение «соутробник», «из одного чрева (матери) вышедший» (Clauson ED, 578). Рассматривая *ka:b* 'оболочка плода', 'сорочка (у новорожденного)', автор добавляет: *ka:b* 'оболочка' (*al-ğirs*; *al-'irs*), в которую ребенок окутывается в чреве (матери) и иногда рождается в ней; такой ребенок считается счастливым (*al-tubārak*) и его называют *ka:blığ oğul*: *kab* 'родственник', метафорически

(al-qarīb 'alā tariqī'listi 'āra); говорят: ol meniñ birle: uya: ka:b ol 'он мой родственник' в том случае, если он родился в такой оболочке (zarī). В этот же ряд входит слово qar 'живот' (см. выше) и каз. qar ~ qarī 'родственник', 'родня', 'родные', сохранившееся в пословице qarīna tart-raqapñ qarī sīnsīn 'пусть у не испытывающего родственные чувства (к родным) рука сломается'. В этом примере представлены два омонима «рука, предплечье» и «родня, родные» в форме qar ~ qarī (ҚТЖЕ II, 138—139). Ш. Ш. Сарыбаев сближает слово qarī в интересующем нас значении с қарым в қарым-қатынас (ҚТҚЭС, 122); см. также диал. каз. қарым 'род, происхождение' (Аманжолов, 428; ҚТДС, 196). Показатель -daš, образующий существительные со значением лица по определенному признаку, общему с другим лицом, как, например, одинаковость положения в пространстве, во времени, в социальной среде, а также признак соучастия и содружества (или сотоварищества) (Севортян АИ, 164), придающий слову значение «товарищ» (тюрк. -taš, -daš 'товарищ': qadaš 'член одной семьи [qa], близкий родственник', joldaš 'сопутник', jırdaš 'соотечественник', qarındaš 'брат или сестра' и т. д.) (Ramstedt SKE, 257), легко выделяется в терминах родства: қадаш 'друг, товарищ' (РСл II, 315), QADAŠ ~ QAΔAŠ 'родич, родной' (ДТС, 401—402, 404) قاياش 'родня' (АФТ, 0103), уйг. qajaš 'родственник' (БНУ, 116); qardaš ~ qarındaš (кроме як., чув., тув.) во всех тюркских языках 'родственник', причем в чаг. каріндаш || кардаш (РСл II, 185), узб. кариндаш || кардош, туркм. гарындаш || гардаш, башк. карындаш || кәр-рендәш || кәрзәш, куманд. карындаш || кардаш || кардыш || картыш, балк. къарындаш || къарнаш и некоторых других обе формы употребляются параллельно. Особо следует отметить лексему даш 'близкий', 'друг', зафиксированную в памятнике XIV века Э. И. Фазыловым и М. Т. Зияевой (ФЗ, 290): ср. (> ?) дж. داش = تاش 'сверстник' (БСл I, 333). Вполне вероятно, что в вышеперечисленных словах выступает не аффикс, а самостоятельное слово, ныне вышедшее из употребления, но сохраняющее свое основное значение в показателе -daš. Сближение адаш < ad + daš 'тезка' (в основном в современных языках) с адаш 'друг, приятель, товарищ' (в памятниках) вряд ли оправдано. Возможно, ключ к этимологии адаш древних памятников тюркологии найдут в qadaš, мимемным повторением которого является адаш 'товарищ' в парн. адаш qadaš или в daš — отдельной лексеме (если она также не является оно-матопоэтической формой адаш). Не случайно, говоря о старой этимологии Тали Имани Гератского, позднее повторенной В. В. Радловым, Самибеем, В. Грэнбеком, Г. Дёрфером, М. Рясняном и ставшей традиционной, Э. В. Севортян пишет: «Однако при этой версии не вполне ясно, как могло развиться старейшее значение 'товарищ', 'друг' ('товарищ по имени' > 'товарищ?'), единственное (разрядка наша. — А. К., Е. К.) в древнейших памятниках тюркских языков» (ЭСТЯ, 204).

Л. А. Покровская в результате подробного анализа тюркских терминов родства приходит к выводу о генетической близости qadaš и qajin 'тесть' ~ qadin 'жена' [следует заметить, что автор в заключительной главе своей работы справедливо признает неясную природу форманта -аш ~ -ыш в қадаш; см. выше предложенную Дж. Клосоном и кажущуюся нам убедительной разбивку. В любом случае выступает аффикс -daš, -taš и либо корень qa, либо его фонетическая (и морфологическая?) разновидность]. Ср. др.-тюрк. кудаз 'жена' (ПДП, 98); qudaš: адаш qudaš ~ адаш qadaš парн. 'товарищи, друзья, приятели', где адаш ~ адаш 'друг, приятель, товарищ', имеющее и глагольный вариант адаш- 'дружить

с кем-либо' (ДТС, 9, 14, 463). О более древнем значении «родственник», «родной», «близкий» комплекса $qaj\dot{i}p \sim qad\dot{i}p \sim qaz\dot{i}p \sim qar\dot{i}p \sim qat\dot{i}p \sim qad\dot{i}p$ и других говорят многочисленные «слова, обозначающие степени родства» (по В. В. Радлову): *ата, ана, ага, тате, ини, сиңли, жеңге, жезде* и т. д., употребляемые вместе с тем или иным термином. Например, см. *кайн ~ кайын ~ казын ~ кадын* (РСл II, 12—13, 19, 324, 377) и подобные слова-уточнители $qiz, o\dot{u}l, erkek$ к *qardaş* и $qar\dot{i}n-daş$; значение *карын* в слове *карынла-* (قارنالامق осм. из *карын* + *ла*) 'ассоциироваться, соединяться, близко подружиться' (РСл II, 172). Л. А. Покровская устанавливает также, что «термин *қайын*, этимологически связанный с *қадын*, прежде обозначал в тюркских языках только родню жены и лишь с течением времени его семантика расширилась, и он стал „двусторонним“ термином родства по браку»⁴. Тур., гагауз. *кары* 'жена', 'женщина' в связи со значением *кары* 'старый' в других тюркских языках имело следующую последовательность развития: *кары* 'старуха' > 'жена'⁵. Употреблялось только по отношению к женщинам: уйг. диал. $qag\dot{i} \sim qaj\dot{i}$ 'старая; старая женщина (старше 50 лет)' (Jagging, 244); сравним вышеуказанные каз. *qag* 'родня', *карын* в глаголе *карынла-* в значении «дружба», «близость», каз. диал. $qar\dot{i}m$ 'род', 'происхождение' и многие другие; с общей основой $qurt \sim qort$, выделяемой в следующих примерах (кроме тувинского): др.-тюрк. $qurta \sim qur\dot{t}a$ 'старуха' (ДТС, 469), башк. *қортқа*, лобн. ж.-уйг. *қуртқа*, тув. *куьруяк*, сев.-алт. *куртуях*, хак. (кыз.) *хуруях*, саг. *хуртуях* 'старуха', тофалар. $qurgh\dot{y}aq$ 'жена, женщина' (Рассадин, 221); ср. *кадыт* (алт., лоб.) 'замужняя женщина, женщина (вообще)' (РСл II, 329), куманд. *кадыт* 'жена' (БДК, 217) и др. С общезвестными примерами тув., шор. *кат* 'жена, женщина', хак. *хат* 'баба', куманд. *кат ~ каат* 'жена, женщина', тел. и кум. *кат* 'женщина' можно также сравнить (как гомогенные?) с.-юг. *куй* 'отец моей жены' (ср. qaj в $qaj\dot{i}p$) (СЮ, 71), др.-тюрк. *куй* 'женская часть жилища' (ПДП, 98); qin 'теща, свекровь' (Jagging, 247; Raquette, 74) (стяжения?), ср.: *кын* 'ножны; стручок' (РСл II, 724—725); *қын* 'украшение на груди у женщины (футляр для волос)'; 'пупок'; 'потомство, дети' (СЮ, 63); салар. QEN, QYN 'футляр, ножны' (Тенишев СЯ, 463, 466) и др.

Существует этимология $qaj\dot{i}p \sim qat\dot{i}p$ от китайско-корейского *qa* 'семья, дом' (Ramstedt SKE, 81, 217; Рясянен, 125). Причем мнения Г. Рамстедта и М. Рясянена о природе второго компонента этимологизируемого слова, по-видимому, расходятся. Нам представляется наиболее правомерной генетическая связь $qaj\dot{i}p \sim qat\dot{i}p$ с корнем, означающим «чрево (матери)» ~ «рожать, родить». С этим же, скорее всего, связан факт наиболее древнего и первичного обозначения термином $qaj\dot{i}p \sim qaz\dot{i}p \sim qad\dot{i}p$ родственников только с *женской* стороны.

Таким образом, лексико-семантический и фонетико-морфологический анализ развития первичного корня $qa- \sim qat$ наглядно показывает насколько разнообразно и разнонаправленно шел процесс словообразования и семантического дробления первоначально комплексного значения исходного слова. Причем синкретизм праформы зачастую сохраняется в ее производных, либо вновь вырабатывается путем присоединения синкретичного аффикса или универсализации функций основы, приобретающей значение имени и глагола одновременно.

⁴ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 60.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аманжолов — С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I. Алма-Ата, 1959.
- АФТ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- БДК — Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев. М., 1972.
- Боровков — А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII веков. М., 1963.
- БНУ — Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
- БРС — «Башкирско-русский словарь». М., 1958.
- БСЛ — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Тт. I—II. СПб., 1869—1871.
- ГРС — «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973.
- ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Индекс ФАН — «Девону луготит турк». Индекс-лугат. Ф. Абдурахмонова. С. Муталлиболар иштироки ва тахрири остида. Тошкент, 1967.
- КРС — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- ҚТДС — «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алматы, 1969.
- ҚТЖЕ II — Ж. Досқараев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктер. II бөлім. Алматы, 1955.
- ҚТҚЭС — «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі». Алматы, 1966.
- МК I—III ФАН — М. Кошгарий. Туркий сўзлар девони (девону луготит турк). Тт. I—III. Тошкент, 1960—1963.
- ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
- Рассадин — В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- РСЛ — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Рясянен — М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Севортян АГ — Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Севортян АН — Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- ССТМЯ — «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков». Тт. I—2. Л., 1975—1977.
- СЮ — С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- Тенишев СЯ — Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976.
- ТРС — «Турецко-русский словарь». М., 1977.
- ФЗ — Э. И. Фазылов, М. Т. Зияева. Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент, 1978.
- ЩФ — А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1974.
- ЭСТЯ — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- ЮКЛ I — Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология. Ч. I. Фрунзе, 1959.
- Brockelmann — C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kashgari's Divan Lugat at-Turk. Budapest—Leipzig, 1928.
- Clauson ED — G. Clauson. An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
- Doerfer III — G. Doerfer. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967.
- Endeks — Besim Atalay. Divanü lûgat-it-türk dizini. Endeks. Ankara, 1943.
- Jarring — G. Jarring. An eastern Turki-English dialect dictionary. Lund, 1964.
- Ramstedt SKE — G. J. Ramstedt. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949.
- Raquette — G. Raquette. English-Turki dictionary. Based on the dialects of Kashgar and Yarkand. Lund—Leipzig, 1927.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ф. Б. АСТЕМИРОВА

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КУМЫКСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одним из важных факторов развития кумыкского языка является двуязычие — владение наряду с родным и русским языком, общественные функции которого в многонациональном Дагестане в советскую эпоху значительно расширились. Русский язык стал для дагестанцев средством межнационального общения, мощным фактором приобщения их к активной политической, экономической, научно-технической и культурной деятельности. Благодаря русскому языку кумыкам стали доступны богатства мировой культуры. Такое функционирование русского языка во всех сферах общественной, материально-производственной и культурной жизни Дагестана во многом содействует всестороннему развитию языков народностей края и, в частности, кумыкского языка. Наиболее ярко это сказывается на лексической системе.

За годы Советской власти кумыкская лексика в огромной степени расширилась и обогатилась. Возникли новые лексические пласты, отражающие развитие социалистических общественных отношений, подъем культурно-образовательного уровня народа, а также достижения научно-технического прогресса.

За советский период сформировалась и научная терминология кумыкского языка, в том числе общественно-политическая, литературоведческая, лингвистическая и др. Вопросы, связанные с исследованием процессов образования указанных микросистем кумыкской лексики, нуждаются в специальном рассмотрении. Актуальность этой проблемы подчеркивал В. В. Виноградов, касаясь особенностей развития языков народов СССР в условиях их взаимодействия: «Изучение этих процессов и даже некоторое воздействие на их течение — важная научно-лингвистическая и культурно-политическая проблема нашего времени»¹.

Значение русского языка в становлении кумыкской терминологической лексики не ограничивается только количественными показателями прямых заимствований из него. Языковые контакты способствуют развитию внутренних возможностей и средств кумыкского языка.

Для формирования кумыкской лингвистической терминологии решающим фактором явилось создание школ с обучением на национальном языке, издание учебно-методической литературы, расширение периодической печати.

¹ В. В. Виноградов. В. И. Ленин и развитие советской филологии. — «Ленин и наука». М., 1960, стр. 293.

Лингвистическая терминология в кумыкском языке представлена наиболее распространенными терминами широкого употребления, используемыми в школьном курсе родного языка (научная и методическая литература для вузов издается на русском языке).

Н. А. Анисимов, анализируя учебники кумыкского языка, отмечал, что в школьных грамматиках 30-х годов «еще встречаются термины и слова арабского происхождения», но наряду с ними употребляются «и термины, усвоенные из общеевропейского (научного) словаря»². При этом он указывал и на заметные изменения в терминологии в учебниках 40-х годов и в связи с этим подчеркивал положительную роль русского языка в создании кумыкской грамматической номенклатуры и научной терминологии в переходе кумыков от арабской терминологии к общесоюзной и международной лингвистической терминологии³. Период с 1933 по 1942 год Н. А. Анисимов, имея в виду лингвистическую терминологию, определял как «этап собирательный (собираение терминологического материала, изобретение терминов на родном языке, создание грамматической системы и т. п.)»⁴.

Настоящая статья посвящена некоторым закономерностям формирования кумыкской языковедческой терминологии, определению роли русского языка в этом процессе, а также выявлению источников и способов образования терминов.

«Грамматика» А. Н. Батырмурзаева⁵ является первым учебником, в котором дано описание фонетической и грамматической системы кумыкского языка. Содержащиеся в ней сведения позволяют судить о состоянии лингвистической терминологии 30-х годов, образование которой было обусловлено необходимостью систематизации языковых понятий. Сам автор в предисловии пишет, что «до сих пор нет никакой грамматики» по кумыкскому языку, указывает на затруднения, вызванные «отсутствием научной грамматики кумыкского языка..., готовых терминов», и отмечает «сложность подбора терминов, точно соответствующих понятию».

В начальный период становления кумыкской лингвистической терминологии основное место занимали термины, слова или словосочетания, образованные на материале самого кумыкского языка: *аваз* 'звук', *ат* 'имя существительное', *байлавуцлар* 'последологи', *бюртюк* 'точка', *сёз* 'слово', *тавуш* 'голос', *янашалык* 'примыкание', *ярашыв* 'согласование', *бурун аваз* 'носовой звук', *сангырав аваз* 'глухой звук', *созукъ аваз* 'гласный звук', *толкъунлу аваз* 'плавный звук', *тутукъ аваз* 'согласный звук', *чартлавукъ аваз* 'взрывной звук', *янгыравукъ аваз* 'звонкий звук', *жынс ат* 'имя нарицательное', *санав ат* 'имя числительное', *хас ат* 'имя собственное' и др.

Довольно широко были представлены термины арабо-персидского происхождения: *гъарп* 'буква', *гъал* 'падеж', *жумла* 'предложение', *замир* 'местоимение', *зарф* 'наречие', *нагъву* 'синтаксис', *сыфат* 'прилагательное', *фиълу* 'глагол', *ади жумла* 'простое предложение', *гъикайа жумла* 'повествовательное предложение', *сыфат фиълу* 'причастие' и др.

Использование интернациональных терминов греко-латинского происхождения ограничивалось лишь несколькими словами: *грамматика*, *морфология*, *синтаксис*, *сингармонизм*, *суффикс*, *фонетика*. Причем в

² Н. А. Анисимов. Анализ учебников кумыкского языка. — В кн. «Родной и русский языки в национальной школе». М., 1953, стр. 165.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Там же, стр. 170.

⁵ А. Н. Батырмурзаев. Къумукъ тилин грамматикасы. Махачкала, 1933; *его же*. Къумукъ тилин грамматикасы. Махачкала, 1957.

отдельных случаях употреблялись дублиеты разноязычного происхождения. Так, рядом с интернациональным термином *синтаксис* в скобках указывалось арабское *нагъву*. Употребление исконно русских терминов в работе А. Н. Батырмурзаева не зафиксировано.

Сопоставление лингвистической терминологии, используемой А. Н. Батырмурзаевым в его учебниках, изданных в разные годы, позволяет проследить особенности становления и некоторые закономерности развития этой области кумыкской лексики.

Если в более ранних изданиях учебника А. Н. Батырмурзаева довольно широко были представлены термины арабо-персидского происхождения, то в последующих отмечается значительное расширение терминологии за счет двух источников — родного языка и заимствований из русского языка как собственно русских, так и интернациональных терминов, что во многом было обусловлено кумыкско-русским двуязычием, способствующим развитию и обогащению кумыкской лексической системы в целом.

Обогащение лингвистической терминологии кумыкского языка происходило тремя способами: заимствованием, калькированием и использованием собственно кумыкских образований, при этом материалом служили собственные ресурсы языка и иноязычные элементы, взятые главным образом из русского языка.

I. Заимствование. В начальный период источником заимствований отдельных слов и словосочетаний были восточные языки, в последующем — русский язык. Из последнего заимствовались термины как собственно русские, так и интернациональные. С точки зрения механизма освоения, все эти термины можно разделить на две группы: буквальные и преобразуемые заимствования⁶.

К буквальным заимствованиям, то есть воспринимаемым без изменения формы, относится большая часть заимствованных терминов: *алфавит, глагол, деепричастие, деепричастный оборот, дефис, междометие, местоимение, морфология, обращение, подлежащее, послелог, причастие, причастный оборот, сказуемое, словарь, тире, ударение, фонетика, числительное* и др.

Преобразуемые заимствования составляют незначительный пласт. Это термины, при оформлении которых используются морфологические средства кумыкского языка. Таким изменениям подвергаются как существительные, так и прилагательные.

При освоении существительных используется формальный показатель множественного числа *-лар (-лер)*, при этом в качестве производной основы выступают слова из русского языка вместе с флексией: *кавычкалар, наклонениелер, союзлар, скобкалар, частицалар* и др.

Изменениям могут подвергаться и русские прилагательные женского и среднего рода. Кумыкским языком они осваиваются с русским формальным показателем мужского рода: *запятой 'запятая', простой предложение 'простое предложение', простой сказуемое 'простое сказуемое'* и т. д., что объясняется отсутствием в кумыкском языке грамматической категории рода.

II. Калькирование. Это наиболее продуктивный способ образования языковедческих терминов. Отмечается различный характер калькирования: фразеологическое, смысловое и реже — словообразовательное.

1. Фразеологические калки, то есть термины, созданные по моделям русских лексикализованных сочетаний, занимают значительное ме-

⁶ См.: Д. С. Лотте. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968, стр. 51.

сто. Одни из них образованы полностью на материале кумыкского языка, другие состоят из разноязычных элементов. Причем перевод русских фразеологических оборотов может быть и буквальным, и приблизительным.

Большая часть кумыкских фразеологических калек воспроизводит лексико-грамматический состав русских сочетаний без каких-либо отступлений. Это точные фразеологические кальки:

гьалиги заман 'настоящее время',
гележек заман 'будущее время',
гетген заман 'прошедшее время',
гиришген сёзлер 'вводные слова',
йымышакъ белги 'мягкий знак',
кёплюк санав 'множественное число',
къыя толумлукъ 'косвенное дополнение',
мурат гьал 'обстоятельство цели',
сорав белги 'вопросительный знак',
тилни авазлары 'звуки речи',
токътав белгилер 'знаки препинания',
тувра сёз 'прямая речь',
тувра толумлукъ 'прямое дополнение' и др.

Фразеологическое калькирование может происходить с некоторыми изменениями в лексико-грамматической передаче отдельных компонентов русских словосочетаний. Однако неточных калек меньше, чем точных. Сюда можно отнести следующие термины:

ортакъ тамуру бар сёзлер 'однокорневые слова' (слова, имеющие общий корень),

созукъ авазлар 'гласные звуки' (тянущиеся звуки),
чакъырыв белги 'восклицательный знак' (позывной знак),
этилген тюплер 'производные основы' (образованные основы).

Самую большую в количественном отношении группу составляют фразеологические полукальки — термины, в которых одни компоненты переводятся на кумыкский язык, а другие заимствуются без перевода. Русские слова в них выступают в качестве определяющих. Причем калькирование с использованием разноязычных элементов может быть точным или неточным.

Примерами точных фразеологических полукалек являются следующие термины:

баи предложение 'главное предложение',
белгилевчу местоимениялар 'определятельные местоимения',
бет местоимениялар 'личные местоимения',
бир жынслы членлер 'однородные члены',
гёрсетив местоимениялар 'указательные местоимения',
сёзню составы 'состав слова',
сорав местоимениялар 'вопросительные местоимения',
тилни частлары 'части речи',
хабар предложение 'повествовательное предложение',
хас существительное 'собственное существительное',
шарт наклонение 'условное наклонение'.

К неточным фразеологическим полукалькам относятся следующие словосочетания:

генгелешген предложениялар 'распространенные предложения' (расширенные предложения),

генгелешмеген предложениялар 'нераспространенные предложения' (нерасширенные предложения),

жынс существительное 'нарицательное существительное' (родовое существительное),

кюрчю форма 'начальная форма' (основная форма),

хабар наклонение 'изъявительное наклонение' (повествовательное наклонение).

2. Образование лингвистических терминов происходит также путем терминологизации кумыкских слов, их семантического переосмысления. Новые значения обязаны своим возникновением иноязычному влиянию, фонетический же облик, словообразовательная структура и грамматические свойства их являются исконными.

Этот процесс, обычно именуемый семантическим калькированием, происходит лишь тогда, когда русский термин и кумыкское слово имеют семантические точки соприкосновения, объединяются общим прямым значением. Таковы, например, термины:

аваз 'звук' (прямое значение — «голос, звук»),

айрылыв 'обособление' (прямое значение — «расхождение, отделение»),

ат (*предложениялар*) 'назывные (предложения)' (прямое значение — «имя, название»),

даража 'степень' (прямое значение — «условие, степень»),

тамур 'корень' (прямое значение — «часть растения»),

түп 'основа' (прямое значение — «фундамент, основа»).

3. Единичны случаи пополнения лингвистической терминологии словообразовательными кальками. Это несколько прилагательных в составе словосочетаний. Они возникли по моделям русских слов, а составляющие их морфемы — собственно кумыкские:

экинчи даражалы член 'второстепенный член',

эринли созукълар 'губные гласные',

эринсиз созукълар 'негубные гласные',

ударениели бувун 'ударный слог',

ударениесиз бувун 'безударный слог'.

Экинчи даражалы представляет собой поморфемный перевод русского «второстепенный», в котором основа «второй» переводится кумыкским *экинчи*, а другая часть — «степенный» — кумыкским *даража* 'степень' и аффиксом *-лы*, соответствующим русскому «-н (ый)».

Прилагательные *эринли* 'губные' и *эринсиз* 'негубные' образованы по моделям русских слов путем перевода их по составляющим морфемам. Корень «губ» заменяется кумыкским *эрин* 'губа', а суффикс «-н» кумыкским аффиксом *-ли* с соотносительным значением; во втором слове к корню присоединяется аффикс *-сиз* со значением отсутствия, соответствующий русскому префиксу «не».

Аналогично образуются прилагательные *ударениели*, *ударениесиз* в составе терминов — словосочетаний.

III. В формировании лингвистической терминологии немаловажную роль сыграли и собственно кумыкские образования. Данная группа терминов отражает особенности фонетической и грамматической системы кумыкского языка, и поэтому большая часть понятий, обозначенных ими, не имеет соответствующих параллелей в русском языке. Они представляют собой словосочетания, которые по составу компонентов с точки зрения их этимологии можно разделить на две группы.

К первой группе относятся термины, состоящие целиком из исконного материала:

эринлерде гелишив 'губной сингармонизм' (этим термином обозначают уподобление гласных всех слогов гласному первого слога по участию губ),

эринли инче сёзлер 'слова с губными узкими гласными',
кемлик даража 'неполная степень' (это форма кумыкских прилагательных с аффиксами *-гъылт*, *-шылт*, *-сув* и другими, в русском языке им соответствуют суффиксы субъективной оценки «-оват-», «-еньк-» и т. д.: *къызгъылт* 'красноватый'),

ортакълыкъ даража 'залог совместимости' (залог глагола, обозначающий совместное действие нескольких предметов),

битмеген гетген заман 'незаконченное прошедшее время'.

Ко второй группе относятся термины, в образовании которых, наряду с кумыкским языковым материалом, используются и слова из русского языка:

багъым падеж 'падеж направления',

барлыкъ форма 'форма наличия (бытия)',

баш падеж 'начальный падеж',

буйрукъ глагол 'глагол повеления',

ёкълыкъ форма 'форма отрицания (отсутствия)'.

Говоря об особенностях формирования кумыкской лингвистической терминологии в условиях двуязычия, нельзя не сказать и о таком важном процессе, как замена старых терминов новыми, более точными. Эти изменения были вызваны необходимостью унификации терминологии. При этом вытеснялись арабо-персидские, а иногда и собственно кумыкские слова терминами из русского языка и собственно кумыкскими более удачными новообразованиями:

Арабо-персидские

агъваллар

варгул

гъаллар

жумла

ишара

нагъву

сыфат

фиълу

Кумыкское

байлавуч

Русские

'междометия',

'запятая',

'падежи',

'предложение',

'местоимение',

'синтаксис',

'прилагательное' и 'наречие',

'глагол',

'частица'.

Такая замена происходит и в терминах-словосочетаниях: в качестве компонентов вместо арабо-персидских слов используются заимствования из русского языка и собственно кумыкские слова: *зат ишаралар* — *бет* (кум.) *местоимениелер* (русс.) 'личные местоимения', *къарал ишаралар* — *белгисиз* (кум.) *местоимениелер* (русс.) 'неопределенные местоимения', *мантиги ургъусу* — *маъна* (кум.) *ударение* (русс.) 'смысловое ударение'.

Замену старых терминов, зачастую малопонятных и непопулярных, более точно выражающими данное понятие образованиями родного языка или заимствованными русскими и интернациональными терминами следует считать, несомненно, прогрессивным явлением. Уместно вспомнить в связи с этим высказывание В. Г. Белинского: «Какое бы ни было слово — свое или чужое — лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хламу...»⁷.

Исследование особенностей становления кумыкской лингвистической терминологии позволяет выявить две важные тенденции в ее развитии:

⁷ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. V. М., 1954, стр. 193.

1. Усвоение языковедческих терминов из русского языка, в том числе интернациональных. Этот процесс способствует унификации лингвистической терминологии, созданию общего для всех языков народов СССР фонда языковедческих терминов.

2. Образование терминов путем использования собственных ресурсов языка, что в свою очередь ведет к активизации словообразовательных возможностей кумыкского языка.

Обе эти тенденции составляют две взаимообусловленные стороны единого процесса развития языков социалистических наций, их расцвета и взаимообогащения.

Б. Я. АХМЕДОВ

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УЗБЕКСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Как известно, развитие каждого языка происходит не только на основе его собственных внутренних законов, но и под воздействием других контактирующих с ним языков. В развитии национальных языков Советского Союза, в том числе узбекского, огромную роль играет русский язык — язык межнационального общения народов нашей страны. Влияние русского языка на узбекский приводит, в частности, к типологическим изменениям и сдвигам в системе словосочетаний, ибо «структуры словосочетаний по характеру своих значений более конкретны..., более подвижны, так как, во-первых, изменения в них могут быть непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове; во-вторых, их развитие стимулируется процессами взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой системы словосочетаний»¹.

В современном узбекском языке встречаются синтаксические конструкции, построенные по моделям русского языка. Это влияние особенно ярко проявляется в языке периодической печати.

В узбекских изданиях наряду со словосочетанием *рус тилига қизиқиш* 'проявлять интерес к русскому языку', полностью соответствующим синтаксису узбекского языка, встречается новая конструкция: *рус тили билан қизиқмоқ* 'интересоваться русским языком', возникшая под прямым влиянием русского языка. Глагол *қизиқмоқ* 'интересоваться' в узбекском языке обычно требует дательного-направительного падежа; появление же конструкции с послелогом *билан* обусловлено воздействием русского синтаксиса («интересоваться русским языком»).

В последнее время в узбекском языке наблюдается интенсивное развитие именных словосочетаний. В их образовании определенную роль играют сложные глаголы, состоящие из именной части и глаголообразующего элемента, в качестве которого выступают глаголы *қилмоқ* 'делать', *этмоқ* 'делать', *бўлмоқ* 'делаться, становиться' и т. д. В результате выпадения глаголообразующего элемента возникают именные словосочетания. Например:

ваъдага вафо қилмоқ 'выполнить обещание' — *ваъдага вафо* 'верность обещанию',

дўстга ёрдам бермоқ 'помогать товарищу' — *дўстга ёрдам* 'помочь товарищу',

¹ Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М., 1966, стр. 5.

партияга раҳмат айтмоқ 'благодарить партию' — *партияга раҳмат* 'спасибо партии'.

Словосочетания, образованные данным способом, очень распространены в периодической печати, через которую они проникают в разговорную речь. Подобные словосочетания не всегда соответствуют первоначальным конструкциям: часто они выступают как новые словосочетания с самостоятельным значением. Таково, например, словосочетание *тўйдан олдин томоша* 'представление перед свадьбой', возникшее в результате выпадения глагольного компонента трехчленного словосочетания *тўйдан олдин томоша кўрсатмоқ* 'показать представление перед свадьбой'. Сюда можно отнести словосочетания *водийдан мактублар* (С. У., 20 июля 1979 г.) 'письма из долины' (ср. *водийдан олинган мактублар* 'письма, полученные из долины'); *илғор усул асосида* (Т. Х., 5 июля 1979 г.) 'на основе передового метода' (ср. *илғор усул асосида ишлаш* 'работать по передовому методу'); *Дамашқда халқаро ярмарка* (Т. Х., 6 июля 1979 г.) 'международная ярмарка в Дамаске' (ср. *Дамашқда халқаро ярмарка очилди* 'В Дамаске открылась международная ярмарка'); *чўлқуварларга қулайликлар* (С. У., 3 июля 1979 г.) 'удобства для осваивающих степь' (ср. *чўлқуварларга қулайликлар яратмоқ* 'создать удобства для осваивающих степь') и т. д. Приведенные примеры образования узбекских именных сочетаний ярко иллюстрируют влияние русского языка на синтаксический строй узбекского.

Изучение языка периодической печати свидетельствует о характерности для современного узбекского языка употребления наряду с синтетическими также и аналитических конструкций. В последнее время широкое распространение в узбекском языке получили послеложные конструкции. Например: *ёш авлодга ғамхўрлик* — *ёш авлод туғрисида ғамхўрлик* (С. У., 25 мая 1979 г.) 'забота о молодом поколении'; *йўловчиларга қулайлик* — *йўловчилар учун қулайлик* (Т. О., 5 июля 1979 г.) 'удобства для пешеходов'; *фермаларда ишлашга йўлланма* — *фермаларда ишлаш учун йўлланма* (Т. Х., 12 июля 1979 г.) 'направление для работы на фермах'.

Указанные беспослеложные и послеложные конструкции, представляющие собой сложные словосочетания, выражают адекватные лексико-грамматические отношения, что и является причиной их параллельного употребления. Появление таких словосочетаний, возникших в результате переразложения компонентов сложных словосочетаний, объясняется влиянием русских синтаксических конструкций.

Для русского языка характерна активность именных словосочетаний, образованных при помощи «предлога *по* + дательный падеж» с общим значением направленности действия². Очень распространены словосочетания с главным словом — названием лица по профессии и роду деятельности, например, «тренер по спорту», «инженер по технике безопасности», «агроном по защите растений» и т. д.

В современном узбекском языке путем калькирования с русского возникли словосочетания:

а) обозначающие профессию и род занятий лица, по модели: название профессии + послелог *бўйича* + лицо; например: *инженерлик ва иқтисодий ҳисобларда ҳисоблаш техникаси бўйича доцент* (С. У., 21 июня 1979 г.) 'доцент по технике инженерного и экономического вычисления'; *билим юрти қуйидаги касблар бўйича малакали кадрлар тайёрлайди* (С. У., 19 июня 1979 г.) 'училище готовит квалифицированные кадры по следующим специальностям'; *медицина аппаратлари монтажи*

² Н. Ю. Шведова. Указ. раб., стр. 40—52.

ва ремонти бўйича техник (С. У., 14 июня 1979 г.) 'техник по монтажу и ремонту медицинских аппаратов';

б) со словами, обозначающими вид соревнования, спортивные и другие мероприятия; например: *футбол бўйича СССР чемпионати* (Т. Х., 12 июля 1979 г.) 'чемпионат СССР по футболу'; *чим хоккей бўйича му-собақалар* (С. У., 25 мая 1979 г.) 'соревнования по хоккею на траве'; *рустили бўйича олимпиада* (У. Г., 19 апреля 1979 г.) 'олимпиада по русскому языку'; *ифодали ўқиш бўйича конкурс* (У. Г., 19 апреля 1979 г.) 'конкурс по выразительному чтению'.

Конструкции с послелогом *бўйича* столь активны, что часто употребляются параллельно с другими падежными и послеложными конструкциями. Ср.: *...кучланиш стабилизаторларига техник хизмат кўрсатади* (Т. О., 5 июля 1979 г.) 'обеспечивает техническое обслуживание стабилизаторов'; *абонемент бўйича хизмат кўрсатиш* (Т. О., 5 июля 1979 г.) 'обслуживание по абонементу'; *уй-жойларни текишириш тўғрисида план* 'план проверки жилищ'; *уй-жойларни текишириш бўйича план* (Т. Х., 10 июля 1979 г.) 'план по проверке жилищ'; *технология асосида экмоқ* — *технология бўйича экмоқ* (Т. Х., 12 июля 1979 г.) 'сеять по технологии'.

Под влиянием русских конструкций именных словосочетаний с предлогом «по» в узбекском языке стали более активны словосочетания с послелогом *юзасидан*. Например: *... программаларни руёбга чиқариш юзасидан бир қанча битимлар имзоланган* (С. У., 8 июля 1979 г.) 'подписаны соглашения по реализации программ'; *чорвачилик маҳсулотларини етиштириш юзасидан қўшимча тадбирлар...* (Т. Х., 12 июля 1979 г.) 'дополнительные мероприятия по производству продуктов животноводства'; *масала юзасидан ахборот* (Т. Х., 10 июля 1979 г.) 'информация по вопросу' и т. д.

Под влиянием русского языка отмеченные конструкции не только активизировались и стали продуктивными, но в значительной степени изменили общий характер словосочетаний узбекского языка. Как пишет Ю. Д. Дешериев, «Ни один лингвистический факт не заимствуется каким-нибудь языком полностью. Каждое заимствуемое явление, преломляясь, приспособляясь, приобретает какие-то признаки заимствующего языка»³.

Приведенные словосочетания образованы под воздействием русского языка на лексическом и морфологическом материале самого узбекского языка, ибо именно в способах сочетания слов друг с другом более всего проявляется национальное своеобразие языка.

Обогащению структурных типов словосочетаний узбекского языка способствовало и калькирование словосочетаний русского языка. В периодической печати часто стали появляться синтаксические кальки, заимствуемые и переводимые с русского языка. Например: *қуролланиш пойгаси* (С. У., 19 июня 1979 г.) 'гонка вооружения'; *ота-оналар ва боалар ўртасида муносабат* (У. Г., 17 мая 1979 г.) 'отношения между родителями и детьми'; *СҚЧ-2 теварагида кураш* (С. У., 3 июля 1979 г.) 'борьба вокруг ОСВ-2'; *марксизм-ленинизм ва пролетар интернационализи принципи* 'принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма'.

Большое влияние оказывает русский язык также на обогащение и расширение лексической емкости слов узбекского языка. Изменение семантики слова в свою очередь способствует расширению возможностей его сочетаемости и образованию новых синтаксических конструкций.

³ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1968, стр. 46.

Расширение возможностей сочетаемости слов наблюдается в конструкциях, где в роли управляющего слова выступает глагол *ишламоқ* 'работать'. Этот глагол, обозначающий занятие каким-либо делом, управляет винительным и местным падежами и основным падежом с глагольной формой *бўлиб* (например: *пахта тагини ишламоқ* 'кучивать хлопок'; *далада ишламоқ* 'работать в поле'; *ўқитувчи бўлиб ишламоқ* 'работать учителем').

В последнее время лексическое значение глагола *ишламоқ* расширилось. Он стал употребляться в значении «обучать, воспитывать кого-либо» и сочетаться с именем в основном падеже с послелогом *билан*. Например: *кадрлар билан ишлаш* (Т. Х., 12 июля 1979 г.) 'работать с кадрами'; *ўзлаштирмовчи студентлар билан ишлаш* (У. Г., 1 июля 1979 г.) 'работать с неуспевающими студентами'; *ёшлар билан ишлаш* 'работать с молодежью'. На появление в современном узбекском языке таких словосочетаний оказывают влияние и русские конструкции типа «работать с кем-нибудь».

Таким образом, в синтаксической системе современного узбекского языка наблюдается возникновение новых типологических явлений, вызванных не только изменениями во внутренней структуре, но и иноязычным влиянием — в первую очередь русского языка.

Влияние русского языка проявляется в следующих фактах:

а) при отдельных глаголах возникает новое управление (например, глагол *қизиқишмоқ* 'интересоваться'), что приводит к синтаксической синонимии;

б) осложняется структура словосочетаний: наряду с синтетическими конструкциями наблюдается развитие и распространение аналитических конструкций;

в) активизируются некоторые послеложные конструкции (конструкции с послелогам *бўйича*, *юзасидан*);

г) появляются синтаксические кальки;

д) наблюдается расширение лексического значения слов и их сочетаемости.

Указанные изменения в структуре словосочетаний узбекского языка знаменуют собой не коренные сдвиги в языке, а лишь активизацию тех или иных синтаксических моделей, возникающих под влиянием внутренних и внешних факторов, особенно под воздействием на узбекский язык русской синтаксической системы.

Характерно, что в условиях дальнейшего развития взаимовлияния и взаимообогащения языков народов СССР влияние русского языка «не ущемляет и не оттесняет национальные языки. Наоборот, он помогает всем национальным языкам в достижении новых вершин в своем совершенствовании»⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

С. У	— Газета «Совет Ўзбекистон»,
У. Г	— Газета «Ўқитувчилар газетаси»,
Т. Х	— Газета «Тошкент ҳақиқати»,
Т. О	— Газета «Тошкент оқшоми».

⁴ Ш. Р. Рашидов. Язык нашего единства и братства. Доклад на II Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». — В газ. «Правда Востока», № 116, от 23.V. 1979 года.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ТАТАРИИ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ АЛЛОНИМОВ

Под воздействием фонетико-морфологической системы и акцентологической структуры диалектной и разговорно-фамильярной татарской речи многие полные личные имена, главным образом заимствованные из арабского и персидского языков, а также гибридные сложные личные имена часто претерпевали определенные фонетические и фонетико-морфологические изменения, что приводило к возникновению их усеченных вариантов или аллонимов, значительное количество которых образвало основу названий целого ряда населенных пунктов Татарии.

Чешский ономаст Ян Свобода¹ и украинский ономаст П. П. Чучка² рассматривают варианты, возникшие в результате усечения либо фонетических или фонетико-морфологических изменений полных имен, как особые структурные виды образования личных имен. Фонетическое стяжение и усечение полного имени называется ими регрессивным, а фонетико-морфологическое стяжение — регрессивно-суффиксальным способом имеобразования. При этом исходный облик таких антропонимических единиц в результате приобретения ими новых фонетических и структурных модификаций может изменяться во многих случаях до неузнаваемости. Образование, возникшее указанным способом, является аллонимом полного имени. Аллонимы подобного происхождения встречаются в живой разговорной речи, в диалектной и просторечной среде и, как правило, им свойственна эмоционально-экспрессивная окраска.

Абсолютное большинство древних болгаро-татарских личных имен состояло из двух слогов: они были краткими, удобными для произношения, при этом среди них преобладали имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В татарском языке еще с болгарских времен народно-традиционные формы личных имен представляют собой устоявшиеся антропонимические модели. Последние оказали сильное влияние на систему имен, заимствованных из арабского и персидского, а позднее также из русского языков. Многие трех- или четырехсложные заимствованные полные личные имена и гибридные сложные имена в диалектах татарского языка и в разговорной речи употребляются в сокращенном (обычно до двух слогов) виде.

Усеченные заимствованные татарские личные имена оформляются большей частью с помощью суффиксов субъективной оценки, основными из которых являются:

¹ J. Svoboda. Staročeška osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, стр. 106—107.

² П. П. Чучка. Антропонімія Закарпаття (конспект лекцій). Ужгород, 1970, стр. 78—80.

-ай, -эй, -ый, -и, -уй, -үй: *Рамазан* > *Рамай*, *Камалетдин* > *Камай*, *Кашафетдин* > *Кашай*, *Гыймадетдин* > *Гимай*, *Исмәгыйль* > *Исмай*, *Билалетдин* > *Билэй*, *Фәсхетдин* > *Фәсэй* или *Фәси*, *Фәхретдин* > *Фәхри*, *Зәйнәтдин* > *Зэйни*, *Фәйзулла* > *Фэйзи*, *Шәйхетдин* > *Шэйхи*, *Котлымөхәммәт* > *Котый* или *Кутуй*, *Шәрәфетдин* > *Шәрүй*, *Ишмөхәммәт* > *Ишмүй*, *Дементий* > *Дими* и т. п.;

-кай, -кэй (диалектные варианты: -ку^ой, -кәү, -кый, -ки, -ка, -кә): *Сибгатулла* > *Сибкай*, *Кәлимулла* > *Кәлкәй*, *Газизулла* > *Газкәй*, *Шәмсетдин* > *Шәмкәй*, *Камилкәй* > *Камку^ой*, *Гыйззәтулла* > *Гыйз-ки*, *Дәүләткәй* > *Дәүләки*, *Гыйбадулла* > *Гыйбәкә* и т. п.;

-ач, -эч, -уч, -үч: *Нурмөхәммәт* > *Нурмач*, *Рәхмәтулла* > *Рәхмүч*, *Талибулла* > *Тәлүч*, *Хәйрулла* > *Хәйрүч*, *Хәлиулла* > *Хәлүч*, *Маруся* > *Мәрүч* и т. д.;

-ак, -эк, -ук (-юк), -үк: *Мифтахетдин* > *Митак*, *Вәлиулла* > *Вәлэк*, *Шаһидулла* > *Шайдук*, *Галиулла* > *Алук*, *Камалетдин* > *Камалюк*, *Ярулла* > *Ярук*, *Насрулла* > *Насрук*, *Гайнулла* > *Айнук*, *Газизулла* > *Азук*, *Шәмсетдин* > *Шәмүк*, *Бәдриҗамал* > *Бәдрүк*, *Гайшә* > *Айшүк*, *Гөлҗиһан* > *Гөлнүк*, *Хәсәнә* > *Касюк* и т. д.;

-аш, -эш, -ыш (-иш), -еш, -уш, -үш: *Ибраһим* > *Ибраш*, *Жамалетдин* ~ *Ямалетдин* > *Жамаш* ~ *Ямаш*, *Ходайбиргән* > *Ходаш* или *Кодаш*, *Габдулла* > *Габдуш* ~ *Абдюш* или *Апуш*, *Зәйнәтдин* > *Зәйнәш*, *Бикмулла* > *Бикмуш*, *Сәйфетдин* > *Сәйфүш*, *Хәйретдин* > *Хәйрүш* и т. д.

Суффиксы субъективной оценки -ок, -ек и -юшка заимствованы из русского языка и бытуют по сей день в определенных говорах или диалектах татарского языка.

Суффиксы -ок, -ек видоизменены в касимовском говоре татарского языка в -у, -ү: *Пату'* < *Фатыйма*, *Шару* < *Шәрәфетдин*³ и т. д.

Суффикс -юшка распространен в западном (мишарском) диалекте татарского языка⁴: *Алиюшка* < *Галиулла*, *Абдюшка* < *Габдулла* и т. д.

Возможны и другие способы усечения полных личных имен иноязычного происхождения:

1) первая часть заимствованного сложного имени полностью отбрасывается (афerezис): *Вәлиәхмәт* > *Әхмәт*, *Хәбибраһман* > *Раһман*, *Габделхак* > *Хак*, *Габделхәй* > *Хәй*, *Хөсннҗамал* > *Жамал*, *Бибнәсма* > *Әсма*, *Шәмсенәһар* > *Наһар* и т. д.;

2) отбрасывается вторая часть заимствованного сложного имени (апокопа): *Нуриәхмәт* > *Нури*, *Гарифулла* > *Гариф*, *Сираҗетдин* > *Сираҗ*, *Сафиулла* > *Сафи*, *Бәһаветдин* > *Баһау*, *Әсфәндияр* > *Әсфән*, *Сәрбиҗамал* > *Сәрби*, *Әһликамаһ* > *Әһли*, *Маһикамаһ* > *Маһи* и т. д.;

3) отпадают начальные слоги заимствованного имени (афerezис): *Жомгакай* ~ *Йомакай* > *Макай*, *Исрафил* > *Рафил*, *Мөхәммәтдин* > *Мәтдин*, *Өмһәһани* > *Мөһани*; крещенные татары вместо *Александр* говорят *Сандр*, вместо *Александра* — *Сандра*, вместо *Прокофий* — *Купи* и т. п.;

4) выпадают гласные звуки или слоги в середине заимствованного имени (синкопа): *Бикмөхәммәт* > *Бикмәт*, *Ишмөхәммәт* > *Ишмәт*, *Мөхәммәт* > *Мәмәт*, *Ташмөхәммәт* > *Ташмәт*, *Шаһимөхәммәт* > *Шаһ-*

³ Л. Т. Махмутова. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка. — «Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук», № 1. Казань, 1955, стр. 77.

⁴ Л. Жәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 108.

мэт, Мөхәммәтшир > Мәмәтшир ~ Мөшир или Мәшир, Әлмөхәммәт > Әлмәт (отсюда татарское название города Альметьевска — Әлмәт), Хәлиулла > Хәлла, Кәһәрман > Карман, Шаһинур > Шайнур, Хәди-чә > Хәйчә, Нәфисә > Нәфсә, Газизә > Газзә, Гафифә > Гаффа, Халисә > Халсә, Бибинур > Бинур и т. п.;

5) отпадают последние слоги заимствованного имени (апокопа): Мөхәммәт > Мөхәм, Гатаулла > Гатау, Хәйрулла > Хәйрул, Сөләйман > Сөләй, Шираздан > Шираз, Гайнулла > Гайнул, Шәйхулла > Шәйхул, Мөхәррәм > Мөхәр, Жәүһария > Жәүһәр, Мөкәrrәмә > Мөкәр, Бибисара > Бибиса, Бәдейгелҗамал > Бәдигелҗа, Гөлҗиһан > Гөлҗи и т. д.;

6) отпадают звуки или целые слоги в середине и в конце имени: Миләүшә > Милүш, Хәбибулла > Хабул, Миңзифа > Мизи и т. д.;

7) отпадают начальный и последний слоги имени: Мөсәббихә > Сәбби, Мөхәммәтдин > Хәммәт ~ Хәмәт, Мөхәммәтшакир > Мөтшак и т. д.

Следует подчеркнуть, что под влиянием двусложных традиционных булгаро-татарских личных имен в современном татарском языке стали популярными главным образом двусложные арабские, персидские и русские (в том числе и западноевропейские) заимствованные имена, отличающиеся простотой структуры и благозвучием: Асаф, Гадел, Гали, Гомәр, Госман, Илһам, Камил, Мансур, Наил, Нияз, Хәсән, Рәстәм, Равил, Рәшит, Самат, Заһит, Азат, Фәрит, Харис, Шамил, Таһир, Фатих, Тәлгатъ, Рафик, Сәлим, Кәрим, Өлфәт, Әхәт, Марат, Марсель, Ренат, Роберт, Айвар, Динә, Ләйлә, Лалә, Бану, Гәлсем, Зәйнәп, Зөһрә, Гөлшат, Гөлһаз, Сара, Һава, Лилия, Римма, Роза, Эльза, Флера, Клара, Лира и т. д. Такие заимствования не подверглись серьезным изменениям.

От некоторых заимствованных многосложных личных имен, в результате усечения полных имен и присоединения к усеченным основам разнообразных суффиксов субъективной оценки, в татарском языке возникло несколько вариантов. Так, например, от арабского личного имени Шәмсетдин 'солнце веры': Шәмси, Шәми, Шәм, Шәмәк, Шәмәки, Шәмкәй, Шәмүк (от последних образовались также фамилии: Шәмсутдинов, Шәмсиев, Шәмиев, Шамов, Шамин, Шамакиев, Шамкаев, Шамкин, Шамуков). В Апастовском и Мамадышском районах Татарской АССР существует деревня Шәмәк, а в Бавлинском районе — Шәмәй. От имени Жамалетдин 'красота, совершенство веры' возникли: Жамал ~ Ямал, Жамалый ~ Ямалый, Жамай ~ Ямай, Жамаш ~ Ямаш, Жамук ~ Ямук, Жамак ~ Ямак, Жами ~ Ями; от Камалетдина 'совершенство веры' — Камал, Камай, Камалый, Камкай, Камалюк, Камук, Камак, Камуш; от персидского женского личного имени Гөлҗиһан 'цветок вселенной' — Гөлҗи, Гөл'н'ук⁵, Гөлжүк и др.

Изучение причин и способов усечения арабских, персидских и русских многосложных полных личных имен в татарском языке, безусловно, может помочь восстановлению исходных структур и выяснению генетической принадлежности и этимологии тех антропотопонимов Татарии, основу которых составляют аллонимы заимствованных, а также гибридных сложносоставных личных имен.

К подобным именам восходят, например, следующие топонимические образования — названия населенных пунктов: Абди — от заимст-

⁵ Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978, стр. 116.

вованного из арабского языка личного имени *Габдулла* ~ *Абдулла* 'раб аллаха'; *Абзябар* — от арабского *Габделжаббар* 'раб всемогущего (аллаха)'; *Кайбыч* — от арабского *Хайбулла* > *Кайбулла* 'тайна аллаха'. Происхождение комонимов *Олы Кайбыч* 'Большие Кайбицы' и *Кече Кайбыч* 'Малые Кайбицы' М. З. Закиев связывает с названием древнетюркского племени *каепич*⁶.

К аллонимам следует отнести такие татарские имена, как *Мәлки* — от арабо-татарского (гибридного) личного имени *Мәүлакәй* (араб. *мәүла*): 1) 'хозяин, господин, покровитель'; 2) 'друг'; 3) 'эпитет аллаха + татарский суффикс -кәй'; *Мәүләшә* — от арабо-персидского *Мәүләшаһ* 'аллахский шах' > *Мәүлаша* > *Мәүләшә*; *Мәмәт* — от широко распространенного на Востоке арабского имени *Мөхәммәт* 'прославляемый'; *Мәмәшәр* — от арабо-персидского *Мөхәммәтшир* 'лев Мухаммета'; *Мамадыш* — от арабо-татарского имени *Мөхәммәтиш* 'пара, чета, друг Мухаммета'; *Мадъяр* — от арабо-персидского имени *Мөхәммәдъяр* 'друг Мухаммета'; *Мәмдәл* — от арабского *Мөхәммәтгали* (*Мөхәммәт* 'прославляемый' + *гали* 'великий, возвышенный') > *Мамадали* > *Мәмдәли* > *Мәмдәл*; *Митрәй* — от греческого (проникшего в татарский язык через посредство русского) *Димитрий* ~ *Дмитрий* 'принадлежащий Деметре — богине земледелия'; *Мәртен* — от латинского (проникшего в татарский язык через посредство русского) имени *Мартин* 'посвященный Марсу, воинственный'; *Норлат* — от арабского *Нуридәүләт* 'светоч богатства, счастья'; *Смәел* — от арабского (древнееврейского) имени *Исмәгыйль* 'бог услышал'; *Слам* — от арабского имени *Ислам* 'посвятивший себя аллаху'; *Сүнчәли* — от татарско-арабского имени *Сөөнечәли* (тат. *сөөнеч* 'радость' + араб. *гали* 'великий, возвышенный'); *Туймәт* — от татарско-арабского имени *Туймөхәммәт* (тат. *туй* 'торжество, праздник' + *Мөхәммәт* 'прославляемый'); *Чәчер* — от персидско-татарского имени *Шаһичура* 'слуга, воин, дружинник шаха' > *Шаһичур* > *Шачур* > *Чачур* > *Чәчүр* > *Чәчер*; *Ширәй* — от персидского имени *Ширъяздан* 'лев аллаха'; *Яушык* — от татарско-арабского имени *Яушәх* (тат. *яу* 'враг, противник, неприятель' + араб. *шәх* 'старец, духовный вождь'); *Әсәй* — от греческого (проникшего в татарский язык через посредство русского) *Ксенофонт* 'голос чужестранца, иноземца'; *Әшъяз* ~ *Әйшәяз* — от *Гайшә язы*, арабского по происхождению женского имени *Гайшә* 'живущая' + древнетюркский географический термин *jazi* 'степь, равнина' (ДТС, стр. 251), ср.: *Дөбъяз*, *Арпаяз*, *Олыяз*, *Борчаклы Яз*, *Солыяз* — названия татарских селений Заказанья ТАССР и т. д.

Рассмотренные выше антропотопонимы, испытавшие сложную трансформацию в татарском языке, можно подразделить на следующие две основные структурно-генетические группы: 1) образованные от аллонимов личных имен, являющихся в генетическом отношении антропонимическими единицами лишь одного языка, и 2) образованные от усеченных вариантов гибридных личных имен, то есть аллонимов личных имен, представляющих собой сочетание лексических единиц не менее чем двух языков.

Простые и сложные по структуре антропотопонимы, образованные от аллонимов исконных личных имен лишь одного определенного языка, в свою очередь, составляют следующие лингвогенетические подгруппы:

а) антропотопонимы, образованные от аллонимов исконно тюркских (булгарских или татарских) полных личных имен, простых или сложных

⁶ М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 154.

по структуре: *Тәтеш* (< *Татлыш*), *Биш* (< *Биш*), *Киме* (< *Киме-кәй*), *Коркачык* (< *Корткайчык*) и т. д.;

б) антропотопонимы, восходящие к аллонимам полных личных имен, заимствованных из арабского языка: *Абди* (< *Габдулла* ~ *Абдулла*), *Абзябар* (< *Габделжаббар*), *Сөләй* (< *Сөләйман*), *Мәмдәл* (< *Мөхәммәтгали*), *Әлмәт* (< *Әлмөхәммәт*), *Смәел* (< *Исмәгыйль*), *Ибрай* (< *Ибраһим*), *Шәмәт* (< *Шәмсемөхәммәт*), *Мәмәт* (< *Мөхәммәт*), *Камай* (< *Камалетдин*), *Норлат* (< *Нуридәүләт*), *Шәмәк* (< *Шәмсетдин*), *Әбрә* (< *Габделрәшит*), *Шөкрәле* (< *Шөкәргали*), *Әжәл* (< *Хажигали*), *Мәмсә* (< *Мәмәсир* < *Мөхәммәтәсир*) и т. д.;

в) антропотопонимы, образованные от аллонимов полных личных имен, заимствованных из персидского языка: *Хужаш* (< *Хужашаһ*), *Шәмәрдән* (< *Шаһимәрдән*), *Ширәй* (< *Ширяздан*), *Әтнә* (< *Әтнәхужа* < *Атнахужа*) и т. д.;

г) антропотопонимы, образованные от аллонимов полных личных имен, заимствованных через посредство русского языка из западноевропейских (греческого, латинского и т. д.) языков: *Митрәй* (< *Дмитрий*), *Мәртән* (< *Мартин*), *Әсәй* (< *Ксенофонт*) и т. д.

В результате взаимопроникновения и тесного переплетения именных компонентов исконных тюрко-татарских и заимствованных арабских и персидских лексических пластов, в татарском языке в течение тысячелетия (начиная с X века) образовалось большое количество как мужских, так и женских гибридных сложных личных имен. Усеченные варианты подобных личных имен также являются одним из существенных источников антропотопонимических образований нашего региона.

Антропотопонимы, образованные от аллонимов гибридных полных личных имен, в свою очередь, возникли по следующим моделям:

а) «арабский компонент + персидский компонент»: *Комергужа* (< *Гомерхужа*), *Мәүләшә* (< *Мәүләшаһ*), *Мадъяр* (< *Мөхәммәдъяр*), *Мәмәшәр* (< *Мөхәммәтшир*), *Хәсәнша* (< *Хәсәншаһ*), *Мәмәтхужа* (< *Мөхәммәтхужа*) и т. д.;

б) «персидский компонент + арабский компонент»: *Дусмәт* (< *Дусмөхәммәт*), *Мөрәле* (< *Миргали*), *Шыгале* (< *Шаһигали*) и т. д.;

в) «арабский компонент + тюркский (булгарский или татарский) компонент»: *Мәлки* (< *Мәүлакәй*), *Макул* (< *Мәүлакол*), *Мамыш* (< *Мөхәммәтиш*), *Мамадыш* (< *Мөхәммәтиш*) и т. д.;

г) «тюркский компонент + арабский компонент»: *Туймәт* (< *Туймөхәммәт*), *Сүнчәли* (< *Сөенечгали*), *Яушык* (< *Яушәх*), *Тимершык* (< *Тимершәх*), *Бикшык* (< *Бикшәх*), *Шәпше* и *Шәпшык* (< *Шәпшәх*), *Урмат* (< *Уразмөхәммәт*) и т. д.;

д) «персидский компонент + тюркский компонент»: *Кодаш* (< *Ходайбиргән*), *Чәчер* (< *Шаһичура*) и т. д.;

е) «тюркский компонент + персидский компонент»: *Чураш* (< *Чурашаһ*), *Тайгужа* (< *Тайхужа*), *Коргужа* ~ *Каргужа* (< *Карахужа*) и т. д.

Таким образом, на основании вышеприведенного можно заключить, что усечение исконно тюрко-татарских и заимствованных полных личных имен в татарском языке и образование на их основе антропотопонимов происходило под непосредственным воздействием сложившихся народно-традиционных форм (включая разговорно-диалектные) устойчивых двусложных булгаро-татарских личных имен. Эта особенность антропонимии и антропотопонимии татарского языка объясняется также естественным стремлением упростить и облегчить произношение многосложных заимствованных и гибридных личных имен. В данном явлении отчетливо проступает структурно-типологическая общность та-

тарских и древних булгаро-татарских антропонимов, многие из которых сохранились до наших дней в топонимии Татарии, а также представлены некоторыми старинными татарскими фамилиями, например: Аббаев ~ Аппаев — от Аббай ~ Аппай < Габделбай; от аллонимов татарско-арабского по происхождению личного имени Акмөхәммәт > Акмәмәт, Акмай, Акман ~ Ахман, Акмук образовались фамилии Акмаметов, Акмаев, Акманов, Ахманов и Акмуков; Апушев — от Апуш < Габдулла; Ишув — от Ишуй < Ишмөхәммәт; Ишуков — от Ишук < Ишмөхәммәт; Ишмиев — от Ишми < Ишмөхәммәт; Ишметов — от Ишмәт < Ишмөхәммәт; Бикмиев — от Бикми < Бикмөхәммәт или Бикмулла; Камаев — от Камай < Камалетдин; Гимаев — от Гимай < Гимадетдин; Синаев — от Синэй < Сөнгатулла; Кандюков — от Кандюк < Гайнетдин; Шайматов — от Шэймәт < Шәһимөхәммәт; Шайдуков — от Шәйдүк < Шәһидулла; Шапуков — от Шәпүк < Шәфигулла; Мадышев — от Мадыш < Мөхәммәтши; Аптекаев — от Әптекәй < Габделкәрим; Раков — от Рак < Мөбәрәк; Мамшанов — от Мәмшан < Мөхәммәтшан; Матчанов — от Мәтчән < Мөхәммәтжан; Маширов — от Машир < Мөхәммәтшир; Кальметов — от Калмәт < Калмөхәммәт; Сахаев ~ Сакаев — от Сәхэй < Сәхибулла; Минаев — от Минэй < Миннулла; Метшин — от Мәтша < Мөхәммәтша; Тазюков — от Тазюк < Тажетдин; Шамишуров или Шамишурин — от Шәмшүр < Шәмсекура; Шамраев — от Шәмрәй < Шәмсерәхим и т. д.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ЗАГАДКА АФФИКСАЛЬНОГО АБЛАУТА *а:у* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из наиболее примечательных и вместе с тем загадочных особенностей тюркских языков является наличие аблаута в аффиксах. Нередки случаи, когда два сходно звучащих аффикса имеют совершенно тождественное значение, хотя гласные в них и различны. Например, достаточно хорошо известно, что аффикс исходного падежа *-dan* мог иметь вариант *-dun*: ср. тат. *urman-dan* 'из леса', др.-тюрк. *ič-tin* 'снаружи' и т. д.

Окончание древнего направительного падежа *-га* также выступало в двух формах *-га* и *-гу*: ср. др.-тюрк. *baš-га* 'в голову', но туркм. *daša-гу* 'наружу'. В двух формах выступало также окончание другого направительного падежа *-са*: ср. тат. *ylgān-сә* 'до смерти', но *tujuan-сү* 'досыта'. В тюркских языках когда-то, по-видимому, существовал совместный падеж, характеризовавшийся аффиксом *-гу*, ср. туркм. *Sajatly Hemra* 'Саят и Хемра'. Есть основание предполагать, что этот аффикс также имел вариант *-ла*: ср. алт. *at-la* 'с конем'. Предвидим возражение, что аффикс *-ла* мог образоваться из послелого; но ведь не исключено и то, что вариант аффикса *-ла* входил в послелог. Аффикс принадлежности 3-го лица после основ на гласный почти во всех тюркских языках звучит как *-sy*, *-si*. Однако в якутском языке утвердился вариант этого аффикса с гласным *а*: ср. якут. *a:a-ta* 'его отец', где *ta* < *sa*. Аффикс *-луq* в тюркских языках может иметь значение собирательности: ср. тат. *qajun-luq* 'березняк' от *qajun* 'береза', *pa:at-luq* 'сосняк' от *pa:at* 'сосна'; но засвидетельствован также вариант этого аффикса с гласным *а*: ср. др.-тюрк. *at-la:q* 'кони' от *at* 'лошадь'. Аффикс отглагольных существительных *-уп* может иметь вариант *-ат*: ср. тур. *bič-im* 'жатва', но алт. *bül-am* 'связка'. Такие же два варианта может иметь аффикс отглагольных существительных *-уп*: ср. азерб. *äk-in* 'посев', но каз. *bo:an* 'снежная буря'. Аффикс уменьшительных существительных *-саq* имеет вариант *-сүq*: ср. алт. *ba:la-саq* 'ребеночек', но тув. хет-*čik* 'речка', тур. *ev-žik* 'домик'. Два варианта имеет также аффикс *-аq*: ср. кирг. *a:ju:q-aq* 'молодой жеребчик' от *a:ju:q* 'жеребец', но азерб. *gab-ug* 'кора', 'шкурка' от *gab* 'покрышка'. Та же вариантность наблюдается у аффикса *-уш*: ср. кирг. *a:u-уш* 'беловатый' и тур. *gün-eš* 'солнце' (перв. 'солнышко'). Аблаут *а:у* наблюдается в аффиксе *-таг*: ср. тур. *kuš-mag* 'силос для ловли птиц' от *kuš* 'птица', но др.-тюрк. *al-mug* 'жадность' от *al-* 'брат'. Вариантность обнаруживается в аффиксе *-qa*: ср. кирг. *qar-qa* 'ворота' от *qar-* 'закрывать', но азерб. *as-gu* 'вешалка' от *as-* 'вешать'.

Аффикс *-a* имеет также вариант *-y*: ср. азерб. *jağ-a* 'рана', 'порез' от *jağ-* 'раскалывать', но *gar-y* 'дверь' от *gar-* 'закрывать'. Вариант *-uç* имеется у аффикса *-aç*: ср. тур. *tok-aç* 'колотушка' от *tok-* 'бить', но узб. *çot-iç* 'черпак' от *çot-* 'купаться'. Гласный *a* в аффиксе *-qaç* может меняться на *y*: ср. тур. *buğ-ğaç* 'водоворот' и *bas-quç* 'лестница'. Аффикс отглагольных прилагательных *-maq* имеет вариант *-muq*: ср. тат. *suq-maq* 'тропа', но азерб. *dug-mug* 'грабли'.

Аблаут *a:y* в аффиксах также хорошо прослеживается и в глагольной сфере. Показатель настоящего времени *-a-*: ср. каз. *al-a-tup* 'я беру' может иметь вариант и с *-y-*. Формы типа *al-y* 'он берет' вместо *al-a* встречаются в диалектах кумыкского языка. Показатель древнего настоящего времени *-ug*, которое во многих тюркских языках позднее приобрело значение будущего времени, может иметь вариант *-ag*: ср. чередование в тюркских языках таких форм, как *jaz-ag* и *jaz-ug* 'он напишет'. Аблаут наблюдается и в тех случаях, когда *-ag* выступает в роли словообразовательного аффикса: ср. азерб. *jaş-ag-* 'зеленеть', но тур. *bağ-ug-* 'богатеть'. Любопытно наличие аблаута в причастном аффиксе *-qan*: ср. тат. *al-ğan* 'взявший', *qal-ğan* 'оставшийся', но тур. *kır-ğın* 'разбитый', туркм. *ag-ğın* 'утомленный', кирг. *kil-ğın* 'пришелец' и т. д. Такая же вариативность наблюдается в глагольных аффиксах *-a-*, *-y-* и *-ğa-*, *-yu-*: ср. узб. *buğ-a-muq* 'вертеть', азерб. *javaş-y-maq* 'утихать', 'затихать', азерб. *çul-ğa-* 'окутывать', кирг. *añım-qu-* 'переворачиваться с одной стороны на другую' и т. д.

Чем же объясняется появление загадочного аблаута *a:y* в аффиксах тюркских языков?

Можно допустить, что гласный *y* в аффиксах возник из гласного *a* в результате редукции еще в тот период, когда ударение в тюркских языках приходилось на первый слог. Однако это недостаточно убедительно, поскольку данное допущение не объясняет, почему же в ряде случаев гласный *a* сохраняется. Может быть, причиной превращения *a* в *y* было существование в древних тюркских языках каких-то различных типов интонаций, из которых один превращал гласный *a* в *y*? Но даже с чисто антропофонической точки зрения механизм действия такой интонации представить все же трудно.

Были попытки связать аблаут *a:y* с разными значениями аффиксов. Чередование гласных и согласных в корне и аффиксе Э. В. Севортян называл внутренней флексией. Сравнивая туркменские *āza-* и *āzu*, он утверждал, что основы, различающиеся конечными гласными, имеют разное значение. *Āzu* означает 'горький', 'неприятный', а *āza-* 'горькнуть', 'киснуть'. Однако во многих случаях уловить какое-либо различие значений в аффиксах с чередующимися гласными совершенно невозможно.

Весьма интересное объяснение этому явлению дает А. М. Щербак: «Существование в древних тюркских языках лингвальной гармонии гласных (по степени раствора) пока еще нельзя считать бесспорным. Тем не менее имеются факты, позволяющие предполагать о ее наличии по крайней мере в некоторых диалектах, ср. в манихейских текстах: *kälta[māz]* 'мы пришли', *barda[maz]* 'мы пошли' (Ман. I 10₁₂), *savdan ötrü* 'после речи', *anañ* 'его' (Ман. III 22₁₃). По свидетельству Махмуда Кашгарского, огласовка аффиксов и непервых слогов основы посредством фатхи являлась особенностью языка огузов... Вместе с тем приведенные факты могут быть объяснены иначе — как следствие диалектного разнообразия огласовки. На определенном этапе развития тюркских языков вокализм непервых слогов не образовывал самостоятельной

фонологической системы или подсистемы, поэтому параллельно существовали формы с разными гласными, ср. *алтан* ~ *алтон* ~ *алтун* ~ *алтін* 'золото', *оран* ~ *орон* ~ *орун* ~ *орін* 'место', *балта* ~ *балто* ~ *балту* ~ *балті* 'топор' и т. д., первоначальное диалектное распределение которых было нарушено возникновением лабиальной гармонии»¹.

В данном случае требует известного разъяснения выражение А. М. Щербака: «На определенном этапе развития тюркских языков вокализм первых слогов не образовывал самостоятельной фонологической системы или подсистемы». Если вокализм первых слогов не образовывал самостоятельной системы, то, стало быть, он был подчинен общей фонологической системе. Однако почему же он так странно себя ведет? Раньше, обычно, фонеме приписывали функцию смысловоразличения, но теперь, по-видимому, от этого принципа отошли. «Фонема — это мельчайшая единица звуковой системы языка, являющаяся элементом звуковой оболочки слов и морфем и способствующая их различению»²; «Фонемой является кратчайшая единица языка, способная сама по себе различать слова и их формы»³.

Если основная функция фонемы заключается в том, чтобы различать звуковые оболочки слов и морфем, то следует сказать, что гласные аффиксов в тюркских языках далеко не безразличны к такому различению. Об этом прежде всего свидетельствует тот неоспоримый факт, что некоторые аффиксы тюркских языков не допускают аблаута. Таков, например, аффикс -*qu*, -*yü*: ср. тат. *jaz-yü* 'весенний'. Формы *jaz-ya* не засвидетельствовано. Оно и понятно, так как в этом случае форма *jaz-ya* совпала бы с формой дательно-направительного падежа *jaz-ya* 'весна'. Причастный аффикс -*tuş* в тюркских языках не имеет параллельной формы -*taş*. У причастного аффикса -*duq* нет параллельной формы -*daq*. Аффикс -*çu* (ср. тат. *balıq-çu* 'рыбак') не имеет варианта -*şa*, так как в противном случае произошло бы совпадение с такими формами, как *balıq-şa* 'подобно рыбе', 'по-рыбьи'. Не имеет параллельной формы -*saz* привативный аффикс -*syz*: ср. тур. *at-syz* 'безлошадный'. По непонятной причине аффикс -*daş* (ср. тур. *jol-daş* 'товарищ') не имеет параллельной формы -*duş*. Нет также у аффикса местного падежа -*da* параллельной формы -*dy*. Аффикс отглагольных существительных -*ta* (ср. тур. *donan-ta* 'флот', азерб. *garyş-ta* 'смешение', туркм. *al-ta* 'получение') не имеет параллельного аффикса -*tu*, то есть нет форм типа *al-tu* 'получение' и т. д. Имеются аффиксы, относящиеся к глагольной сфере, которые также не допускают аблаута, ср., например, показатель прошедшего времени -*du*-, не имеющий аблаутной формы -*da*-. Аффикс деноминативных глаголов -*la*- (ср. тур. *baş-la-tak* 'начинать') не имеет варианта -*ly*-. Не имеет аблаутного варианта также аффикс -*pa*-. ср. азерб. *gys-pa* 'прижимать' от глагола *gys*- 'жать'. Эти примеры наглядно показывают, что гласные аффиксов в тюркских языках фонологически отнюдь не пассивны. Наблюдается явная тенденция к устранению омонимии или формального уподобления другим аффиксам.

Основная функция фонемы — различать звуковые оболочки слов и их форм — сама по себе не имеет самодовлеющего значения. Она подчи-

¹ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 75—76.

² В. Н. Кодухов. Введение в языкознание. М., 1979, стр. 146.

³ Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 73.

нена другой тенденции — стремлению для каждого значения создать особую форму.

Как же в таком случае объяснить совершенно парадоксальное явление, когда для одного и того же значения создаются путем аблаута две, по-разному звучащие, формы?

Совершенно очевидно, что привлечение фонологии здесь ничего не даст. Можно допустить, однако, что структура аффиксов в тюркских языках чем-то напоминала структуру корня в семитских языках. Достаточно хорошо известно, что носителем основного значения слова в семитских языках является так называемый трехбуквенный корень. Так, сочетание *kṭb* в арабском выражает идею «писать». Релятивные же значения могут выражаться путем вставки и добавления различных гласных, а также префиксов и суффиксов.

Не исключено, что носителями основного значения аффиксов в тюркских языках были входящие в состав аффикса согласные. Если гласные не являлись носителями основного значения, то совершенно естественно, что они теряли при этом устойчивость и могли взаимозамещаться. Так, в аффиксах настоящего-будущего времени *-аг-* и *-уг-* носителем основного значения был *г*. Не выражая значения, эти гласные проявляли свои фонемные функции лишь в тех случаях, когда возникала опасность создания нежелательной омонимии или если при этом нарушался морфологический состав аффикса. Например, личные глагольные окончания *-byz*, *-syz* не могли дать параллельные формы *-baz*, *-saz*, поскольку в них содержался аффикс древнего множественного числа *-yz*. Правда, в тюркских языках встречаются аффиксы, состоящие из одного гласного, но таких аффиксов сравнительно немного.

Не будет, думается, серьезной ошибкой, если при исследовании истории аффиксов в тюркских языках основное внимание будет обращено только на согласные, без учета сопровождающих их гласных. Такой прием необычайно облегчает этимологизирование, в чем легко убедиться при анализе приводимых ниже примеров. Возьмем татарское прилагательное *сууџ-сап* 'воинствующий', 'драчливый' и существительное *балыџ-џу* 'рыбак'. Несмотря на различие огласовок, можно выделить аффикс *-џ*, который, по всей видимости, когда-то имел модальное значение. В прилагательном *сууџ-сап* 'желающий воевать или драться' это модальное значение сохраняется и по сей день. Однако аффикс *-џу* в *балыџу* 'рыбак' в современных тюркских языках обозначает профессию. Можно допустить, что слово *балыџу* некогда обозначало «любящий ловить рыбу» или «постоянно занимающийся ловлей рыб». На базе этого первоначального значения позднее могло легко возникнуть обозначение профессии. В тюркском окончании множественного числа *-лаг* можно выделить два аффикса *-л* и *-р*, а в окончании *-луџ*, которое помимо значения чего-либо абстрактного выражает также значение собирательной множественности (ср. тат. *пагат-луџ* 'сосняк', *қајуп-луџ* 'березняк'), легко выделяются аффиксы *-л* и *-q*. Первый из них генетически тождествен аффиксу *-л* в окончании множественного числа *-лаг*.

Руџ-џу в татарском языке означает «пила». Структура этого слова довольно прозрачна. Руџ- — основа в современном татарском языке уже неупотребительного глагола руџ- 'резать' и *-џу* — аффикс орудия действия. Но действительно ли *-џу* здесь является аффиксом орудия действия? Скорее всего, это аффикс с модальным значением. В древних тюркских языках существовало так называемое причастие абсолютного будущего времени, выражающее модальное значение долженствования, возможности, например: *turɣu jɛr* 'место, где надлежит (~ можно)

остановиться'. Показателями этого причастия были аффиксы -*yu* (-*gü*-*qu*, -*kü*)⁴. Исходя из этого, первоначальное значение слова *ruşqu* в татарском языке следует истолковать более точно: *ruşqu* 'то, чем можно что-либо резать'.

Каково же первоначальное значение аффикса -*quş* в татарском слове *aşquş* 'ключ', образованном от основы глагола *aş-* 'открывать'? Образуем мысленно слово *aşqu*, которое должно обозначать «то, чем можно открыть». Но в данном слове аффикс с модальным значением -*qu* осложнен другим аффиксом -*ş*, значение которого неизвестно. Где его искать? При анализе слов *suŋuşcan* и *baluqşu* мы выделили аффикс -*ş* с модальным значением. Нетрудно догадаться, что аффикс -*quş* в слове *aşquş* 'ключ' представляет собой соединение двух аффиксов с модальным значением -*q* и -*ş*. Гласный *y* при этом никакой особой роли не играет. Можно, действуя подобным образом, установить генетическое родство таких аффиксов, как аффикс -*s* в тур. *ol-s-un* 'пусть будет', и того же аффикса в татарской форме *aşuj-s-un kilä* 'мне хочется есть'. Этот же аффикс содержится и в такой глагольной форме, как др.-тюрк. *suv-sa-du* 'он хотел есть', и в показателе форм условного наклонения -*sa-*, -*se-*: ср. тур. *veg-se* 'если он даст'. Однако с самого начала следует предостеречь от попыток чисто механического отождествления аффиксов. Так, например, в аффиксе татарского деепричастия на -*qaş*, -*yaş* содержатся аффиксы с согласными основами *q-* и *ş-*. Однако это обстоятельство не дает никакого права отождествлять их с омонимичными аффиксами -*q* и -*ş* в слове *aşquş* 'ключ' по той простой причине, что в показателе деепричастия на -*qaş* никогда не могло быть аффиксов с модальным значением. По своему происхождению это совершенно разные аффиксы.

Аблаут *a:u* иногда наблюдается и в корне слова, хотя и не очень часто (ср. чередования гласных в казахских диалектах типа *tastaw* : *tys-taw* 'бросать', *dabyl* : *dybyl* 'весть', в диалектах карачаево-балкарского языка: *tajaq* : *tyjaq* 'палка', тув. *tyrt-*, тат. *tart-* 'тащить'; якут. *syt-* 'лежать' при тат. *jat-*; *yl-* 'брать' при тур. *al-* 'брать' и т. д.).

По мнению А. М. Щербака, появление *y* на месте первоначального *a* в подобных случаях невозможно объяснить ни характером вокализма непервых слогов, ни особенностями непосредственного фонетического окружения: изменение *a* в *y* наблюдается в начале слова, независимо от предшествующих ему и последующих за ним согласных, а также от качества согласных последующего слога⁵.

Думается, что найти объяснение этому действительно загадочному явлению в какой-то мере возможно. Аблаут *a:u*, нередко встречающийся в аффиксах, по-видимому, связан с выражением определенного психологического эффекта. Он создавал впечатление общей слабости и неустойчивости гласного *a*. Под влиянием этого эффекта гласный *a* в корне слова мог измениться в *y*, в результате чего возникали чередования типа *tart-* : *tyrt-* 'тащить'.

Необычным представляется в этой связи довольно частый переход корневого *a* в *y* в чувашском языке: ср. чув. *pyl* 'мед', тат. *bal*; чув. *pyg-* 'идти', тат. *bag-*; чув. *pylžäk* 'грязь', тат. *balčyq*; чув. *şyg* 'обрыв', тат. *jağ*; чув. *tymağ* 'корень', тат. *tamug* и т. д.

⁴ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 659.

⁵ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 145.

Сложность данного вопроса заключается в том, что чувашское *у* появилось относительно поздно. Исконное *у* в чувашском языке превращалось в *ӱ*.

Мы не претендуем на окончательное решение загадки тюркского аблаута *а:у*. Дальнейшие поиски в этом направлении должны продолжаться. Не все в истории тюркского вокализма в одинаковой степени ясно. Следует здесь заметить, что в аффиксах тюркских языков довольно часто чередуются также гласные *у* и *и*. Это опять-таки подтверждает высказанное нами положение, что решающее значение в аффиксах тюркских языков имеют согласные.

П. И. КУЗНЕЦОВ

К ОБОСНОВАНИЮ ТЕОРИИ ВЕРБАЛЬНОСТИ ТЮРКСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ *

О. Теория или, пожалуй, концепция, постулирующая именную (номинативную) природу тюркского предложения, является в настоящее время исключительно популярной. Такая точка зрения на специфику строя тюркских языков имеет достаточно длительную историю, и поскольку она, как нам кажется, никем еще не была освещена, хотя не только представлял очевидный интерес для истории тюркологии, но и может способствовать более углубленному подходу к интересующей нас теме, попытаемся ее кратко изложить.

1. Тезис об именном характере тюркского спряжения восходит к грамматике Ф. Менинского, который, рассматривая форму настоящего и будущего времени в турецком языке, писал: «Впрочем, ... *sever* есть собственно активное причастие *любящий* (*amant*) или который *любит*»¹.

Предшественники Ф. Менинского, судя, например, по грамматике Ф. М. Маджио², об именном характере турецкого спряжения, по-видимому³, ничего не говорили.

Часть грамматистов XVIII столетия не заметила или не поддержала точки зрения Ф. Менинского⁴, но в других работах (Хольдермана, Прейндля, Вигье), впрочем, так же скупно, как и у Ф. Менинского, говорится о «причастиях», лежащих в основе некоторых спрягаемых форм глагола⁵.

Перевод анонимного труда Хольдермана на русский язык оказался первой грамматикой одного из тюркских языков, изданной в России.

* Статья первая.

¹ *Francisci à Mesgnien Meninski. Linguarum Orientalium turcicae, arabicae, persicae institutiones seu Grammatica turcica...* Viennae, Austriae, 1680, стр. 72.

² *D. Francisco-Maria Maggio. Syntagmaton Linguarum Orientalium... Liber secundus... Turcicae linguae institutiones*, Romae, 1670, стр. 62 и сл.

³ Мы не имели возможности ознакомиться с рядом работ, в том числе с турецкими грамматиками: И. Мегизера (H. Megiser, 1612) (см. подробный обзор этой работы в статье: A. Dilâçar, 1612'de Avrupa'da yayımlanan ilk Türkçe gramerinin özellikleri. — «Türk Dili Araştırmaları Yılığ», Belleten 1970, Ankara, 1971, стр. 197—210), А. дю Рне (A. du Ryer, 1630), Г. Молино (G. Molino, 1641), П. Бернара и д'Абевийя (P. Bernard et d'Abeville, 1667), Г. Подесты (G. Podesta, 1669), Б. В. Сеамана (B. W. Seaman, 1670); подробнее об этих работах см.: А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, стр. 15 и сл.; Fr. Babinger. Die türkischen Studien in Europa bis zum Auftreten Josef von Hammer-Purgstalls. — «Die Welt des Islams», B. 7, H. 3/4, Berlin, 1919, стр. 103—129.

⁴ См.: J. Ch. Clodius. Grammatica turcica..., Lipsiae, 1729, стр. 41—44; B. Pianzola. Breve grammatica e dialohi per imparare la lingue italiana, latina, greca-volgare e turca..., Padova, 1781, стр. 49 и сл.; C. Comidas de Carbognano. Primi principi della grammatica turca..., Roma, 1794, стр. 57 и сл.

⁵ (Holdermann.) Grammaire turque ou methode courte et facile pour apprendre la langue turque... Constantinople, 1730, стр. 39—40; Preindl. Grammaire turque d'une toute nouvelle methode..., Berlin, 1790, стр. 28; M. Viguiet. Eléments de la langue turque..., Constantinople, 1790, стр. 94.

Здесь, в частности, говорится: «Турки имеют другое прошедшее, которое делается от прошедшего причастия первообразного глагола, чрез приложение к оному настоящего, или прошедшего времени глагола существительного *севмишим*, или *севмишъ олюмъ* 'я любил'»⁶.

Автор первой грамматики татарского языка И. Гиганов писал о причастиях и деепричастиях, которые «после себя принимают только личные одни местоимения в первом и втором лицах, а в третьем лице существительного вспомогательного глагола третье ж лице *دی* или *دور*»⁷.

В начале двадцатых годов XIX века появляется работа М. Абель-Ремюза, в которой, насколько нам известно, автор впервые специально останавливается на структуре времен турецкого индикатива. Он пишет: «Если проанализировать времена, которые здесь имеют репутацию простых, станет ясно, что на самом деле они слагаются из времен глагола *быть* и причастия настоящего времени. *Kilugum* (я делаю) в действительности состоит из причастия *kilur* (делающий) и из *im* (я есмь)». И далее в сноске: «Наиболее уважаемые авторы грамматик турецкого языка образуют это время из 3-го лица настоящего времени индикатива, но они ни в коей мере не разъясняют этим структуры ни этого последнего, ни, впрочем, и самого времени»⁸. (Автор, однако, делает исключение для Ф. Менинского). Иначе, по мнению М. Абель-Ремюза, строится претерит (= прошедшее-категорическое): он состоит лишь из основы (*le thème*), которая добавляется к перфекту существительного глагола: *kildum*... из *kil* (делай) с *idum*, *idun* и т. д.⁹

Под влиянием этой работы или независимо от нее, автор следующей грамматики турецкого языка А. Жобер указывает, что несклоняемые причастия «входят как необходимый элемент в спряжение некоторых времен глагола»¹⁰. Грамматика А. Жобера, при всех ее несовершенствах, оказала некоторое, а подчас и заметное влияние на работы нескольких авторов — юного А. Л. Девидса, лейтенанта Берсвордта, майора Бойда и в какой-то мере даже на такого блестящего знатока турецкого и арабского языков, как О. И. Сенковский. Что касается грамматики А. Казем-Бека, то, как указывал сам автор, в ее основу был положен выполненный И. Н. Березиным русский перевод названного труда А. Жобера. Все перечисленные авторы по интересующему нас вопросу разделяли позицию французского лингвиста¹¹, как и многие после-

⁶ «Турецкая грамматика или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка...». Переведена с французского., СПб., 1776, стр. 65 (разрядка наша — П. К.).

⁷ И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801, стр. 71.

⁸ M. Abel-Rémusat. Recherches sur les langues tartares... T. I-er, Paris, 1820, стр. 275. (Здесь и далее в транслитерацию авторов нами внесены некоторые коррективы. — П. К.).

⁹ Там же. По поводу подобной точки зрения см. критическое замечание О. Н. Бётлингк: O. Boettlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik. — «Bulletin de la classe hist.-philol. de l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg», t. 5, St.-Petersb.—Leipzig, 1848, стр. 352.

¹⁰ A. Jaubert. Eléments de la grammaire turke., Paris, 1823, № 177.

¹¹ См.: A. L. Davids. Grammaire turke., Londres, 1836. (Первое, английское издание этого труда, вышедшее в 1832 году, оказалось уже посмертным для автора, которому не исполнилось еще и двадцати одного года), стр. 53; Berswordt. Neueste Grammatik der türkischen Sprache für Deutsche., Berlin, 1839, стр. 34 и сл.; Ch. Boyd. The turkish interpreter or a new grammar of the turkish language, London, 1842, стр. 85 (только форма *severidum*); (О. Сенковский). Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Часть вторая. Основные правила турецкого разговорного языка. СПб., 1829 (2-ое изд. — 1854), стр. 34 и сл.; А. Казем-Бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839 (2-ое изд. — 1846), стр. 290 и сл.

дующие исследователи турецкого языка — А. Пфизмайер (A. Pfizmaier, 1847), Н. Маллюф (N. Mallouf, 1862, 1889), П. Пикерэ (P. Piqueré, 1870), Л. Финк (L. Fink, 1872, 1879), М. Терентьев (1875), К. Вид (K. Wied, первое издание — около 1884 года), А. Мюллер (A. Müller, 1889), А. Тьен (A. Tien, 1896), Л. Бонелли (L. Bonelli, 1899).

Аналогичного взгляда придерживались некоторые специалисты по другим тюркским языкам, а также алтаисты, например, Антон Боллер¹². В частности, О. Н. Бётлингк в своих ценных «Критических замечаниях...» на второе издание грамматики А. Казем-Бека писал, что, как это показал уже Рюккерт (Rückert. Allgemeine Literatur-Zeitung, 1829, I, стр. 579—580), «все простые глагольные формы в турецком и татарском языках представляют собой соединение какого-либо причастия с личным местоимением или же имени действия с аффигированным посессивом»¹³. Здесь, как мы видим, имеются некоторые существенные нюансы по сравнению с позицией М. Абеля-Ремюза: во-первых, к причастиям Рюккерт и О. Н. Бётлингк подключают и имена действия; во-вторых, О. Н. Бётлингк подчеркивает, что не видит связи между глаголом *i* — 'быть' и формами *-im*, *-sin* и т. д., которые он, кажется, впервые в тюркологической литературе назвал аффиксами сказуемости настоящего времени (Prädikats-Affixe der Gegenwart¹⁴); наконец, О. Н. Бётлингк высказывает мнение, что «первоначально причастие без личного окончания, так же, как в монгольском языке, просто-напросто следовало как предикат за личным местоимением: *bep sever*, *sen sever*, *ol sever*, *biz severler*, *siz severler*, *onlar severler*. Позже, поскольку личное местоимение как субъект часто далеко отстоит от предиката, оно повторялось для придания ясности последнему. В тех временах, которые скомпонованы из имени действия с каким-либо аффиксом принадлежности (как *sevdim*), этот последний в древнейшее время, возможно, тоже не добавлялся»¹⁵.

Нельзя утверждать, что все тюркологи XIX столетия примкнули к концепции Менинского — Гиганова — Абеля-Ремюза — Рюккерта — Бётлингка — Боллера. Так, автор лучшей, на наш взгляд, грамматики турецкого языка минувшего века Дж. В. Редгауз указывает, например, что «3-е лицо единственного числа будущего времени ... образуется тем же способом, что и активное причастие будущего времени»¹⁶, но не утверждает, что оно является этим причастием. А. Вармунд отмечает, что причастие настоящего-будущего времени «имеет форму 3-го лица единственного числа аориста», а «активное причастие претерита имеет форму 3-го лица единственного числа неопределенного перфекта: *gelmiş...*»¹⁷, тогда как сторонники именного происхождения глагола предпочли бы обратную формулировку. [См. также грамматики Ж. Бесса (J. Besse, 1829), Ч. Уэллса (Ch. Wells, 1880), Р. Юсуфа (R. Youssoufi, 1892), Г. Еглички (H. Jehlitschka, 1895)]. В этот список следует включить также Неджиба, турка, написавшего грамматику своего родного

¹² См.: Д. М. Насилов. Из истории алтаистики (статья первая). — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 90—91.

¹³ O. Boettlingk. Указ. раб., стр. 350.

¹⁴ Там же, стр. 349.

¹⁵ Там же, стр. 351. Аналогичные взгляды развивал О. Н. Бётлингк и в якутской грамматике, см.: O. Boettlingk. Über die Sprache der Jakuten. St.-Petersb., 1851, стр. 299—300 и сл.; см. еще: W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen. — «Записки императорской академии наук по историко-филологическому отделению», т. 8, № 7. СПб., 1908, стр. 47 и сл.

¹⁶ J. W. Redhouse. Grammaire raisonnée de la langue ottomane suivie d'un appendice, Paris, 1846, стр. 78.

¹⁷ A. Wahrmund. Praktisches Handbuch der osmanisch-türkischen Sprache. Giessen, 1898, стр. 171—172, §§ 259, 260. (Те же §§ в издании 1869 года).

языка по-французски¹⁸, а в равной мере — всех турецких авторов турецких грамматик, из которых никто «и в мыслях не держал» называть основу того или иного грамматического времени причастием или именем действия¹⁹. Впрочем, никто из названных авторов никак не обосновал свою позицию.

В течение XIX века продолжали, таким образом, сосуществовать два направления в вопросе о структуре тюркского глагольного предложения, причем второе из них стихийно отвергало прямую связь финитных форм с глагольно-именными образованиями. Та же ситуация сохранилась и в первой половине XX века: если лагерь сторонников именной структуры тюркского предложения тяготел к теоретическим построениям (см. работы Г. Вайля, Х. Винклера, К. Грёнбека, А. ф. Габен, Р. Годеля и др.²⁰), то адепты иной концепции — Гутор, М. Хортен, Й. Венигер и С. Терцакян²¹, ряд турецких грамматистов — явно сторонились каких-либо теоретических рассуждений. Постепенно сложилось впечатление, что позиция этого «молчаливого меньшинства» — если только она вообще была замечена — бесперспективна, коль скоро не может быть подкреплена хоть какой-нибудь аргументацией.

Во второй половине текущего столетия появилось такое большое количество книг и статей, в которых в той или иной мере затрагивается вопрос о структуре тюркского предложения, что для уяснения всех нюансов существующих точек зрения потребуется, вероятно, написать объемистую монографию. Подавляющее большинство авторов по-прежнему придерживается теории именного происхождения тюркского глагола, хотя между отдельными группами исследователей и выявились некоторые, подчас существенные, расхождения во взглядах на те или иные вопросы. Принципиальная монолитность сторонников этой теории была продемонстрирована выходом «*Philologiae turgicae fundamenta*»²², авторами которой являлись корифеи мировой тюркологии и алтаистики. Все статьи этого фолианта составлены по заранее выработанной схеме, построенной на теории номинативности тюркского предложения.

Издавна существовавшие стихийные сомнения в правильности названной теории, кажется, впервые нашли эксплицитное выражение в следующей цитате из нашей статьи 1956 года, посвященной разбору монографии М. С. Михайлова «Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе» (М., 1954): «На наш взгляд, спряжение в тюркских языках не является именным. Однако этот вопрос требует особого рассмотрения»²³, что затем и было сделано в статье автора «Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках»²⁴. Сторонники номинативной теории, по-видимому, не заметили

¹⁸ *Nedjib. Grammaire élémentaire de la langue ottomane.*, Constantinople, 1870, стр. 45 и сл., стр. 77.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов, Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов. Канд. дисс., машинопись (1939), стр. 125, 140 и др.

²⁰ См.: G. Weil. *Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache*. Berlin, 1917, стр. 102; H. Winkler. *Die altaische Völker- und Sprachenwelt*, Leipzig und Berlin, 1921, стр. 34—35, сноска; K. Grönbeck. *Der türkische Sprachbau*, I, Kopenhagen, 1936, стр. 85; A. v. Gabain. *Die Natur des Prädikats in den Türkisprachen*. — «*Körösi Csoma-Archivum*», III. B., I. H., Budapest—Leipzig, 1940, стр. 85 и сл.; R. Godel. *Grammaire turque*, Genève, 1945, стр. 91.

²¹ См.: Гутор. Краткая турецкая грамматика. Тифлис, 1914, стр. 20, 23 и сл.; М. Хортен. *Kleine türkische Sprachlehre*, Heidelberg, 1916, стр. 33, 52 и др.; J. Weniger und S. Tertsakian. *Türkische Grammatik.*, Halle a. d. S., 1916, стр. 28, 39 и др.

²² «*Philologiae turgicae fundamenta*», т. I, Wiesbaden, 1959.

²³ П. И. Кузнецов. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка. — «Краткие сообщения Института востоковедения [АН СССР]», т. 18. М., 1956, стр. 32.

²⁴ См. сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 40—71.

этого выступления — что, впрочем, не удивительно при столь бурном потоке современной печатной продукции — и «вызова» не приняли. Лишь пятнадцать лет спустя А. М. Щербак откликнулся критической статьей, в которой попытка пересмотра устоявшихся положений традиционной тюркологии расценивалась как следствие недоразумения²⁵.

Между тем, независимо от нашего выступления, близкие идеи развивают и некоторые турецкие лингвисты, в частности М. Эргин. В своей «Грамматике турецкого языка» он пишет: «...Глагольное спряжение в тюркском языке с самого начала всегда носило глагольный характер (*daima fiil hüviyeti içinde var ola gelmiştir*). Поэтому не следует забывать, что аффиксы наклонений и времен... всегда были аффиксами глагольного спряжения, никогда не выражали именного значения, не являлись причастными аффиксами. Мы никогда не должны упускать из виду, что совпадающие по форме аффиксы причастий и аффиксы времен и наклонений резко различаются между собой в функциональном отношении. Причастия обозначают (действующие) предметы (*nesne*), формы глагольного спряжения — действия»²⁶.

Правда, М. Эргин не вполне последователен. Он допускает, что в необозримо далекую эпоху (*Türkçenir bilinmeyen karanlık devirlerinin içinde*) тюркское спряжение, по-видимому, носило именной характер²⁷. Это — досадная принципиальная уступка номинативной теории.

С другой стороны, высказывание М. Эргина, признающее, что исторически обозримый период не дает достаточных данных для вывода об именном характере тюркского спряжения, указывает на необходимость того, чтобы арена полемики по этому вопросу была перенесена именно в ту очень отдаленную эпоху, не оставившую после себя сколько-нибудь определенных материальных следов, поскольку это было за десятки, а, возможно, и больше, тысячелетий до появления письменности. Одним словом, спор не должен обходить вопроса о происхождении языка в целом.

2.0. Сторонники номинативной теории по существу должны признать, что именно их суждения уводят нас в необозримо далекую эпоху, фактически — ко времени становления языка. Достаточно ознакомиться, например, со следующими утверждениями (приводимые ниже цитаты легко могут быть заменены аналогичными высказываниями многих других авторов).

А. М. Щербак: «То, что в описательных грамматиках носит наименование глагольных основ, не всегда имело морфологический статус глагольности: первоначально это были недифференцированные глагольно-именные основы»; «... В тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет и действие-состояние, т. е. был синкретичным»²⁸.

Речь здесь идет об эпохе возникновения первичных слов-основ, то есть о наиболее древнем этапе формирования языка. Следующие высказывания относятся к более близкому к нам, по сравнению с этой доагглютинативной стадией развития языка, времени.

²⁵ А. М. Щербак. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 5, стр. 22; *его же*. О происхождении прошедшего времени на -dı в тюркских языках. — «Hungaro-Turcica, Studies in honour of Julius Németh», Budapest, 1976, стр. 96.

²⁶ *Muharrem Ergin. Türk Dil Bilgisi*, Sofya, 1967 (первое издание — Istanbul, 1962), § 447.

²⁷ Там же.

²⁸ А. М. Щербак. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках, стр. 22; *его же*. О происхождении прошедшего времени на -dı в тюркских языках, стр. 96 и сл.

Э. А. Грунина: «Именные признаки неличных форм... являются чертой, отражающей происхождение неличных форм... из продуктов отглагольного словообразования, т. е. из отдельных лексических единиц...»; «... Все личные формы возникли на базе предикативного употребления неличных форм»²⁹.

К. Броккельман: «Так как тюркские глагольные формы происходят из имен, первоначально не существовало никакого принципиального различия между именным и глагольным предложением. ...*mān aīdīm* 'я сказал' собственно (означало) „мое сказывание (есть)“»³⁰.

Б. А. Серебренников: «... В уральских, а возможно и в тюркских языках, в древности не было каких-либо резких различий между именем и глаголом и глагольное действие фактически выражалось глагольным именем»; «Современной конструкции типа *он дерево рубит* могла в то время соответствовать конструкция *дереворубка его*»³¹.

В. М. Жирмунский: «Глагол как грамматическая категория происходит из имени в синтаксической функции сказуемого. Имя древнее глагола — это положение было выдвинуто Вундтом и иллюстрировано им на материале языков первобытных народов. Н. Я. Марр неоднократно высказывался в том же смысле...»³².

Несомненно, конструкция типа *дереворубка его* (вместо *он дерево рубит*), если бы, конечно, удалось доказать, что таковая когда-то реально существовала, явилась бы хорошей иллюстрацией к марровской теории «стадиальности» языка и человеческого мышления. Ни один современный человек так мыслить не может. Для современных языков и, соответственно, современного мышления такое «предложение» нельзя квалифицировать иначе как явный абсурд. Но, может быть, некогда действительно имела место стадия «дологического мышления»? Мы попробуем показать, что развитие языка — от самых его истоков — вполне можно представить себе, не прибегая к категории абсурдного как исходной точки развития. Кстати, это будет соответствовать мысли, около ста лет назад высказанной Г. Паулем: «Совершенно неправильно было бы противопоставлять начальное состояние языка его дальнейшему развитию. ...Между первыми зачатками языка и позднейшими эпохами существуют лишь различия в степени»³³. [Попутно заметим, что Г. Пауль, так же, как, впрочем, и Г. Шухардт, резко отрицательно относился к теории В. Вундта, с которым, как сказано в предисловии к четвертому изданию (1909) «Принципов истории языка», его разделяла «абсолютно непреодолимая пропасть»³⁴].

2.1. В своих рассуждениях мы будем основываться на трех тезисах, имеющих, на наш взгляд, аксиоматический характер, то есть не нуждающихся в доказательствах: 1) Язык всегда был предикативен, иначе говоря, каждое высказывание всегда несло какую-то мысль; 2) Общее направление развития языка — от наиболее

²⁹ Э. А. Грунина. О роли неличных форм глагола в конструкции сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — «Тюркское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 75; *еже*. К вопросу о развитии семантики глагольных имен в тюркских языках. — «УзССР, олий ва ўрта махсус таълим мишистрлиги, илмий асарлар», т. 42, кн. 1. Тошкент, 1963, стр. 238.

³⁰ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Lief. 5, Leiden, 1954, стр. 283.

³¹ Б. А. Серебренников. О некоторых приемах восстановления архаичных черт грамматического строя языков. — «Вопросы языкознания», 1965, № 4, стр. 25.

³² В. М. Жирмунский. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими (статья написана в 1945 году). — В кн.: «В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание». Л., 1976, стр. 199.

³³ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 56—57.

³⁴ Там же, стр. 22.

простого к более сложному и, соответственно, от конкретного к абстрактному. (Позднее — но только как вторичная — возникла также обратная тенденция: упрощение сложного); 3) Предельная примитивность языка вынуждала прачеловека использовать его — разумеется, неосмысленно³⁵ — лишь для передачи максимально значимой информации.

Если первый из этих тезисов верен, — а сомневаться в этом нет оснований, — то легко прийти к выводу, что слова типа *нога*, *рука* (отдельные имена), *ро-в*, *скла-д* (продукты отглагольного словообразования), (*его*) *дереворубка*, (*мое*) *сказывание* (глагольные имена), хотя и обладают, каждое, каким-то значением, однако не несут — и никогда не несли — никакой мысли, а следовательно, не могли составлять первоосновы высказывания в прошлом, как не составляют ее и ныне.

Вместе с тем развитие человеческой речи должно было начаться именно с одного, и к тому же односложного, слова, так как такое слово является предельно простой языковой единицей. Однако это слово (односоставное предложение) непременно должно было быть одновременно и предложением, поскольку лишь предложение способно нести мысль³⁶.

Какого же рода информация была максимально значимой для первобытного человека? В одной из статей Д. В. Бубриха приводится в числе других следующий образчик предложения древнейшего типа: *Девушка (эта) — красавица, красивая*³⁷. Можно смело утверждать, что предложения такого рода никак не могли возникнуть на древнейшей стадии развития речи, поскольку отделение признака от предмета, равно как и само называние предмета (то есть назывная функция), не имели в то время никакой социальной значимости, хотя практически первобытный человек отличал, несомненно, «красивую девушку» от некрасивой. Ретроспективный анализ говорит о том, что наиболее значимыми типами высказываний для древнейшего человека могли быть и были: 1) различные односоставные сигналы (в частности, сигнал тревоги³⁸), 2) оклик, 3) призыв³⁹, 4) побуждение к действию (повеление) и, наконец, позже 5) краткое, односложное сообщение (о каком-то действии).

Среди всех этих речевых акций наибольший интерес для нас представляет побуждение к действию, способствовавшее организации коллективных действий во время охоты⁴⁰. Последняя издавна велась прачеловеком с помощью естественных орудий — палок (дубин), камней и острых костей, которые первоначально использовались им неосознанно (стихийно). Повеление представляло собой сопровождаемый жестами

³⁵ Л. Нуаре был недалек от истины, когда утверждал, что «До письма человек вряд ли знал, что он делает, когда говорит» (Л. Нуаре. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. [Харьков], 1925, стр. 95). Сам глагол *говорить*, несомненно, появился довольно поздно.

³⁶ А. Г. Спиркин прав, утверждая, что «слово и предложение возникли одновременно» (см.: А. Г. Спиркин. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. — «Мышление и язык». М., 1957, стр. 51), хотя конкретизация им этого положения вызывает серьезные возражения (см.: П. И. Кузнецов. Некоторые вопросы происхождения языка. — «Ученые записки Московского государственного института международных отношений. Вопросы языка и литературы», вып. 5. М., 1970, стр. 98 и сл.).

³⁷ Д. В. Бубрих. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения. — «Вестник ЛГУ», № 5. Л., 1947, стр. 79.

³⁸ См.: Ч. Дарвин. Сочинения. Т. V. М., 1958, стр. 205 и др.; С. Кацнельсон. О возникновении речи. Л., 1949, стр. 45.

³⁹ См.: G. Revesz. Ursprung und Vorgeschichte der Sprache. Bern, 1946, стр. 141 и др.

⁴⁰ Мы исходим из положения о том, что «Секрет антропогенеза заключается в превращении всеядной, преимущественно растительноядной обезьяны в хищника» (С. П. Толстов. Проблемы родового строя. — «Природа», 1931, № 3—4, стр. 80).

лящей выкрик, причем нередко указывавший не только на само действие, но и на тот предмет, с помощью которого оно должно было совершиться, например: *х!* (в зависимости от ситуации) *бей палкой!* («дубинь!»), или: *(дай) палку!*, или: *(подними) палку!* и т. п. Совершенно очевидно, что односоставность (однословность) предложения не давала возможности на этом начальном этапе развития языка как-то формально (словесно) обособить обозначения предмета и действия, — то и другое комплексно выражалось единым, нерасчлененным выкриком. Однако большой ошибкой было бы судить о развитии сознания человека по тем продуктам его речевого творчества, которые обнаруживаются или могли бы быть обнаружены. Ничто, в частности, не дает нам оснований полагать, что первобытный человек не видел разницы между предметом его действия (например, *каменем*) и самим действием (*поражением цели, метанием* и т. п.). Мы можем констатировать только, что человек не мог выразить этого различия посредством того крайне несовершенного механизма общения, которым он располагал.

Однако, когда спустя многие и многие тысячелетия, — ибо первоначально язык не мог не развиваться крайне медленно, — человек перешел от односоставного предложения к двусоставному (точнее, двухэлементному, двусловному), он получил возможность достаточно адекватно выражать мысли типа *бей дубиной!*, *кидай камень!*, *кромсай костью!* и т. д., то есть смог словесно отделить собственно действие от его объекта, хотя каких-либо формальных примет две важнейшие части речи — имя и глагол — иметь в то время, естественно, не могли.

Позже те же односоставные и двухэлементные предложения, произнесенные иным тоном, стали использоваться в значении конструкции: *финитный глагол* или *глагол + объект* (для сообщения о чем-либо), например: *бегут; бьет (бьют) дубиной; тащит кабана* и т. п. (Комплетивная связь; действующее лицо пока выявляется лишь ситуацией).

После получения субъектом действия эксплицитного (словесного) выражения, становление важнейших элементов простого предложения можно считать завершенным.

2.2. Сказанное побуждает задаться двумя вопросами: 1) Как оценивать высказывание А. М. Щербака о синкретичности первичных корней (см. выше)? 2) Как отнестись к взгляду, согласно которому глагол — по крайней мере, в тюркских языках — первоначально имел именную окраску, иначе говоря, был не столько глаголом, сколько глагольным (или отглагольным) именем?

Точка зрения А. М. Щербака может быть в основном принята. Хотя и сомнительно, чтобы почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие, все же определенное количество таких корней, по всей вероятности, было. [В качестве примера можно привести корень *ad, выступавший, по-видимому, в значениях 1) *нога*, 2) *иди, ступай*⁴¹]. Следует, однако, подчеркнуть, что синкретизм имени и глагола выявляется лишь на знаковом уровне, то есть в плане выражения, и должен быть объяснен несовершенством речесозидающего механизма, вследствие чего каждый знак в языке получал максимальную функциональную нагрузку. Переносить синкретизм в план содержания, то есть делать вывод о неразличении в самом языковом сознании предмета и действия, тем или иным образом связанного с ним, у нас нет никаких оснований⁴².

⁴¹ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. М., 1974, стр. 103—104.

⁴² Подробнее об этом см.: П. И. Кузнецов. Является ли строй тюркских языков изначально именным? (Публикуется в журнале «Вопросы языкознания», 1980, № 6).

Мнение тех, кто настаивает на именном происхождении глагола, следует, конечно, опспорить⁴³. Нами уже говорилось о том, что (от)глагольные имена не несут мысли и не могут составлять ядра высказывания, особенно в предложениях, состоящих всего из одного-двух слов (см. приведенные выше примеры). Воспринимать как предмет сообщение, а тем более повеление (*возьми!*, *бей!* и т. д.) весьма затруднительно, если вообще возможно. Действие по самой своей сути не имеет ничего общего с предметом, и навязывать первобытному человеку «опредмеченное» восприятие действия, значит постулировать алогичность его восприятия мира, с чем никак нельзя согласиться. Наконец, не следует забывать о том, что на рассматриваемом этапе развития языка морфологии еще не было и опредмеченное восприятие действия — даже если бы таковое все-таки имело место — никакого эксплицитного выражения получить все равно не могло.

Чем же объяснить в таком случае наличие глагольных имен как в современных языках, так и в сохранившихся до наших дней памятниках древней письменности? Даже такой блестящий и трезво мыслящий лингвист, как Г. Пауль, по-видимому, временно поддавшись влиянию модных теорий, написал: «Если наряду с обозначениями предметов и опредмеченных понятий в языке сложились существительные, обозначающие свойство или действие, то первоначально их возникновение объяснялось, по-видимому, своеобразным фантастическим взглядом на вещи, придававшим свойствам и действиям облик предметов или лиц»⁴⁴. Но он по существу тут же поправляет себя, называя действительную и единственную причину существования глагольных имен: «[Однако в дальнейшем] побудительной причиной для создания таких существительных стала именно их способность по мере надобности выступать то как подлежащее, то как дополнение»⁴⁵.

Глагольные имена, несомненно, существуют в языке достаточно долгое время, однако вопреки утверждениям сторонников номинативной теории их не было и не могло быть на первых этапах развития языка хотя бы потому, что в то время слова, обозначающие действие, не могли занимать синтаксической позиции ни подлежащего, ни дополнения, ни определения (определения как члена предложения вообще еще не было). Единственно возможной для глагола была позиция сказуемого простого предложения (ни сложного, ни осложненного предложений быть еще не могло), в которой он всегда выступает в своем первоначальном виде — в значении *verbum finitum*.

На тюркском языковом материале мы могли бы, исходя из сказанного выше, представить себе следующие предложения-высказывания: *Kel!* 1) 'Иди (сюда)!', 2) 'Идет!', 3) 'Пришел!'; *Ket!* 1) 'Уходи!', 2) 'Уходит!', 3) 'Ушел!'; *Eg kel* 'Человек идет (сюда)' или 'Человек пришел'; *Ol ket* 'Он уходит', 'Он ушел'; *Ben je* 'Я ем', 'Я (по)ел'; *Eg al at* или *Eg at al* 'Человек берет (взял) коня' и т. п.

Многофункциональность корневых глаголов [*ket* '1) уходи, 2) уходит, 3) ушел'] была неизбежной для доморфологического уровня развития языка, но она легко преодолевалась благодаря конкретности возникавших ситуаций и возможности использования дополнительных коммуникативных средств (в частности, жестикulations).

⁴³ На ошибочность и идеалистическую сущность такого рода воззрений справедливо указывает А. А. Юлдашев, преждевременно полагая, однако, что «все давно отрешились от них» (см.: А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 20).

⁴⁴ Г. Пауль. Принципы истории языка, стр. 417.

⁴⁵ Там же. (Скобки наши. — П. К.)

Н. Х. МАМЕДОВ

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Талышский язык (как известно, один из бесписьменных) относится к северо-западной группе иранских языков, носители которого с древнейших времен находятся в тесных хозяйственных и языковых контактах с азербайджанцами. «Талыши проживают в Советском Союзе, — в юго-восточной части Азербайджанской ССР (районы Астаринский, Ленкоранский, Лерикский, Масаллинский, Ярдымлинский) и на территории Ирана — в Гиляне и в соседней с ним части Иранского Азербайджана»¹.

Многочисленные языковые, фольклорные и исторические факты указывают на то, что взаимоотношения азербайджанцев и талышей стали особенно тесными в период правления династии Сефевидов.

Сближению талышей с азербайджанцами южных районов Азербайджана способствовал и исповедовавшийся ими шиизм. «Преобладание шиитов над суннитами может быть объяснено историческими связями династии Сефевидов, вышедшей, как известно, из Ардебилля и сделавшей шиизм государственной религией Ирана, с Талышом и особенно его Ленкоранским районом»². Именно в этот период азербайджанский язык получил широкое распространение среди талышей: «Значительная часть талышей, особенно мужская, свободно владела их (азербайджанцев. — Н. М.) языком, и при общении он имел такие же права, как и талышский»³.

Азербайджанско-талышское двуязычие талышей объясняется, таким образом, тесными языковыми контактами и экстралингвистическими факторами: историческими, политическими, географическими и экономическими.

Многочисленные азербайджанские лексические элементы в талышском языке указывают на давность тесных многосторонних контактов талышей с азербайджанцами. Если исторические документы указывают на возникновение азербайджанско-талышских связей начиная с XV—XVI веков, то языковой материал указывает на существование этих связей еще до XI—XII столетий. Это подтверждается наличием в талышском языке множества азербайджанских слов того периода.

Талышский язык сохранил значительное количество древнетюркских (азербайджанских) лексических и морфологических элементов, способных пролить свет на некоторые вопросы истории азербайджанского языка, его исторической лексикологии и этногенеза. Наличие

¹ Л. А. Пирейко. Талышско-русский словарь. М., 1976, стр. 5.

² Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 11.

³ Там же.

этих элементов в талышском языке непосредственно связано с воздействием азербайджанских говоров, которые как бы образуют «своего рода микротерриторию неродственной языковой среды»⁴.

В настоящей статье рассматриваются сохранившиеся в талышском языке азербайджанские лексические элементы, отсутствующие в современном литературном азербайджанском языке, но встречающиеся в азербайджанских диалектах и говорах, в письменных памятниках и в других тюркских языках.

BÜNG 'печаль, скорбь'. Встречается в талышском языке также со вспомогательным глаголом *qarde* 'делать' как первый компонент аналитического глагола в значении «печалиться, огорчаться»: *Āji būngyŷ qardā* 'Он в скорби'; *Sygo būng qardāš?* 'Почему ты печалишься?' и др. Иногда выступает в сочетании с *müng* (*büng-müng*): *Az būng-müng pibānām//zyndānim* 'Я (никаких) печалей не знаю'.

Слово *büng* в диалектах и говорах азербайджанского языка отсутствует. В талышском языке это, видимо, древнейшее заимствование. В данном значении эта лексема встречается в памятниках древнетюркской письменности (в честь Кюль-Тегина и в честь Тоньюкука⁵), а это позволяет предположить, что некогда она была употребительна и в азербайджанском языке. В указанных выше памятниках она встречается в форме *buŋ*: *eltā buŋ joq* 'В племенном союзе (тюрков) нет печали'; *peŋ jerdāki qayanlīy bodunqa būntügi bar ersār ne buŋi bar ertāci ermiš* 'Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы бездельник, то что за горе имел бы (народ)'; *buŋda oylanīm jita* 'В скорби мой сын, горюя'⁶.

В. И. Асланов о слове *buŋ//müŋ* 'печаль' пишет: «Слово, встречающееся в общетюркских памятниках домахмудовской эпохи и зафиксированное в более поздних письменных источниках того или иного тюркского языка, свидетельствует о том, что не все лексические единицы тюркских языков XI века были учтены в „Диване“ Махмуда Кашгари»⁷. В числе других примеров он приводит также *buŋ//müŋ* 'печаль', *buŋal//müŋal* 'печалиться'.

В талышском языке во всех азербайджанских заимствованиях, содержащих звук *u*, как правило, происходит его замена на *o* или *ü*, так как *u* не свойствен талышскому языку (*buŋyü > boŋyo* 'бурав', *buz > büz* 'лед', *bud > büd* 'ляжка'). Употребление в талышском языке древнетюркского (древнеазербайджанского) *buŋ* в форме *büng* связано именно с этой фонетической особенностью.

OROŠ 'украшение'. Употребляется в талышском языке часто как парное слово *oroš-doroš* в этом же значении. Со вспомогательными глаголами *doe* 'давать', *že* 'ударять, делать' образует сложные глаголы: *oroš že//oroš doe//oroš-doroš že//oroš-doroš doe* 'украшать, приводить себя в порядок, наводить на себя красоту': *Sy ovājnāqū das qāšādāni, sybādām-šango bāštā oroš žāsā ovārā* 'Не отходит от зеркала, с утра до вечера занят наведением на себя красоты'; *Oroš-doroš qam bydā bāštā, onsyzān, yāšāngiš* 'Поменьше наводи на себя красоту, ты и так красив'. Иногда, принимая талышский словообразовательный аффикс *-in*, обра-

⁴ М. Ш. Рагимов. Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительно-историческом изучении тюркских языков огузской группы. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 50.

⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 124.

⁶ Примеры из древнетюркских памятников приводятся по «Древнетюркскому словарю» (далее — ДТС), стр. 124.

⁷ В. И. Асланов. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и азербайджанский язык. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 62.

зует прилагательное *orošin//oroš-dorošin* 'украшенный, наряженный, нарядный'; *Oroš-dorošinä suxan qarde uşty odäte* 'Говорить красивые (досл. украшенные) слова — твоя привычка'.

Данное слово не встречается ни в азербайджанском литературном языке, ни в его диалектах и говорах, ни в его письменных памятниках. Не удалось обнаружить его употребление и в других тюркских языках и их письменных памятниках. Тем не менее форма этого слова заставляет нас предположить его тюркское происхождение. Полагаем, что это слово восходит к общетюркскому корню *ug* (ДТС, 614) и именному словообразовательному аффиксу *-uş*⁸.

Как уже отмечалось выше, во всех заимствованиях из азербайджанского языка в словах со звуком *u* в талышском происходит фонетическая замена *u > o* (*uguş > ogoş*, *duruş > doroş*). Известно, что употребляемый в современном азербайджанском языке глагол *ug* в старом азербайджанском языке имел форму *ug*. «В ряде современных и древних тюркских языков в начале слова встречаются согласные, которые не могут быть возведены к общетюркским архетипам и которые развились в результате процессов, происходивших в период после дробления праязыка. Такими согласными, которые именуются обычно протетическими, являются *v*, *j*, *h*, *c'*»⁹.

В тюркологии существуют различные точки зрения относительно протетичности *u* в некоторых тюркских языках (Н. К. Дмитриев, В. В. Радлов, Г. Рамстедт, Б. А. Серебренников и А. М. Щербак). По мнению А. М. Щербака, в азербайджанском и турецком языках, как исключение, также существует протетический *u*¹⁰ в глаголе *ug* 'бить, ударять'. Предположение А. М. Щербака подтверждается функционированием древней основы этого глагола в форме *ug* в том же значении в джалилабадском говоре азербайджанского языка (*ug dijāgām ugarsan*, *zug dijāgām žugarsan*¹¹ 'если скажу бей — будешь бить; если скажу беги — убежишь').

Хорошо известно, что для восточных¹², а также нахичеванской¹³ групп диалектов и говоров азербайджанского языка фонетическая замена звука *u > y* является одной из характерных особенностей. Поэтому употребление формы глагола *ug* (<*ug*) — весьма закономерное явление для джалилабадского говора, входящего в восточную группу диалектов и говоров азербайджанского языка. По поводу данного глагола Р. Рустамов пишет: «Употребляемый в форме *ug* в современном азербайджанском литературном языке, глагол *ug* чаще встречается в литературном азербайджанском языке до XVI века»¹⁴. Таким образом, сохранение древнейшей формы *og* (<*ug*) в талышском языке позволяет предположить, что указанная форма (*og*) была им заимствована именно в тот период, когда в азербайджанском языке протетический *u* еще отсутствовал. В талышском языке и джалилабадском говоре эта форма сохранилась благодаря их известной изолированности. С лексико-семантической точки зрения, данное слово так же, как и его парное соот-

⁸ Подробнее об этом аффиксе см.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 140—152.

⁹ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 179.

¹⁰ Там же

¹¹ См.: Э. Г. Агаев. Азербайжан дилинин Чэлилабад рајону шивэси. Канд. дисс. Ба-
кы, 1975, стр. 77.

¹² М. Ширэлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баки, 1968, стр. 44—45.

¹³ М. Ш. Ширэлијев. Фонетика. Нахчыван МССР-ин диалект вэ шивэлэри. Баки, 1962, стр. 24—25.

¹⁴ Р. Рустамов. Азербайжан дили диалект вэ шивэлэриндэ фе'л. Баки, 1965, стр. 23.

ветствие, охватывает всю совокупность действий, связанных со значением «наряжать».

DÜQ 'веретено': Qylvä toyi ruştän de düqi 'Нитку кокона прядут при помощи веретена'.

Ныне это слово в талышском языке стало почти архаичным, так как талыши в настоящее время не занимаются прядением. Его можно отнести к числу наиболее древних азербайджанских заимствований. Такое предположение подтверждается тем, что в азербайджанском языке не сохранилась его праформа и употребительна лишь форма *ij* 'веретено'. В «Диване» Махмуда Кашгари оно встречается в форме *jig* 'веретено' (ДТС. 260).

Исходя из закономерного для тюркских языков соответствия звуков $d \sim j \sim z$, можно предположить, что *jig*, зафиксированное в «Диване» Махмуда Кашгари, и *düq* в талышском языке являются праформой *ij* азербайджанского языка. В последнем часты примеры слов, утративших начальные *d*, *j*, *z*: *il* (<*jil*) 'год', *ilan* (<*jilan*) 'змея', *ulduz* (<*jildiz*) 'звезда', *ijnä* (<*jignä*) 'иголка', *jumgu* (<*dumgu*) 'круглый', *jumrug* (<*dumrug*) 'кулак' и др. Это подтверждается данными диалектов и говоров азербайджанского языка. Употребляющиеся же в шамхорском и таузском говорах азербайджанского языка *düx'čä* и в шемахинском диалекте азербайджанского языка *dükčä* 'конусообразная пряжа, снятая, с прялки'¹⁵ дают основание предположить, что основа *dük//düh* восходит к древнетюркскому *jig//jik* — форме, по сей день сохранившейся в талышском языке с незначительным фонетическим изменением.

Учитывая, что фонетическая замена $i > ü$ характерна для восточной группы¹⁶ и нахичеванского¹⁷ диалектов и говоров азербайджанского языка (например, *biz > büz* 'мы', *siz > süz* 'вы', *kiši > kişü* 'мужчина', *ičägi > ičägü* 'во внутрь'), можно утверждать, что талышский язык заимствовал это слово в форме *düq* у восточной группы диалектов и говоров, то есть через посредство ленкоранских говоров азербайджанского языка. В узбекском языке это слово встречается в форме *duk* 'веретено'¹⁸, в уйгурском — *žig//žik* в том же значении¹⁹.

ALD 'хитрость, уловка'. *Dä aldi* 'с хитростью, хитрым приемом': *Dä aldi äji hely byqä* 'Вызови его хитростью (чтобы он не почувствовал)'; *Dä aldiši my bā qā bā* '(Он) хитростью отвел меня домой'. Часто употребляется в качестве первого компонента аналитических глаголов *ald qarde* 'обманывать, хитрить, вводить в заблуждение': *Dämyš ald qa*, *čy-ty qāš jürd qa* '(Он) обманул меня, разрушил мой дом'; *Dä kināšon ald qa*, *ävyšon tylvon*, *ysu päšimon bā* 'Ввели девушку в заблуждение (обманули ее), украли ее, сейчас (она) жалеет'.

Форма *ald* в диалектах и говорах азербайджанского языка в настоящее время не встречается. В некоторых диалектах и говорах это слово зафиксировано в форме *al* 'хитрость, лукавство'; *aldil* 'хитрость, обман': *Aldilnän jazyu aparyfišä salyflar* 'Хитростью бедному (человеку) причинили неприятность'; *Aldilnän kišini joldan čuxartdy* 'Хитростью его

¹⁵ См.: «Азербайжан дилинин диалектологи лугәти». Баку, 1964, стр. 209 (далее АДДЛ).

¹⁶ Фонетическое явление $i > ü$ изредка встречается и в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. Об этом см.: М. И. Исламов. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баку, 1968, стр. 27.

¹⁷ См.: М. Ширәлијев. Азербайжан диалектологијасынын әсаслары. Баку, 1968, стр. 49.

¹⁸ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 133.

¹⁹ «Уйгурско-русский словарь». М., 1968.

сбили с пути'²⁰, а также в составных глаголах — *al dilä tutmag* 'хитрить, обмануть'; *Mäni al dilä tutma, nä sözün var mǎrdana dejnān* 'Не обмани меня, чего хочешь, говори, как мужчина'; *ala čāx'māx'* 'уговорить, узнать тайну'; *Mämmäd mäni ala čäkiŋ sirrimi öjrändi* 'Мамед, уговорив меня, узнал (мою) тайну'. Данное слово можно также встретить в произведениях некоторых современных азербайджанских писателей и поэтов: *Laşun mǎhkāmāsi mäni ala gojdu* 'Лачинский суд обманул (перехитрил) меня' (Əли Вәлијев «Будағын хатирәләри»)'²¹. В том же значении эта форма употребляется в азербайджанских диалектах и говорах, и в произведениях классиков азербайджанской литературы. Например, у Насими зафиксировано существительное *al*:

Näsiminün alilä aldy könlin
*Gylypdyr gāsdi šimdi zanā xalun*²²
 'Хитростью (она) ограбила сердце Насими.
 Теперь родинка твоя зарится на мою душу'²³.

В произведениях азербайджанской художественной литературы иногда встречается форма *al etmāk* 'хитрить, обманывать', соответствующая талышскому *ald qarde*, где *al* — первый компонент аналитического глагола:

Al ilä ala g'özläri aldady aldy könlini
Alini g'ör, nä al edär, kimsä irišmāz alinā
 'Ее карие глаза, обманув, хитростью ограбили сердце мое.
 Посмотри на ее хитрость, (она) хитрит, никто не может постичь
 ее хитрости'.

Аналитическую форму *al elämāk* можно встретить и у ашуга Гусейна Шамкирли:

Harda bir g'özäl g'örür,
*Dostlug gaty, al ejläjir*²⁴
 'Где увидит красавицу,
 Заводит дружбу, пускается на хитрость (уловку)'.

Г. Багиров считает, что *ald elämāk* является вариантом глагола *aldatmag*²⁵. По нашему же мнению, правильнее, наоборот, глагол *aldatmag* считать вариантом глагола *ald etmāk/elämāk*.

Любопытно, что в астаринском и ленкоранском говорах²⁶ азербайджанского языка в настоящее время широко распространен составной глагол *ald elämäg'*, первый компонент которого можно возвести к древнетюркскому глаголу *alda-* 'обманывать, вводить в заблуждение' (ДТС, 34): *Allıy čevişlig kişilär aldaju turur üskündä* 'Лживые люди обманывают (тебя) при тебе же'; *Ol jayıni aldadı* 'Он обманул врага'; *Aldar jana qaçtımiz* 'Мы сделали вид, что побежали обратно'.

²⁰ Все примеры взяты из картотеки подготавливаемого к печати трехтомного «Диалектологического словаря азербайджанского языка». Архив отдела диалектологии Института языкознания им. Насими АН Азерб. ССР (далее — КДС).

²¹ Пример заимствован из статьи: В. А. Мурсагулијев. Эдәби дил вэ диалект архавизмләринә даир. — «Ученые записки Азгосуниверситета. Серия языка и литературы». Баку, 1975, стр. 67.

²² Стихи Насими здесь и ниже цитируются по книге: Ч. Гәһрәманов. Нәсими диванынын лексикасы. Баку, 1970, стр. 46.

²³ Подстрочные переводы стихотворных текстов из Насими здесь и далее выполнены В. И. Аслановым.

²⁴ См.: «Ашыглар». Баку, 1957, стр. 80.

²⁵ См.: Г. Багиров. Азәрбајҹан дилиндә бәзи фәлләрин лүғәти мәна группларына даир. — «М. Ф. Ахундовна АПДИ-нин елми әсәрләри», XII чилд. Баку, 1966, стр. 9.

²⁶ См.: А. Б. Меджидова. Ленкоранский говор азербайджанского языка. — Автореф. канд. дисс. Баку, 1970, стр. 20.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в древнетюркском языке параллельно функционировали глаголы *al* и *alda* в одном и том же значении, а также форма *ald* как первый компонент составного глагола *ald elämäg'* (*işayy ald eli:b arayublar*), ныне употребляемая в астаринском и ленкоранском говорах азербайджанского языка и восходящая к древнетюркскому корню *alda*. Эта форма встречается и у Насими:

Al ilā ala g'özlāri aldady aldy könlümi

‘Ее карие глаза, обманув, хитростью ограбили сердце мое’.

Интересно по этому поводу мнение М. Ш. Рагимова, считающего *ald* производным словом, в котором элемент *d* несет словообразующую функцию. Если считать, что аналитическое сочетание причастия прошедшего времени азербайджанского глагола с талышским вспомогательным глаголом *qarde* ‘делать’ является одним из продуктивных способов образования сложносоставных глаголов в талышском языке (ср. *inandyrmuş qarde* ‘убеждать’, *aldatmış qarde* ‘обманывать’), то можно допустить, что *ald* исторически — отглагольное имя на *yd*. Однако наличие в азербайджанском языке глаголов *aldat-* ‘обманывать, обмануть, хитрить’, *aldan-* и *aldadyl-* ‘быть обманутым’ делает подобное допущение сомнительным. Элемент *d* в составе *ald* может быть и залоговым показателем. Но независимо от того, является ли *d* в составе *ald* аффиксом, образующим отглагольное имя, или залогообразующим элементом — указанные формы позволяют предположить, что исторически в их основе лежит древний глагол *al-* в значении «обмануть, обманывать». Возможно, что в глубокой древности в тюркском языке-основе имелось не только существительное *al* ‘обман, ухищрение’, но был также и глагол *al-* ‘обмануть, обманывать’²⁷.

Изложенное позволяет заключить, что употребление *ald elämäg'* в астаринском и ленкоранском говорах азербайджанского языка не исключает возможности функционирования указанной формы в какой-то исторический период и в других азербайджанских диалектах и говорах. Сохранение же этой древней формы только в отмеченных говорах объясняется, по-видимому, иноязычной талышской средой и изолированностью этих говоров от азербайджанского литературного языка.

QYRC ‘крепкий’. В талышско-русском словаре приводятся и другие значения: «пересушенный, пережаренный (о еде)»²⁸. *Az qurç suxani bā çäji dim bāvotem* ‘Я твердо (прямо) слово ему в глаза скажу’; *Qurçā syräjši žā* ‘Он сильно (крепко) посмеялся’; *Qurçā nūni čumy dandyn gätdāni* ‘Жесткого хлеба мои зубы не берут’. Кроме того, в талышском языке употребляется производное от *qurç* слово *qurçāpā* ‘корка, корочка, корка хлеба’; *Qurçāpāqū xoşum omädā* ‘Мне нравится корка’.

В ленкоранском говоре азербайджанского языка слово *qurç* ‘хрупкий’ считается талышским заимствованием²⁹, что, с нашей точки зрения, неверно. Мы полагаем, что употребляемое в талышском языке *qurç* восходит к древнетюркскому *qurç*, зафиксированному в каирском и наманганском списках «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни (ДТС, 467) и в «Диване» Махмуда Кашгари в значении «сильный, крепкий»³⁰: *Bu işkā edī qurç qatīy eg kerāk* ‘Для такого дела нужен очень крепкий, му-

²⁷ М. Ш. Рагимов. Указ. раб., стр. 55.

²⁸ См. Л. А. Пирейко. Талышско-русский словарь, стр. 174.

²⁹ См.: А. Б. Меджидова. Указ. автореф., стр. 27.

³⁰ «Divanü lügat-it-Türk dizini», «Endeks», Jazan: Besim Atalay, Ankara, 1943, стр. 187, 380.

жественный мужчина'; Biri alp aṭim qurč jüräklig erān 'Один из них доблестный, храбрый (букв. с крепким сердцем) муж'; Qurč peñ kevšādi 'Нечто крепкое ослабело' (МК III, 287).

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что qurč — тюркское слово, сохранившееся в ленкоранском говоре азербайджанского языка. Считать его талышским заимствованием неправомерно. Напротив, оно заимствовано талышским языком из ленкоранского говора азербайджанского языка. Возможно, сохранению его в ленкоранском говоре способствовало обратное влияние талышского языка, в котором оно закрепилось в давние времена.

СĀХО 'нож'. Широко распространено в талышском языке, встречается почти во всех его говорах: Sāxo bydā um havzā obyrum 'Дай нож, (чтобы) разрезать эту дыню'; Jolā šāxo bā žif mānā 'Большой нож в карман не клади — опасно'.

Наряду с šāxo в том же значении равноправно функционирует и слово qort (реже — qylāqort). Sāxo заимствовано из азербайджанского языка, qort — исконно иранское слово.

То, что šāxo в талышском языке азербайджанского происхождения, нами уже ранее отмечалось³¹. Примечательно, что и Т. М. Ахмедов в статье, посвященной древнетюркским словам в татском языке, писал о татском слове šāu как азербайджанском заимствовании³². В литературном азербайджанском языке это слово не употребляется, но в некоторых диалектах и говорах оно зафиксировано. Так, например, в ордубадском диалекте и в мегринском говоре азербайджанского языка можно встретить его в форме šaggy: Šaggy polatdan olar 'Нож бывает из стали' (ордубадский диалект); Eḡavāpnā mā bir šaggy alarsan 'Купишь мне нож из Еревана' (мегринский говор)³³.

В дербентском диалекте азербайджанского языка (Дагестанская АССР) данное слово бытует в форме šaggy в несколько суженном значении «карманный нож»: Šaggy balaža ulutdu 'Нож бывает маленьким'; Bir šaggyt var, heš käsmijādi 'У меня есть один нож, никак не режет' и др.

Г. Зариназаде, исследовавший азербайджанские заимствования в персидском языке, отмечает, что слово چاقو (čāyu) существует в персидском языке со времени правления династии Сефевидов и образовалось от глагола čartaq 'резать'³⁴. При этом он указывает, что данное слово встречается еще в словаре «Бурхāне-гāте» и на этом основании приходит к заключению о его давнем употреблении в персидском языке. Зафиксировано это слово также в диалектах и говорах персидского языка. В персидском языке существуют и производные от него слова: چاقوساز (čāyusaz) 'человек, который изготавливает нож', چاقوسازی (čāyusazi) 'занятие, отрасль, связанная с изготовлением ножа', چاقو کش (čāyukeš) 'хулиган' и др.

YATYU 'мясная приправа к плову': Polo be yatyu nijahan 'Плов без приправы (мясной) не (едят) стоит есть'; Yatyū dā gūždi, pijozi ijan gūāni hoza qardān '(Мясную) приправу готовят из мяса, лука и масла'.

В «Диване» Махмуда Кашгари данное слово представлено в значениях: «добавка, добавление» и «острая приправа к блюду тутмач» в

³¹ См.: Н. Х. Маммадов. Талыш дилинин Шүви шивәси. Канд. дисс. Баку, 1971, стр. 153.

³² См.: Т. М. Ахмедов. Некоторые древнетюркские слова в татском языке. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 74.

³³ См.: КДС.

³⁴ Г. Зариназаде. Фарс дилиндә Азәрбајҹан сөzlәри. Баку, 1962, стр. 269.

форме *qatīq* (ДТС, 435). В этом и в других значениях в форме قاتق/قاتق (qātoq/qāteq) данное слово встречается в персидском языке до и после правления династии Сефевидов³⁵.

В ордубадском диалекте азербайджанского языка слово *qatū* зафиксировано в форме *gātux*, что означает «высушенное мясо для долгосрочного хранения»: *Ayuz, xōrājin gātūun sal*³⁶ 'Девушка, положи мясо в обед'. В астаринском и ленкоранском говорах азербайджанского языка *gātū* также употребляется в значении «мясная приправа к плову»³⁷: *Gātūun soyanī bāsdī* 'Лука для приправы хватит', что семантически полностью соответствует талышскому *qatū*.

В литературном азербайджанском языке это слово функционирует только в значении «простокваша, кефир».

СĀYU 'серовато-голубой, зеленоватый'. В талышском языке широко употребляется в качестве прилагательного, а в сочетании со вспомогательным глаголом *be-* 'быть' образует составной глагол: *Sūtu cāyā* (<*čāyā*) *čāšā kīnanqūm ve xoš omādā* 'Мне голубоглазые девушки очень нравятся'; *Cāyā hyndyl māčyn, tyrš bedā* 'Не собирай зеленую (не поспевшую) ежевику, (она) бывает кислой' и т. д.

В литературе отмечалось, что слово *čāyū* в талышском языке является азербайджанским заимствованием³⁸. Это исконно тюркское слово, восходящее к древнетюркскому *čaqīq* 'пепельно-серый', зафиксированному в «Диване» Махмуда Кашгари³⁹.

Согласно предположению М. Ш. Рагимова, *čāyū* — производное слово, некогда состоявшее из двух частей — корня *čay* и словообразовательного аффикса *-yr*⁴⁰. С нашей точки зрения, это предположение требует уточнения.

В талышском языке древнетюркское *čaqīq*, утратив конечное *q*, приобрело форму *čāyū*. Это одна из характерных особенностей талышского языка, исключаясь лишь в тех случаях, когда изменяется семантика слова. Например, ср.: перс. *čāhar* — талыш. *čo* 'четыре'; перс. *xahār* — талыш. *hovā* 'сестра'; перс. *sār* — талыш. *sā* 'голова' и т. д. Однако персидское *maḡ* — талышское *moḡ* 'змея', ибо отпадение *q* в данном случае привело бы к семантическому изменению: *mo* 'мать'. Подобные примеры можно было бы продолжить. Таким образом, для талышского языка отпадение конечного *q* в древнетюркском *čaqīq* — закономерное явление. Значит, *čaqīq* в талышском языке должно было иметь форму *čaqī*.

В связи с возможностью перехода в интервокальном положении глухого заднеязычного *q* в *y* вполне оправданно предположить, что талышское *čāyū* является фонетически видоизмененной формой древнетюркского *čaqīq*. Следовательно, корневой частью тюркского *čaqīq* в талышском является *čāyū*, а не *čāy*, как полагает М. Ш. Рагимов⁴¹. Кроме того, не кажется убедительным и высказанное им предположение о том, что «Корневой частью тюркского *čaqīq* является *čay* и что в древнетюркском языке существовало самостоятельное корневое слово *čay* со значением „голубой, серовато-голубой“, „зеленый (неспелый)“»⁴². Вместе с тем в «Древнетюркском словаре» *čay*, *čaq* представлены совсем

³⁵ См.: *Н. Зеринзада*. Упом. раб., стр. 346.

³⁶ АДДЛ, стр. 122.

³⁷ См.: *А. Б. Меджидова*. Указ. автореф., стр. 21.

³⁸ См.: *М. Ш. Рагимов*. Указ. раб., стр. 55.

³⁹ «*Divanü lügat-it-Türk dizini*», стр. 131.

⁴⁰ *М. Ш. Рагимов*. Указ. раб., стр. 55.

⁴¹ Там же, стр. 56.

⁴² Там же.

другими значениями: 1) высекать (искру, огонь); 2) *перен.* доносить, делать донос, наговаривать, подстрекать, сеять вражду; 3) резко снижаться, кидаться (ДТС, 140).

С нашей точки зрения, древнетюркское *šayig* не является производным словом, и талышское *šay* представляет собой закономерное развитие указанной древнетюркской праформы, сохраняющее и ее значение.

В некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка данное слово встречается в формах *šayal/šayala* в значении «неспелый, зеленый фрукт»: О *šayalanu niǰä jersän* 'Почему ты кушаешь этот неспелый фрукт?'; *Arix' nä gädär ki jetišmäjib, upa šayala dejäğux* 'Поскольку абрикос неспелый, (мы) называем его *šayala*'⁴³. Думается также, что употребляемое в таузском и мегринском говорах азербайджанского языка слово *šaxmug/šaxmug* 'голубоглазый' (*Šaxmug g'özi: mǰnä nä zillämi-sän?* 'Почему уставился на меня своими голубыми глазами?')⁴⁴ является фонетическим видоизменением древнетюркского *šayig*.

Šer 'косой, косоглазый'. Употребляется в талышском языке также в определительных словосочетаниях типа *šerä šäs 'косоглазый', šerä odām 'косоглазый (человек)',* а со вспомогательным глаголом *be* 'быть' образует составной глагол: *šer be* 'окосеть'. Например: *Šerä šäs zyndānim myqüş čič piädä* 'Косоглазый, не знаю, что хочет от меня'; *Zägo dijä mǰqä, šer bābeš* 'Не смотри так, окосеешь'; *Axtäš bā qām dijä qardä šäšonuş šer bā* 'Так сильно скосил глаза в сторону, что глаза его окосели' и т. д.

Безусловно, данное слово можно возвести к древнетюркскому *šer*, зафиксированному в «Диване» Махмуда Кашгари в значениях «противоположная сторона, напротив»⁴⁵. Кроме того, в «Диване» Махмуда Кашгари приводятся и производные от слова *šer*, связанные той же семантикой, — *šerig* 'противоположная сторона чего-либо', *šerlig* 'страдающий светобоязнью'; *šerli* 'противоположная сторона, напротив'; *apīñ evi bu šerlikdä* 'его дом здесь напротив', *közi šerlig* 'у него глаза страдают светобоязнью' (ДТС, 145).

Следует заметить, что в литературный азербайджанский язык данное слово не входит, однако в ряде диалектов и говоров азербайджанского языка оно встречается, совпадая по форме и семантике с древнетюркским *šer*. Например: *G'özü šer olanda äjri g'ögür* 'Когда глаза косые, видят не точно (ровно)'⁴⁶.

В джебраильском говоре азербайджанского языка имеется производный глагол *šärälmäk* 'окосеть' с корнем *šer*. Замена звука *e > ä* — обычное явление в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка: *Gorxudan g'özläri šäräldi ušayun* 'От страха глаза (у) ребенка окосели'⁴⁷.

Зафиксированное в геокчайском переходном говоре слово *šeri* 'ко-сой' (применительно к человеку) является, на наш взгляд, фонетическим вариантом слова *šerig*, встречающегося в «Диване» Махмуда Кашгари, с отпавшим конечным *g*.

OROY-TOROY//OROX-TOROX 'род, потомство'. В талышском языке это парное слово и ныне употребляется широко: *Šäji oğoy-toroği zyndām, šoqä dädä-boboš bā* 'Его род (я) знаю, у него хорошие предки (родня)

⁴³ АДДЛ, стр. 432.

⁴⁴ Там же, стр. 436.

⁴⁵ «Divanü lügat-it-Türk dizini», стр. 141.

⁴⁶ См.: КДС.

⁴⁷ Этот факт сообщил нам сотрудник Института языкознания им. Насими АН Азерб. ССР С. М. Бехбудов.

были'; Syftä bā cāji ogoγ-toroγi diā byqā pešo kinā bystān 'Сперва посмотри на ее род (предков), потом возьми дочку (в жены)'.⁴⁸

Первый компонент парного слова ogoγ-toroγ//ogox-togox восходит к древнетюркскому игуγ (ДТС, 615), имевшему следующие значения: 1) зерно, косточка; 2) род, потомство.

Данное слово встречается в большинстве тюркских языков и их диалектов, в том числе в ряде диалектов и говоров азербайджанского языка: Heš bütöj iguγ-turuγunuzda belā ayylly uşay olmuγuf 'Даже во всех ваших родах такого умного ребенка не было' (Шуша)⁴⁸.

Iguγ-turuγ употребляется также в астаринском и ленкоранском говорах: Uruγ-turuγin bilmijsān, ni jā danišejsān? '(Ты) не знаешь его рода, почему говоришь?'

В некоторых азербайджанских диалектах и говорах слово игуγ функционирует самостоятельно в том же указанном значении⁴⁹. В талышском же языке его самостоятельное употребление не встречается.

Г. Зариназаде отмечает, что в персидском языке слово игуγ существует со времени правления династии Сефевидов и употребляется в значении «часть племенных союзов, часть улуса»⁵⁰.

CAQURQA 'саранча'; Yādimā vaxtādā cāqūrqa bā gandymā hion dušo ābin, xārobā āqān ānān ājo 'В старое время саранча нападала на пшеничное поле, превращала урожай в ничто'. В талышском языке это слово не имеет иранского синонима. Мысль о том, что cāqūrqa является исконно тюркским словом, заимствованным из азербайджанского, нами уже высказывалась⁵¹. Это мнение подтвердил и М. Ш. Рагимов⁵². С нашей точки зрения, данное слово является одним из древнейших заимствований из азербайджанского языка, сохранившим свою первоначальную фонетическую форму и семантику. В форме čekürgā в том же значении оно встречается в памятниках древнетюркской письменности: Sekürgā teg sü 'Войско (многочисленное), как саранча' (ДТС, 143). В диалектах и говорах азербайджанского языка данная форма отсутствует.

BELYOR(T) 'выпученные (о глазах)'. Производное от него belyortā cāš 'человек с выпученными глазами'. Belyortā cāšyši heste 'У него выпученные глаза (есть)'. Очевидно, слово belyor(t) восходит к древнетюркскому глаголу belgür 'показаться, обнаружиться, проявляться', зафиксированному в «Диване» Махмуда Кашгари⁵³ и в других тюркских памятниках⁵⁴. Это слово в основном сохранило свой фонетический облик и семантику в талышском языке. В диалектах и говорах азербайджанского языка оно пока не зафиксировано. Наличие его в памятниках древнетюркской письменности позволяет предположить, что оно заимствовано через посредство азербайджанского языка. По-видимому, в какой-то стадии развития азербайджанского языка это слово в нем существовало, а затем вышло из употребления.

YÄZOÇ 'лопаточка (для извлечения хлеба из тендира)'. В некоторых говорах талышского языка это слово, наряду со значением «лопаточка», имеет еще значение «щипцы». В талышском языке существуют и другие фонетические варианты, например: yāzōç, yāsoç: Yāzoçi bydā nūni tānūādā evatym 'Дай лопаточку, чтобы вынуть хлеб из тендира'; Yāzoçym gin qardā, nūni zyndānim beqa 'Щипцы потерял, хлеб из тенди-

⁴⁸ АДДЛ, стр. 397.

⁴⁹ См.: КДС.

⁵⁰ Г. Зариназаде. Указ. раб., стр. 164.

⁵¹ См.: Н. Х. Мамедов. Шувинский говор талышского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1971, стр. 33.

⁵² См.: М. Ш. Рагимов. Указ. раб., стр. 56.

⁵³ «Divanü lügat-it-Türk dizini», стр. 82.

⁵⁴ См.: ДТС, стр. 93.

ра не могу вынуть' и т. д. Думается, *yāzoṣ* в значении «лопаточка (для извлечения хлеба из тендира)» и *yāzoṣ* 'щипцы' нельзя возводить к единому корню, так как в значении «лопаточка» оно восходит к общетюркскому корню *qaz-* 'рыть, копать, выкапывать' (ДТС, 439). В джалилабадском говоре азербайджанского языка это слово зафиксировано в форме *gazōṣ*//*gazōiṣ*⁵⁵ 'вид лопаты'. В азербайджанском языке аффиксы *-(a)ṣ*, *gaṣ* являются словообразовательными: *-(a)ṣ* образует отглагольные имена (от переходных глаголов), обозначающие орудие, режущий субъект и место. Те же значения выражают имена на *-gaṣ* с преобладанием орудийного значения, образующегося, как и в других формах, от переходных глаголов⁵⁶ (например, *tutaṣ*//*tutyaṣ*, *dolaṣ*). Что касается *yāzoṣ* со значением «щипцы», то оно восходит к древнетюркскому корню *qis-* 1) 'сжимать, сдавливать, стискивать', 2) 'давить, надавливать, сдерживать' (ДТС, 447), где *-oṣ* — фонетический вариант того же аффикса *-(a)ṣ* азербайджанского языка, несущего ту же функцию. В том и в другом случае талышский язык сохранил самые древние форму и значения.

SOYON 'напильник, точило'. Широко употребляется в талышском языке: *Soyon bydā, tāvā tiṣ byqām* 'Дай напильник, поточить топор'; *Soyon qyle, dāji hiči bedāni tiṣ qa* 'Напильник тупой, им ничего невозможно обточить' и др. В сальянском диалекте азербайджанского языка это слово употребляется в форме *suvaṣ* (*suvaṣ dāmirdān olr*)⁵⁷, а в имишлинском говоре азербайджанского языка — в форме *suvaṣ*⁵⁸.

Нетрудно выделить из данного слова корень *suṣ* в значении «снимать, чистить, обдирать» и словообразовательный аффикс *-an*, продуктивный при образовании отглагольных прилагательных в азербайджанском языке. Что касается аффикса *-on* в составе *soyop*, то это закономерная для талышского языка фонетическая замена звука *a* на *o* в большинстве слов, заимствованных из азербайджанского языка. Полагая, что *sov*, *soṣ*, *soj* — фонетические разновидности одного и того же корня, объясняющиеся данными памятников тюркских языков, предполагая также, что наиболее древней из них является форма *soṣ*, можно сделать вывод, что слово *soyop* в талышском языке представляет собой древнее заимствование из азербайджанского языка.

QYRT 'короткий'. Производное от него *qyrtmā* 'короткий': *qyrtā qāṣ* 'короткий рукав', *qyrtmā luyṣ* 'короткие ноги'. Это слово восходит к древнетюркскому *qyrt*, зафиксированному в «Диване» Махмуда Кашгари в значении «короткий»: *qirt saṣ* 'короткие волосы', *qirt ot* 'короткая (низкая) трава'⁵⁹. Данную лексему, семантически являющуюся реликтом древнетюркского *qirt*, нетрудно обнаружить в составе некоторых слов диалектов и говоров азербайджанского языка, с незначительными фонетическими изменениями. Ср., например: *gyrtmā* 'сморщенный'⁶⁰, *kirtik* 'остаток употребляемого мыла (обмылок)'⁶¹, *gyrtmāx* 'укоротить, подрезывать'⁶², *gyrtū* 'немного, маленькая часть'⁶³, *gyrdymā* 'узкий и

⁵⁵ См.: Э. Г. Агаев. Указ. раб., стр. 48.

⁵⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 276.

⁵⁷ См.: КДС.

⁵⁸ Этот факт сообщил нам сотрудник Института языкознания АН Азерб. ССР А. Г. Агаев.

⁵⁹ «*Divanü lügat-it-Türk dizini*», стр. 320.

⁶⁰ АДДЛ, стр. 142.

⁶¹ Там же, стр. 263.

⁶² Из устного сообщения Ш. Халилова, уроженца Геокчайского р-на Азерб. ССР.

⁶³ АДДЛ, стр. 141.

короткий'⁶⁴, *gyrtda* 'разделить дрова на две равные части'⁶⁵. Кроме того, в астаринском и ленкоранском говорах азербайджанского языка также употребляется глагол *qyrt elämäg* 'делать коротким' [*Söhbäti bir az qyrt elä, höfsäläm joxdu* 'Делай разговор коротким, (у меня) нет терпения']. Корни слов, представленные в этих примерах, — *kirt*, *gyrd*, *qyrt*, *gyrt* (в двух значениях) — семантически и структурно являются реликтами древнетюркского *qirt*.

TOYA 'молодое дерево, саженец'. Почти во всех говорах талышского языка это слово употребляется в указанном значении: *Penž-šāš gylājim toya pušandä, omä sog yäläm qardānīm* 'пять-шесть штук саженцев посадили, на следующий год (мне следует) (им) сделать прививку', *Qāji gyrdö xäjläqum toya pušandä* 'Вокруг дома много саженцев посадил' и т. д. Слово *toya* восходит к древнетюркскому *toy* 'рождаться, возникать, появляться' (ДТС, 570). Его можно встретить с незначительно измененной семантикой в древнетюркских памятниках и в некоторых современных тюркских языках и диалектах, например: в «Диване» Махмуда Кашгари — *toyaq* 'тополь'⁶⁶, в туркменском языке — *toqaj* 'лес' и производный от него *toqajluq* 'лесистый'⁶⁷, в муганской группе диалектов и говоров азербайджанского языка — *tuvoj* 'маленький лес'⁶⁸, в дашкесанском говоре азербайджанского языка — *tuvoj* 'прямое и высокое дерево' и в сальянском диалекте азербайджанского языка — *toyaj/tuvoj* 'густой лес с молодыми деревьями на берегу реки'⁶⁹ и т. д. В карабахском диалекте азербайджанского языка встречается отыменный производный глагол *tuyalatax* 'расти, выпускать ветви'⁷⁰.

Количество древних лексических заимствований в талышском языке не ограничивается рассмотренными выше примерами. Таких заимствований в талышском языке много. Выявление и исследование их пролило бы свет на некоторые важные вопросы исторической лексикологии азербайджанского языка и этногенеза на территории Азербайджана. Наличие в талышском языке многочисленных древних тюркских лексических элементов, следы которых обнаруживаются в древнетюркских памятниках VII—VIII веков, дает основание предполагать, что азербайджанско-талышские взаимоотношения своими корнями уходят в древнейший период. А это указывает на то, что проникновение азербайджанских элементов в талышский язык связано с длительными контактами, существовавшими между азербайджанцами и талышами, сложившимися еще до VII—VIII веков, тем более, что большинство таких элементов не носит терминологического характера.

⁶⁴ В. Г. Мурсакулиев. Диалектизмы в азербайджанских советских романах. — Автореф. канд. дисс. Баку, 1969, стр. 17.

⁶⁵ Р. Рустамов. Указ. раб., стр. 72.

⁶⁶ «Divanü lügat-it-Türk dizini», стр. 632.

⁶⁷ См.: «Краткий русско-туркменский словарь». Ашхабад, 1968, стр. 211.

⁶⁸ См.: М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектолоҹијасынын әсаслары, стр. 333—334.

⁶⁹ АДДЛ, стр. 384.

⁷⁰ См.: КДС.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

В. И. КОТЛЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВОНКОСТИ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В чувашском языке звонкие согласные, по сравнению с аналогичными звуками других языков, в частности русского, имеют позиционные ограничения в употреблении. Они могут находиться в положении между гласными (taga 'баран', ċăbar 'пестрый', tada 'еще' и т. д.), а также между сонорным и гласным (kămba 'гриб', kalda 'ящерица', xălpa 'ухо' и т. д.). Однако они не употребляются в начале слова и в середине слова в положении после гласного перед согласным.

В связи с тем, что чувашские звонкие сонорные по степени сонорности уступают русским звонким, их часто обозначают термином «полувонкие согласные».

По мнению некоторых ученых, сонорность чувашских интервокальных звонких согласных под влиянием русского языка со временем постепенно стала возрастать. В. Г. Егоров писал, что в 50—70-х годах XIX века сонорность чувашских звонких составляла лишь 25—30% от сонорности русских звонких согласных, а в наше время она достигает уже 70—80%¹. Хотя это положение и не было подтверждено какими-либо сравнительными экспериментальными данными (как известно, В. Г. Егоров не был фонетистом-инструменталистом), нельзя не согласиться с тем, что влияние русского языка на чувашский ощущается не только в лексике, но и в фонетике, то есть сказывается на степени проявления тех или иных признаков существующих фонетических элементов языка. При этом следует учитывать, что в прошлом веке влияние русского языка на чувашский сводилось к заимствованию в основном только бытовой лексики. В настоящее же время русский язык является для чувашского основным источником пополнения общественно-политической, научно-технической и культурной лексики.

В 1929 году в Баку была опубликована статья Р. О. Шор «К вопросу о чувашском консонантизме», в которой обобщались некоторые кимографические записи, сделанные автором на небольшом по объему материале. В выводах статьи говорилось: «Таким образом, ... одинаково неточными являются и отождествление звонких и глухих смычных чувашского языка с соответствующими звуками русского языка (как по энергии артикуляции, так и по характеру отступа они отличны друг от друга), и определение их как полувонких (полувонкость является,

¹ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954, стр. 197.

как мы видели, лишь возможным вариантом нормального произношения), и отождествление их с безголосыми *mediae (lenes)*»². Более точной характеристики, к сожалению, нет ни в данной статье, ни в каких-либо других работах этого автора.

В 50—60-е годы признак звонкости чувашских согласных методом кимографических записей изучал и У. Ш. Байчура. По его данным, сонорная длительность звонких согласных не охватывает всей длительности самих звуков, а достигает лишь (в среднем) 80%³. Это наблюдение в корне противоречит одному из выводов Р. О. Шор о том, что «„звонкие“ взрывные чувашского языка никоим образом не являются „безголосыми *mediae (lenes)*“, т. к. записи с помощью гортанной капсюли свидетельствуют о наличии вибраций голосовых связок не только в момент, но и на протяжении смычки. В большинстве случаев записи свидетельствуют о наличии голоса во всех трех фазах артикуляции согласного, т. е. в момент смычки, на протяжении смычки и на протяжении взрыва»⁴. Причиной подобного расхождения во мнениях является то, что, во-первых, оба автора располагали весьма ограниченным экспериментальным материалом и, во-вторых, свои исследования они проводили на разном материале: так, в работе Р. О. Шор анализируются только смычные согласные.

Как видно из вышесказанного, до самого последнего времени чувашское языкознание не имело достаточно надежных данных о фонетической природе чувашских интервокальных звонких согласных. Получение таких данных стало возможным благодаря применению современных приборов. В настоящей статье проанализированы и обобщены сведения, полученные автором с помощью осциллографа и динамического спектрографа типа «Видимая речь».

Осциллограммы показывают, что у чувашских звонких согласных кривые основного тона не всегда охватывают всю длительность звука (см. рис. 1). Иногда согласные имеют звонкое начало и глухой ко-

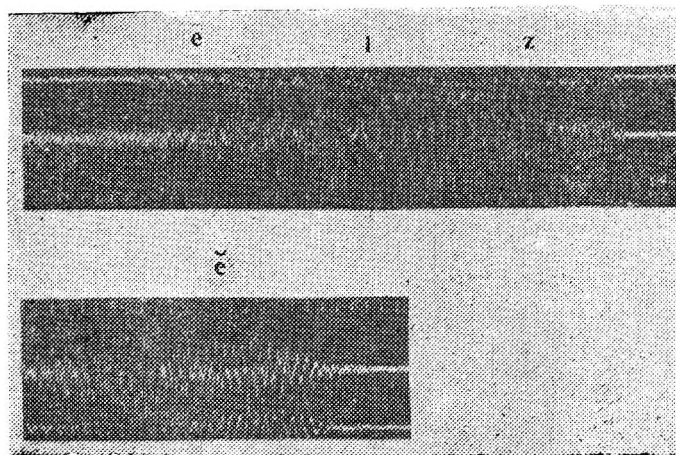

Рис. 1. Осциллограмма слова *éze*.

² Р. О. Шор. К вопросу о чувашском консонантизме. — «Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета имени В. И. Ленина», т. IV. Баку, 1929, стр. 44.

³ У. Ш. Байчура. Некоторые кимографические данные о длительности гласных и о звонкости и длительности согласных чувашского языка. — «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. 18 А. Чебоксары, 1958.

⁴ Р. О. Шор. Указ. раб., стр. 43.

нец; смычные согласные могут иметь звонкую смычку и глухой взрыв. Правда, по нашим осциллографическим и спектрографическим данным, чистый глухой взрыв, так же как и звонкий, встречается довольно редко; более часты случаи, когда согласный имеет либо звонкое начало, ослабленную середину и импловзивный звонкий конец, либо же звонкое начало, глухую середину и импловзивный, несколько озвонченный конец. Однако особенность фонетической природы звонких согласных заключается не только в этом.

Как осциллограммы, так и спектрограммы показывают, что чувашские интервокальные звонкие уступают русским звонким согласным прежде всего по интенсивности (осциллографические кривые основного тона у чувашских звонких имеют меньшее отклонение от исходной линии, чем у русских. См. рис. 2). Следовательно, при квалификации чу-

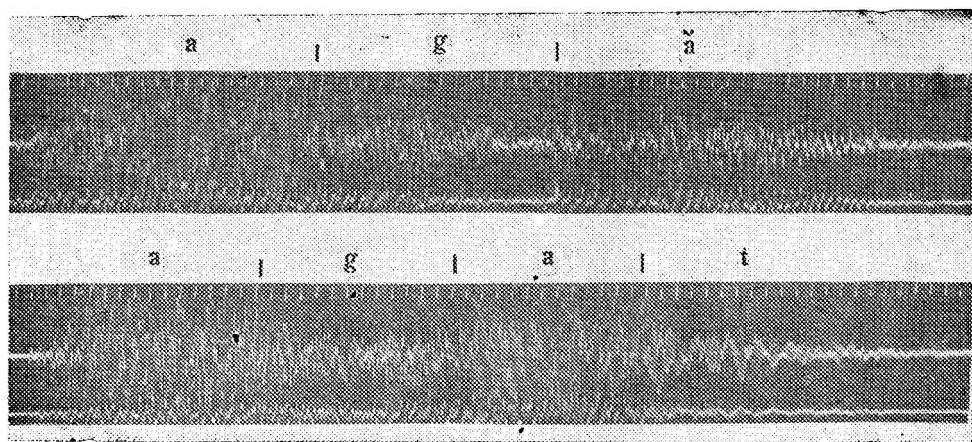

Рис. 2. Осциллограммы чувашского слова *ágǎ* и русского *agái*.

вашских интервокальных согласных как полувзвонких звуков должна быть учтена и эта особенность их природы. Игнорирование ее в фонетических описаниях может привести к ошибочному выводу о том, что восприятие чувашских звонких согласных носителями других языков, в частности русского, как не вполне звонких, якобы основывается только на их «ущербности» в плане сонорной длительности. В действительности же во многих позициях чувашские звонкие воспринимаются как недостаточно звонкие, несмотря на свою стопроцентную сонорную длительность. Таким образом, сущность данного фонетического явления заключается не только в его длительности, но и в силе проявления.

В зависимости от характера проявления сонорности интервокальные звонкие чувашского языка делятся на две группы. В первую входят смычные согласные *b* (*b'*), *g* (*g'*), *d* (*d'*), во вторую — щелевые *ž* (*ž'*), *z* (*z'*), *γ* (*γ'*), *ʒ*⁵. В фонетической природе согласных первой группы сонорность проявляется более полно (как по длительности, так и по степени

⁵ В чувашском литературном языке согласные *v* (*v'*) как по особенностям дистрибуции, так и по степени проявления сонорности относятся к разряду сонорных согласных.

интенсивности. См. рис. 3). Объясняется это артикуляционно-физиологическими различиями в образовании согласных звуков, относящихся к названным разным группам.

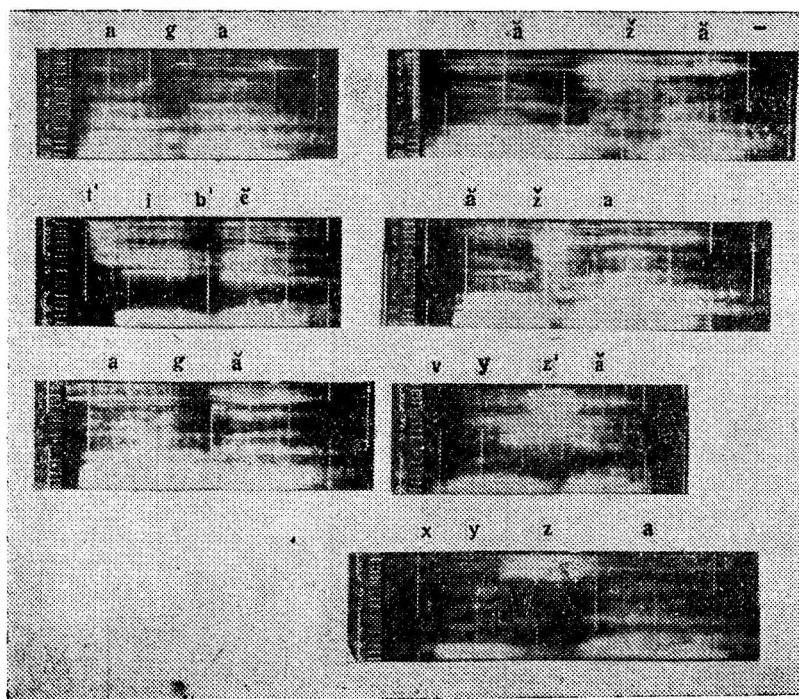

Рис. 3. Спектрограммы слов *aga*, *t'ib'ë*, *agä*, *äžä*, *äža*, *vyž'ä*, *xuza*.

С артикуляционно-физиологической точки зрения, согласные первой группы (смычные) отличаются тем, что на первой и второй фазах их произнесения, то есть на приступе и выдержке смычки, отсутствует движение воздушной струи. Следовательно, на этих этапах голосовые связки вибрируют без каких-либо помех, ибо им не надо менять своего положения для пропускания воздушной струи. Благодаря свободному вибрированию голосовых связок их вибрация вполне способна перейти в фазу взрыва и, слившись с несколько опережающей вибрацией голосовых связок, артикулирующих последующий гласный, подавить мгновенный выброс энергии на взрыве. Поэтому звонкие смычные чувашского языка, как уже отмечалось, чаще всего произносятся без взрыва.

Что касается щелевых согласных, то при их произнесении с самого начала (с первой же фазы) воздушная струя устремляется к выходу, поэтому голосовые связки не должны напрягаться слишком сильно, чтобы не препятствовать проходу сильной воздушной струи, производящей турбулентный шум. Это обстоятельство ослабляет силу вибрации голосовых связок. Например, при артикуляции аффрикаты *ž* первая половина ее звучания происходит в условиях смычки, поэтому на данном отрезке аффриката всегда звонкая. Вторая же половина звучания аффрикаты напоминает артикуляцию щелевых согласных, чем и объясняется ее нередкая глухость (см. рис. 4).

До сих пор не выяснено, почему чувашские звонкие согласные могут употребляться только в позиции между двумя гласными или между сонорным и гласным, но не встречаются в позиции между гласным и сонор-

ным (если, конечно, пренебречь отдельными фактами низовых говоров). Все исследователи фонетики чувашского языка исходят из того, что звонкость интервокальных согласных — явление не изначальное. И вряд ли можно найти какие-либо основания для опровержения этого вывода. А раз так, то следует попытаться объяснить исторические причины и фонетические условия зарождения и становления данного явления. Относительно исторических причин его возникновения в отечественной тюркологии существуют два мнения: Б. А. Серебренникова⁶ и А. М. Щербака⁷. Не останавливаясь на них, мы перейдем непосредственно к интересующим нас фонетическим условиям, которые могли содействовать явлению соноризации интервокальных глухих.

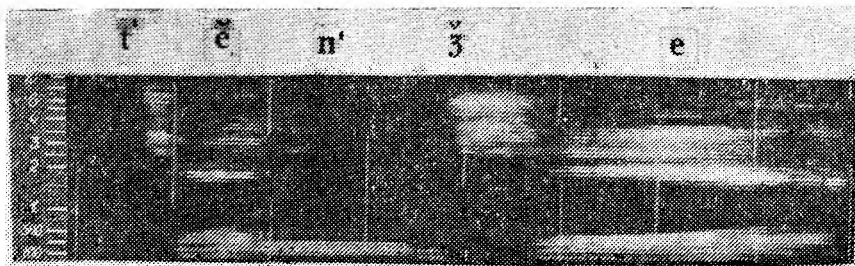

Рис. 4. Спектрограмма слова *t'en'ze*.

По мнению многих исследователей, звонкое произношение интервокальных шумных исторически объясняется влиянием соседних гласных или сонорных звуков (некоторые даже полагают, что этот фонетический процесс имеет место и в настоящее время⁸). Мы считаем, что такое объяснение неправомерно упрощает представление о звуковых изменениях, ибо оно совершенно не раскрывает характера провозглашаемого «влияния».

На наш взгляд, фонетическая соноризация интервокальных глухих явилась следствием инерции, характерной для работы голосовых связок⁹; даже в спектрах глухих геминированных согласных на стыке с предшествующим гласным или сонорным согласным можно наблюдать участок, содержащий низкочастотные составляющие, являющиеся непосредственным продолжением форманты основного тона предшествующего гласного или сонорного (такое явление наблюдается не только в чувашском языке). Именно потому, что своим происхождением чувашские звонкие шумные обязаны явлению инерции, то есть не изначальны, они уступают полновзвонким согласным других языков по сонорной длительности и интенсивности. На вопрос, почему первоначально чисто фонетическое и, очевидно, мало заметное явление закрепилось в языке как характерная закономерность его звукового строя, предстоит ответить историкам языка. Мы полагаем, что при исследовании соноризации интервокальных глухих в отдельных тюркских языках, в частности чувашском, необходимо выявлять не вообще причины соноризации, а

⁶ Б. А. Серебренников. О двух возможностях соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — Сб. «Проблемы сравнительной филологии». М.—Л., 1964.

⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

⁸ Т. М. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). — Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», вып. I. Чебоксары, 1960, стр. 35; Ф. Т. Тимофеев. Чăваш чĕлхĕн крăматтĕкĕ (фонеттĕк, морфологи, синтаксис). Шупашкар, 1928, стр. 21—23.

⁹ На инерцию указывал и Ф. Т. Тимофеев. См.: Ф. Т. Тимофеев. Указ. раб., стр. 23.

причины освобождения некоторой, фонетически всегда закономерной, инерционности голосового источника звука от ограничений в продолжительности и силе, приведшие к соноризации. С фонетической точки зрения, иного источника, кроме явления инерционного наложения, у соноризации быть не могло, ибо никакой другой артикуляционный фактор не имеет обязательной связи с работой голосового аппарата (вибрацией голосовых связок).

Фонетические условия в позиции между двумя гласными или после сонорного перед гласным (*uba* 'медведь', *tagan* 'подкова', *kalda* 'ящерица' и др.) были благоприятными для проявления инерционности голосовых связок и позволяли этому явлению проявиться свободно, ибо после согласного следует гласный, у которого, как известно, при артикуляции нет шумообразующих (иначе — ослабляющих голосовой источник звука) препятствий на пути фонационного потока.

Что касается положения между гласным и сонорным согласным (*šĕk*'l'e 'поднимать', *syxla* 'охранять', *tărga* 'земля, грунт' и др.), то оно, на первый взгляд, тоже могло стать позицией соноризации. Однако это положение все же соноризации не благоприятствовало. Во-первых, после шумного согласного следует также согласный (хотя и сонорный), акустической природе которого непременно свойствен шум, создаваемый воздушным потоком, то есть неголосовым источником звука: для того, чтобы пропустить через себя необходимое количество воздуха, голосовые связки заранее должны подготовиться к соответствующему укладу. Это и ослабляло силу инерции в колебании голосовых связок, передаваемой шумному согласному от предыдущего гласного. Во-вторых, силу инерции в колебании голосовых связок, очевидно, ограничивал порядок слогаделения. В словах с сочетаниями «гласный + шумный согласный + сонорный согласный» в современном чувашском языке слого-раздел проходит между двумя согласными, то есть шумный согласный оказывается в конце слога: *šĕk*'-l'e, *syx*-la, *tărg*-a. Нет оснований предполагать, что когда-то был иной порядок слогаделения. Следовательно, находясь в конце слога, шумный согласный не мог развить и закрепить в себе звонкость, передаваемую ему по инерции от предыдущего гласного¹⁰.

В низовых говорах чувашского языка встречаются такие формы, как *t'ĕd*'r'e 'туман', *čazga*x 'быстрее', *tăbra* 'земля, почва' (лит. *t'ĕt*'r'e, *časga*x, *tărga*). Они как будто свидетельствуют об исторически нереализованной возможности соноризации глухих шумных согласных в положении между гласным и сонорным. Однако здесь свою роль сыграли, с одной стороны, порядок слогаделения (в подобных словах слогораздел проходит перед первым согласным: *t'ĕ*-d'r'e, *ča*-zga,x, *tă*-bra), а с другой — качество сонорного вibrанта *r*, который, как показывают спектрограммы и осциллограммы, находясь в соседстве с любым гласным, имеет тенденцию к слиянию с этим гласным (например, в сочетаниях *ga*, *gi*, *ge* фонетические признаки гласного присутствуют уже при произнесении *r*), поэтому в процессе инерционной соноризации впереди стоящего глухого согласного сонорный вibrант выполняет ту же функцию, что и гласные в словах с сочетаниями «гласный + шумный согласный + гласный» или «сонорный согласный + шумный согласный + гласный», и тем самым не препятствует инерции.

Некоторые исследователи объясняют функцию вibrанта *r* в рассматриваемых диалектных формах как обычное ассимилятивное влия-

¹⁰ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971, стр. 178.

ние¹¹. На наш взгляд, для такого объяснения нет достаточных оснований, ибо ни в одном говоре не зафиксированы случаи озвончения глухих шумных согласных в начале слова перед *r* (скажем, в русских заимствованиях типа *трактор*, *пралук* 'провода' и т. д.).

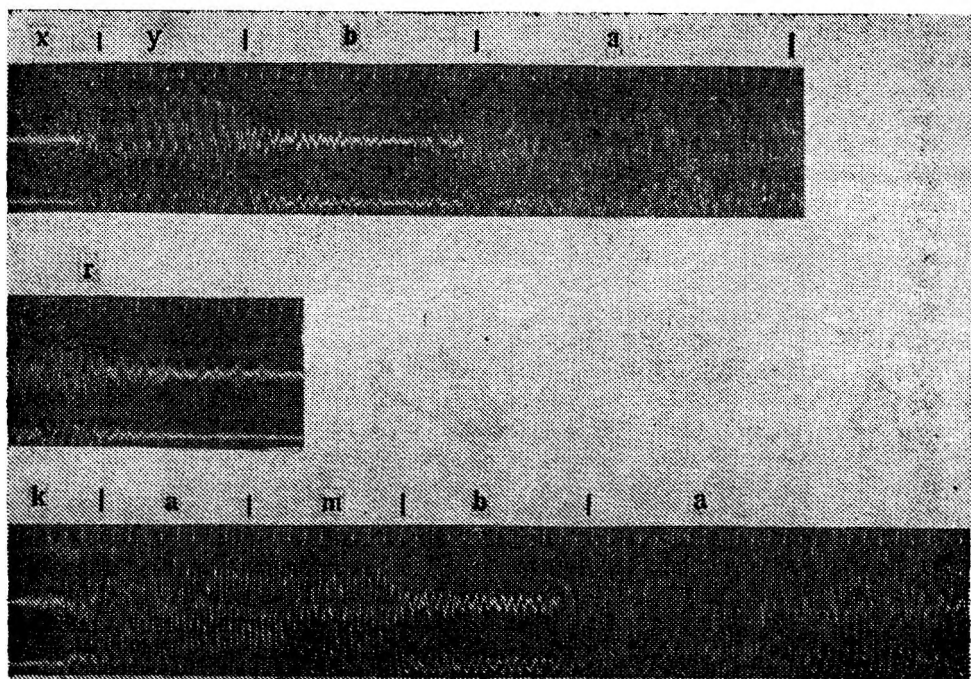
Сказанное подтверждается такими разговорными формами (являющимися следствием проклитического слияния и имеющими, очевидно, у чувашей повсеместное распространение), как *ap^hbrax* < *ap r(ä)ra* 'не бросай', *ap^hɣa* < *ap x(ä)ga* 'не бойся', *siv^hzra* < *siv^h s(ä)ga* 'холодное пиво', *p^her^hb^hg'en'e* < *p^her^h p'(ë)g'en'e* 'одно бревно' и др. В них, как видим, сохраняется озвонченное произношение шумных согласных после выпадения кратких *ä*, *ë*, когда соседним оказывается вибрант *r*. Однако употребляясь отдельно, без проклитики, даже в случае выпадения кратких *ä*, *ë*, слова *pra* (< *pära*), *xga* (< *xäga*), *sra* (< *sära*), *p^hg'en'e* (< *p^her^hg'en'e*) произносятся с начальными чистыми глухими согласными. Следовательно, в формах типа *ap^hbrax*, так же как и в диалектных формах типа *täbra*, имеет место не обычное прямое ассимилятивное влияние сонорного вибранта *r*, а содействие инерционному наложению колебаний голосовых связок первого сонорного согласного или гласного.

Проявление сонорности чувашских звонких согласных как по признаку интенсивности, так и по признаку длительности зависит не только от их качества, но и от длительности. Например, отдаленные от ударного слога звонкие согласные показывают большую степень сонорности, нежели аналогичные звонкие, находящиеся в соседстве с ударным гласным, ибо они в этом положении имеют меньшую длительность. Так же в многосложных словах их сонорность выражается ярче, поскольку в таких словах каждый отдельный звук менее длителен. С этим же обстоятельством связано и то, что звонкие согласные в позиции между сонорным и гласным (*kämba* 'гриб', *kalda* 'ящерица', *šunzär* 'бездушный') показывают большую степень сонорности, чем в позиции между гласными (*iba* 'медведь', *kada* 'кустарник', *taza* 'чистый'), ибо в первом случае, когда несколько согласных расположены рядом, каждый из них в отдельности имеет меньшую длительность, нежели одиночный согласный, находящийся между гласными (см. рис. 5).

Причина того, что степень сонорности чувашских звонких согласных обратно пропорциональна их длительности, заключается в самой природе сонорности шумных согласных в языке. Выше уже отмечалось, что сонорность может и не охватывать всей длительности самого звука, но тем не менее, как показали специальные опыты, в большинстве случаев и носители других языков, и сами чуваша воспринимают ее именно как сонорность (звонкость). Следовательно, необязательность охвата всей длительности звука является конститутивной особенностью сонорности для данного языка; важно, чтобы она достаточно четко контрастировала с глухостью. Поэтому вполне естественно, что в более кратких звуках она проявляется полнее (по отношению к длительности самих звуков); кроме того, и большая степень ее интенсивности здесь объясняется концентрацией силы на малой длительности, в то время как в звуках большей длительности сила сонорности как бы растекается по более протяженному участку.

Таким образом, объективная природа сонорности чувашских согласных такова, что она может проявляться в разной степени в зависимости от фонетических условий и даже характера произношения. В связи с этим возникают два вопроса: как оценивают чувашские звонкие согласные носители других языков и как воспринимают их сами чуваша?

¹¹ Л. П. Сергеев. Чăваш чĕлхин ыранти калаçавĕсем. Шупашкар, 1969, стр. 44.

Рис. 5. Осциллограммы слов *xuba'r*, *kamba'*.

Пользуясь методикой, разработанной сотрудниками Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова¹², мы провели серии опытов по изучению восприятия чувашских интервокальных звонких согласных носителями русского языка и самими чувашами среднего и младшего поколения. Суть проводившихся опытов состояла в том, что испытуемым (аудиторам) предлагалось оценить с точки зрения собственных произносительных привычек предъявленные им пары звуков и слогов (b—p, g—k, ba—pa, ga—ka и т. д.), выделенные при помощи специального устройства из слов, предварительно записанных на магнитную пленку. Слова, предназначенные для выделения из них звуков и слогов, подбирались таким образом, чтобы нужные звонкие и глухие согласные были в одинаковой фонетической позиции. Аудиторам предъявлялись не только пары из звонких и глухих чувашского языка, но и пары из звонких русского и чувашского языков.

Опыты показали, что большинство чувашских звонких согласных аудиторам воспринимается так же, как и русские звонкие согласные. Только согласные *z*, *ɣ* воспринимаются большинством auditors как глухие звуки. Следовательно, можно сказать, что, хотя объективно чувашские звонкие по степени сонорности уступают русским звонким согласным, субъективно большинство из них воспринимается как звонкие согласные. Иначе говоря, из всех акустических признаков чувашских интервокальных звонких согласных, в противопоставлении глухим, именно сонорность является наиболее характерным признаком.

¹² Эта методика изложена, например, в работе: Л. А. Вербицкая. О роли опытов по восприятию в экспериментально-фонетическом исследовании. — Сб. «Методы экспериментального анализа речи». Минск, 1968.

Поскольку в тюркологии существует точка зрения, согласно которой в современном чувашском языке интервокальные шумные согласные лингвистически противопоставлены друг другу не по звонкости и глухости, а по долготе и краткости (ага 'сев' ~ ак:а 'сестра', t'éd'ëm' 'дым' ~ t'ët'ëm' 'темно' и др.), мы провели специальные опыты по изучению восприятия звонких кратких и глухих геминированных шумных интервокальных согласных. Аудиторам-чувавам предъявлялись слоги, выделенные из слов, типа га-к:а, да-т:а и т. д. Большинство аудиторов в подобных парах усматривает противопоставление по звонкости и глухости. Только в двух случаях (за-с:а, ʎа-х:а) аудиторы не дали никакого ответа, то есть не усмотрели различия согласных ни по звонкости — глухости, ни по долготе — краткости. Таким образом, можно утверждать, что речевой слух носителей современного чувашского языка различает звонкие и глухие согласные. В известной мере это является следствием приобщения чувашей к фонетической системе русского языка, хотя, вместе с тем, было бы неверно все сводить к этому обстоятельству. С. И. Бернштейн писал: «Можно утверждать, что безусловно правильно мы слышим только те звуки, которые умеем произнести»¹³. В различении чувашами звонких и глухих есть, несомненно, «заслуга» и самого современного чувашского языка, в котором теперь звонкие и глухие согласные по артикуляционно-акустическим характеристикам достаточно контрастны и в силу этого осознаются как самостоятельные единицы.

¹³ С. И. Бернштейн. Вопросы обучения произношению. М., 1937, стр. 15.

Р. Х. ХАЛИКОВА, Ф. Г. ХИСАМЕТДИНОВА

О НЕКОТОРЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЯХ В ТЮРКСКИХ И САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблема отношений тюркских и самодийских языков до сих пор не получила окончательного решения. Урало-алтайская теория утверждает, что тюркские языки составляют с финно-угорскими и самодийскими языками общую языковую семью¹. Однако значительная часть советских и зарубежных ученых отвергает это положение, так как в основе его лежит не генетическое, а лишь типологическое сходство названных языков².

Цель данной статьи — показать некоторые общие консонантные сочетания, имеющиеся в говорах и наречиях отдельных тюркских и самодийских языков, в частности в говорах башкирского и наречиях ненецкого языков. Это — консонантные сочетания *lt*, *mt*, *nt*, *mq*, *nk*, *rt*.

Не касаясь вопросов исторического развития звуков и истории изучения упомянутых консонантных сочетаний в тюркских и самодийских языках, отметим лишь следующее: все они, во-первых, характерны для языка орхоно-енисейских памятников V—VIII веков, во-вторых, свойственны диалектам и говорам ряда современных тюркских языков³.

Ненецкий язык подразделяется на наречия тундровых и лесных (таежных) ненцев. Различия между этими двумя наречиями относятся главным образом к фонетике и заключаются в звуковых расхождениях, иногда довольно значительных⁴.

Как удалось установить на основе работ Г. Д. Вербова и Я. Н. Поповой, в ненецком языке наличие или отсутствие консонантных сочетаний, наряду с другими лингвистическими признаками, является одним из основных различий лесного и тундрового наречий⁵.

Рассмотрим характер употребления звуко сочетаний *lt*, *mt*, *mq*, *nq*, *nk*, *rt* в башкирском и ненецком языках.

¹ Дж. Г. Кюкбаев. Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание». Уфа, 1967 и др.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. — «Языки народов СССР», т. II. М., 1961, стр. 13 и др.

³ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 17; Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 16; «Ойротско-русский словарь». М., 1947, стр. 231; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, стр. 64; Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, стр. 62.

⁴ Н. М. Терещенко. Ненецкий язык. Финно-угорские и самодийские языки. — «Языки народов СССР», т. III. М., 1966, стр. 394.

⁵ Г. Д. Вербова. Диалект лесных ненцев. — «Самодийский сборник». Новосибирск, 1973, стр. 126—132; Я. Н. Попова. Соответствия согласных звуков лесного и тундрового наречий ненецкого языка. — «Исследования по языкам народов Сибири». Новосибирск, 1977, стр. 74—85.

Для современного башкирского литературного языка эти сочетания не характерны. Они наблюдаются преимущественно в среднем, караидельском говорах, ялан-катайском подговоре аргаяшского говора, в говоре башкир Свердловской области. Однако наиболее часто и последовательно эти сочетания встречаются в караидельском и среднем говорах башкирского языка. В ялан-катайском же подговоре аргаяшского говора встречаются не все консонантные сочетания, а лишь *lt*, *mt*, *nt*. Примечательно, что *rt* свойственно лишь караидельскому говору. В сочетаниях *lt*, *mt*, *nt* несколько оглушенное *t*, кроме названных говоров, отмечается также в карагай-кыпчакском подговоре кизилского говора. Определенной части среднего говора присуще употребление как глухих консонантных сочетаний, так и их звонких вариантов, а именно: *ld*, *md*, *nd*. Причем параллельное употребление глухих и звонких вариантов сочетаний согласных, как правило, характерно для периферии этого говора.

Консонантное сочетание *lt* наблюдается в корне слова, а также на стыке основы и аффиксов: *altur* 'чаша' — средний говор (лит. *aldyr*), *barqylta* 'крякать' — средний говор (лит. *barqylda* 'дрозд'), *kültäk* 'платье' — средний говор (лит. *küldäk*), *mužyltyq* 'капуша' — караидельский говор (лит. *mužtyr* 'медлительный'), *baltaq* 'кольцо, колечко (без камня)' — караидельский говор (лит. *baldaq* 'кольцо [без камня]'), *symyltyq* 'полот', *aulta* 'в деревне' — средний говор (лит. *aulda* 'в деревне'), *kilte* 'он пришел' — средний и караидельский говоры, говор башкир Свердловской области (лит. *kilde* 'он пришел') и т. д.

Консонантное сочетание *mt* употребляется в корне слова, а также на стыке основы и аффиксов: *qar-qamtu* 'старика-старухи' — средний и караидельский говоры, *ülemtek* 'вещи, приготовленные для раздачи во время похорон' — караидельский говор, *qomtoq* 'песчаное место' — средний говор (лит. *qomloq* 'песчаное место, пляж'), *Piremtä* 'в [г.] Перми' — говор башкир Свердловской области (лит. *Peremdä* 'в [г.] Перми'), *Išemtän kilde* 'пришел [приехал] из [г.] Ишима' — аргаяшский говор (лит. *Išemdän kilde* 'пришел [приехал] из [г.] Ишима'), *uramtan* 'с улицы' — средний, караидельский и другие говоры (лит. *uramdan* 'с улицы') и т. д.

Консонантное сочетание *nt* встречается в корне слова, а также на стыке основы и аффиксов: *barlantur* 'заставить спаривать, подбирать под пару' — средний говор (лит. *parlandur* 'заставить спаривать, подбирать под пару'), *qägentäs* 'родственник; младшая сестра', *anta* 'там' — средний говор и говор башкир Свердловской области (лит. *unda* 'там'), *quntu* 'переночевал' — говор башкир Свердловской области (лит. *qundu* 'переночевал'), *töntä* 'ночью' — говор башкир Свердловской области (лит. *töndä* 'ночью') и др.

Консонантное сочетание *mq* отмечается в середине корня, а также на стыке основы и аффиксов: *jomqa* 'пятница' — караидельский говор (лит. *joma* 'пятница'), *jomqos* 'упитанный' — средний говор (лит. *kög*, *himeđ* 'упитанный'), *jamqut* 'дождь' — средний и аргаяшский говоры (лит. *jamtu* 'дождь') и пр.

Консонантное сочетание *ñk* употребляется в середине корня, а также на стыке основы и аффиксов: *ičañker* 'тупеть' — караидельский говор (лит. *ičänger* 'тупеть, одуревать'), *heñkeltä* 'трясти' — средний говор (лит. *helke* 'трясти'), *señkeltäk* 'качели' — средний говор (лит. *bäüelsäk* 'качели'), *särsäñke* 'нетерпеливый' — средний говор (лит. *tüdemhed*, *sydamhuđ* 'нетерпеливый'), *tüñkäk* 'кочка' — средний говор (лит. *tüñgäk* 'кочка'), *büñgäñke* 'картофель' — средний говор (лит. *kartui* 'картофель') и т. д.

Консонантное сочетание *ηq* наблюдается в середине корня, а также на стыке основы и аффикса: *maŋqaj* 'лоб' — говор башкир Свердловской области (лит. *maŋlaj* 'лоб, чело'), *šyŋqylta-* 'журчать' — средний говор (лит. *sylyta-*, *šylyta-* 'журчать'), *saŋqa//saŋqu* 'лыжи' — средний, караидельский и демский говоры (лит. *saŋqu* 'лыжи'), *qoŋqugau* 'колокол' — караидельский говор (лит. *quŋqugau* 'колокол'), *quŋqas* 'после того, как переночевали' — караидельский говор (лит. *quŋqas*, в том же значении), *oŋqa* 'за мукой' — караидельский говор (лит. *oŋqa*, в том же значении) и т. п.

Консонантное сочетание *rt* отмечается в середине корня, а также на стыке основы и аффикса: *birte* 'он дал' — караидельский говор (лит. *birde* 'он дал'), *atürtäk* 'селезень' — караидельский говор (лит. *öjgäk*, *kügäl* 'селезень'), *altynnan artynjämle* (поговорка) 'скатертью дорожка' (лит. *aldynnan artyn matur*), *jamqyrtan suŋ* 'после дождя' — караидельский говор (лит. *jamqugdan huŋ* 'после дождя'), *partu* 'сходил' — караидельский говор (лит. *barđu* 'сходил'), *jartu* 'расколол' — караидельский говор (лит. *jarđu* 'раскол') и пр.

При внимательном рассмотрении определенных фонетических особенностей, в частности консонантных сочетаний лесного и тундрового наречий ненецкого языка, можно обнаружить конкретные соответствия и расхождения между ними. Причем расхождения в рассматриваемых примерах в большинстве случаев связаны с оглушением согласных в лесном и озвончении их в тундровом наречии. Это относится как к отдельным согласным звукам, так и к консонантным сочетаниям.

Лесное наречие	Тундровое наречие	Значение слова
<i>lapta</i>	<i>labta</i>	'ширина'
<i>lympat</i>	<i>lymbat</i>	'болото'
<i>sita</i>	<i>sida</i>	'два'
<i>hupu</i>	<i>subu</i>	'раздувается'
<i>tupka</i>	<i>tubka</i>	'топор'
<i>ŋytyš</i>	<i>ŋydas</i>	'повесил'
<i>kapta</i>	<i>habto</i>	'гаснет'
<i>kapi</i>	<i>habi</i>	'иноплеменник'
<i>mata</i>	<i>mada</i>	'режет'
<i>pata</i>	<i>pada</i>	'желчь' и др.

Из приведенных примеров видно, что в лесном наречии слова, как правило, употребляются с глухим вариантом согласных звуков. Именно это и отличает его наряду с другими фонетическими и прочими признаками от тундрового наречия. Но лесное наречие в анализируемых примерах отличается от тундрового также употреблением в одних и тех же словах консонантных сочетаний *nt*, *mt*, *ηk*.

Лесное наречие	Тундровое наречие	Значение слова
<i>zinkni</i>	<i>jingne</i>	'росомаха'
<i>zenka</i>	<i>jenğa</i>	'часть малины'
<i>tymtufta</i>	<i>tämdorta</i>	'покупатель'
<i>pentaš</i>	<i>pendaš</i>	'лопнул'
<i>ŋamta</i>	<i>ŋamda</i>	'сажает'
<i>mafaŋka</i>	<i>moranga</i>	'морощка'
<i>meŋka</i>	<i>meŋga</i>	'заводь'
<i>poŋka</i>	<i>poŋga</i>	'сеть'
<i>pyŋky</i>	<i>pyŋga</i>	'качели'
<i>fuŋka</i>	<i>luŋga</i>	'грызет'

şenka	senga	‘ночуёт’
neŋka	neŋga	‘ощипывает птицу’
taŋk	tang	‘пазуха’
amke	ŋamge	‘что’ и т. д.

В отдельных случаях в лесном и тундровом наречиях ненецкого языка консонантные сочетания оказываются идентичными: kanta ‘охотиться’ — лесное наречие и hanta ‘охотиться’ — тундровое наречие. Аналогичное явление наблюдается и в говорах башкирского языка: kılte ‘пришел’ — средний, караидельский говоры и говор башкир Свердловской области, qärentäš ‘родственник’ — средний, караидельский и аргаяшский говоры и т. д.

Мы сопоставили некоторые общие фонетические особенности говоров и наречий башкирского и ненецкого языков, неродственных в генетическом отношении. Более глубокое и систематическое изучение этих и других общих свойств тюркских и самодийских языков представляет, как нам кажется, немалый научный интерес и заслуживает внимания лингвистов как особый объект исследования.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ТЕРХИНСКАЯ НАДПИСЬ

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

I.

В 1957 году монгольский археолог Ц. Доржсурэн, которому автор обязан многими ценными сведениями о дотоле неизвестных эпиграфических памятниках¹, обнаружил в долине реки Терхин (северо-западная часть Хангайских гор), близ озера Терхин-Цаган-нур, торчащий из земли четырехгранный обломок гранитной стелы, покрытый руническими знаками. В сентябре 1969 года мы разыскали это место и заложили вокруг обломка небольшой раскоп (2×2 м, глубина 0,8 м)². В ходе раскопок был обнаружен фрагмент стелы (длиной 0,75 м), установленный на постаменте — высеченной из камня черепахе, на задней части которой были вырезаны руническая надпись и тамга. Находки были визуально изучены, сделаны снимки и изготовлены эстампажи³. В 1970 году в траншее, заложенной рядом с каменной черепахой, археологами Н. Сэр-Оджавом и В. В. Волковым были обнаружены еще два фрагмента стелы⁴. К сожалению, не удалось найти завершие стелы и выявить археологический комплекс, в состав которого входила стела. Все три фрагмента стелы и постамент были транспортированы в Улан-Батор и ныне хранятся в Институте истории Академии наук МНР.

Отдельные сведения о лексике памятника уже публиковались⁵. В Улан-Баторе памятник начали изучать монгольские филологи М. Шинэу и Б. Базилхан. В 1974—1975 годах наряду с ними продолжил изучение памятника и автор. Вскоре вышла в свет работа М. Шинэу, где приводились его чтение и интерпретация памятника⁶. Как отмечал автор предисловия к этому изданию Н. Сэр-Оджав, «научная ценность монографии тов. М. Шинэу состоит в том, что им впервые применен

¹ См.: С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — В сб.: «Страны и народы Востока», т. X. М., 1971, стр. 121.

² В работах принимали участие научные сотрудники Академии наук Монгольской Народной Республики, монголисты Х. Лубсанбалдан, М. Шинэу и тюрколог-казаховед Б. Базилхан, входившие в состав возглавляемого автором эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции.

³ Об общих результатах эпиграфических работ автора в Монголии в 1968—1969 годах см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.). — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 254—264.

⁴ См.: Э. А. Новгородова. Памятники древности и некоторые проблемы монгольско-этногенеза. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 1, стр. 134.

⁵ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Сэврэйский камень. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 108.

⁶ М. Шинэуу. Тариатын Орхон бичигийн шинэ дурсгал. Улаан-Баатар, 1975.

метод сравнительного изучения древнетюркского и классического монгольского письменного языка»⁷.

В ходе работы М. Шинэху и автор сопоставили свои определения начертаний поврежденных рунических знаков. Во многом эти определения совпали. Однако при чтении и переводе памятника обнаружилось коренное различие в исходных позициях. Автор не мог согласиться с предложенной М. Шинэху интерпретацией тюркского памятника в соответствии с лексикой и грамматикой монгольского языка. Эти расхождения лишают смысла и сравнение результатов. Поэтому автор считает нецелесообразным обсуждать здесь перевод и интерпретацию, предложенные М. Шинэху.

Приводимая ниже интерпретация текста была выполнена нами в основном в 1975 году. В том же году после дополнительного исследования данного памятника и ревизии памятника в Могон Шине Усу (полевые работы 1974—1975 годов) в этот текст были внесены некоторые уточнения.

Несколько слов о названии публикуемого памятника. Первоначально автор назвал его «Тарьятским» по названию сомона, где он был обнаружен. Это название нашло отражение и в работе М. Шинэху. Однако сомонов с таким названием в Монголии несколько. Поэтому в отчетных статьях о работе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции памятник был обозначен по названию ближайшего крупного географического объекта — реки Терхин-гол⁸. Это название и было принято нами окончательно при издании памятника*.

II.

Памятник был обнаружен в 12 км к западу от места впадения реки Терхин-гол в озеро Терхин-Цаган-нур, в одном километре севернее Терхин-гола и в двух километрах южнее обрывистых склонов Тарбагатай (северо-западный Хангай). Памятник, почти полностью ушедший в землю, находился на небольшом выступе в юго-восточной части округлого возвышения (диаметр 47 м, высота 1,4 м), вероятно, искусственного происхождения. Траншея, заложенная Н. Сэр-Оджавом и В. В. Волковым с юго-востока (от края возвышения до сделанного нами раскопа — общей длиной 7 м, шириной 3 м, глубиной 0,5 — 0,6 м), не выявила другой структуры грунта, кроме земляной насыпи. Небольшие (диаметром 1—3 м) возвышения вокруг этого холма, по-видимому, свидетельствуют о первоначальном существовании иных сооружений, связанных с памятником и образующих с ним единый комплекс, ничем, однако, не напоминающий погребальный комплекс в Могон Шине Усу, сооруженный в ту же эпоху.

Сам памятник состоял из каменного постамента-черепахи с углублением для штыря и стелы, разбитой еще в древности на четыре части,

⁷ М. Шинэхуу. Указ. раб., стр. 6.

⁸ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция. — «Вопросы истории», 1976, № 12, стр. 139.

* Изучение памятника в поле и последующая работа над текстом стали возможны только благодаря помощи и указаниям президента Академии наук МНР академика Б. Ширендыба, руководства Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции — академиков А. П. Окладникова и Ш. Нацагдоржа, а также заместителей начальников экспедиции В. В. Волкова и Н. Сэр-Оджавы. Нельзя не отметить также самоотверженный труд водителей Я. И. Здонова и К. И. Шишкина.

В ходе анализа текста памятника автор пользовался ценными консультациями и советами академика А. Н. Кононова, Э. Р. Тенишева, Л. Ю. Тугушевой, Д. М. Насилова, С. Е. Яхонтова, Л. Н. Меньшикова, которым выражает свою искреннюю признательность.

последняя из которых, навершие, пока не найдена. В момент обнаружения нижний фрагмент находился *in situ*, укрепленный с помощью штыря в постаменте. Стела представляет собою суживающийся кверху четырехгранный обелиск из светло-серого мелкозернистого гранита (см. рис. 1). Ее общая длина (без навершия) 2,85 м, ширина по широкой грани внизу 0,37 м,верху — 0,27 м, ширина по узкой грани внизу 0,25 м,верху — 0,2 м. Постамент-черепаха, из такого же гранита, имеет длину 1,17 м, ширину 0,85 м, высоту 0,38 м. В момент обнаружения черепаха была ориентирована головой к востоку, с небольшим отклонением к югу. На задней части панциря черепахи имеется надпись из 18 рунических знаков (см. рис. 2), а ниже ее, на тулове черепахи — тамга (таблица 1, б).

Таблица 1.

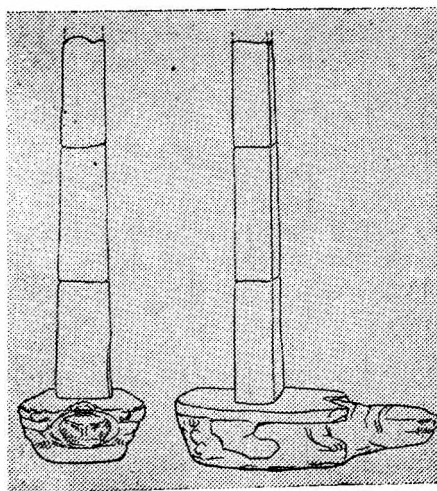
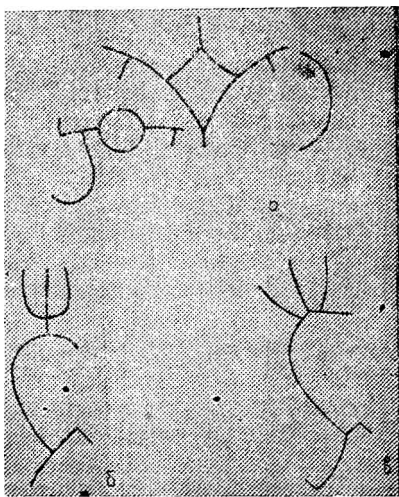

Рис. 1. Общий вид стелы.

- а) Тамга в навершии памятника.
б) Тамга на тулове черепахи — постамент памятника.
в) Тамга в нижней части южной стороны памятника.

Рис. 2. Надпись на каменной черепахе.

Поверхность стелы разлинована продольными строчными бороздами⁹. В верхней половине стелы сохранились части поперечной борозды, отграничивающей поле письма от навершия. С учетом длины штыря (0,2 м) общая длина поля письма не превышала 2,15 м. Оно заполнено 30-ю строками рунического текста, по 9 строк на широких сторонах стелы, по 6 строк — на узких. Все строки параллельны и каждая, как правило, занимает всю длину поля письма, кроме крайних строк, которые из-за трапецевидной формы стелы были значительно короче. Первоначальное количество знаков в каждой строке, за исключением крайних, составляло 133—135 единиц. Нынешнее состояние текста, однако, лишь в немногих случаях позволяет полностью прочесть строки. Особенно плохо сохранились знаки на восточной стороне стелы. Расстояние между строчными бороздами 40 мм; высота знаков неодинакова: в иници-

⁹ О строчных бороздах в рунической палеографии см.: С. Г. Кляшторный. Стелы Золотого озера. (К датировке енисейских рунических памятников). — В сб.: «Tungcológica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 259—260.

альной части строк от 33 до 35 мм, в остальном тексте — 31—32 мм, иногда — 28 мм.

Палеографически Терхинский памятник следует отнести к раннему этапу развития древнетюркской руники, представленному надписями из Могон Шине Усу и Сэврэя (см. таблицу 2). Орфография памятника заставляет предпочесть начальное *e-* в словах *el*, *ekı* и т. п. и конечное *-š* — в *taš*, *beš*, *-tuš* и т. п. Впрочем, конечное *-š* во многих случаях альтернативно¹⁰.

Грамматические особенности Терхинского памятника соответствуют известным чертам языка древнетюркской руники¹¹, а близость текста к надписи из Могон Шине Усу позволяет отнести к нему замечания об особенностях языка, сделанные Г. Рамstedтом, Х. Оркуном и С. Е. Маловым при издании последнего памятника (Селенгинского камня)¹². Стилистика памятника, в особенности содержащиеся в тексте поэтические, риторические и обиходные формулы типологически вполне соответствуют уже рассмотренным случаям¹³.

III.

Хронологическая атрибуция памятника не вызывает затруднений. Основная часть надписи написана от имени Элетмиш Бильге-кагана (747—759)¹⁴, обычно именуемого в китайских источниках Моянь-чжо (Баян-чор?)¹⁵. Автор Терхинской надписи — сын Элетмиш Бильге-кагана, Кутлуг-тархан-сенгун (стк. 14); краткий вариант его имени — Бильге-тархан (стк. 12). Он — будущий каган, именуемый в китайских источниках Идигань Мэуэй (Идикен Бёгю?), Тенгри-каган, Тенгри Эльтутмыш Алп Кюлюг-Ин-и-Бильге-каган¹⁶, а во фрагментарном тексте Сэврэйской надписи — Инги Яглакар (759—779)¹⁷. В двух частях памятника (в переводе они выделены абзацами) Бильге-тархан ведет повествование от своего имени (стк. 6—15, часть стк. 28 — часть стк. 30).

Терхинский памятник не является погребальной надписью и не составляет части погребального комплекса. Текст содержит описание деяний первых лет правления Элетмиш Бильге-кагана и хронологически предшествует надписи из Могон Шине Усу (759—760), которая, хотя и не содержит упоминания о смерти и похоронах Элетмиш Бильге-кага-

¹⁰ Ср. замечание С. Е. Малова (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 43—44). Подробно эта тема раскрыта Э. Р. Тенишевым (см.: Э. Р. Тенишев. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 283—295).

¹¹ См.: Т. Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968; A. V. Gabain. Alt-türkische Grammatik, 3. Auflage. Wiesbaden, 1974; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

¹² G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Helsinki, 1913, стр. 1—63 (JSFOu, t. XXX, fasc. 3); Г. И. Рамstedt. Как был найден «Селенгинский камень». Перевод надписи «Селенгинского камня». — «Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 34—49; Н. Н. Оркун. Eski Türk Yazıtları, с. 1. Istanbul, 1936, стр. 163—185; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 30—44.

¹³ Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — В сб.: «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», стр. 164—172.

¹⁴ Эти даты приняты Дж. Гамильтоном на основании китайских источников (J. R. Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties. Paris, 1955, стр. 139).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Дж. Гамильтон приводит и некоторые другие, еще более полные формулы титулатуры этого кагана.

¹⁷ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Сэврэйский камень., стр. 110—111.

Таблица 2

	могил-ини-усу	терхин	сзврей	карабалгасун	руны на бумаге
a e	∟ ∟ ∟	∟	∟	∟ ∟	∟ ∟
i y	∟ ∟ ∟	∟	∟	∟ ∟	∟ ∟
u o	> > >	> > > >	> >	>	> > >
ü o	∩ ∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩	∩
б	∩ ∩	∩	∩	∩	∩
в	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩
bas	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩
с	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
d'	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
d'	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
g	∩ ∩	∩ ∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
y	∩ ∩	∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
j'	∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩
j'	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
k q	∩ ∩	∩	∩	∩	∩
к	∩ ∩ ∩	∩ ∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
ok (ok)	∩ ∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
ok (ok)	∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
ok	∩	∩ ∩	∩	∩	∩
l'	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩	∩
l'	∩	∩	∩	∩	∩ ∩
lt	∩ ∩	∩	∩	∩	∩
m	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
n'	∩ ∩	∩	∩	∩	∩
n'	∩ ∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
p	∩	∩	∩ ∩	∩	∩ ∩
nt	∩	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩
nt	∩	∩	∩	∩	∩ ∩
nb	∩ ∩ ∩	∩	∩	∩	∩ ∩
p	∩	∩	∩	∩	∩ ∩
p	∩ ∩	∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
r	∩ ∩	∩	∩	∩	∩ ∩
o'	∩ ∩ ∩	∩ ∩	∩	∩ ∩ ∩	∩ ∩
o'	∩	∩	∩	∩	∩ ∩
o'	∩	∩ ∩	∩	∩ ∩	∩ ∩
z	∩ ∩ ∩	∩ ∩ ∩	∩	∩	∩ ∩ ∩

Палеография рунических памятников уйгурской эпохи.

на, тем не менее является частью погребального сооружения, воздвигнутого в его память. Самое позднее хронологическое указание, содержащееся в тексте Терхинского памятника (стк. 2), — «год змеи», то есть 753 год. Очевидно, стела была сооружена вскоре после этой даты.

Описанием деяний кагана не исчерпывается содержание памятника; его начальная и заключительная части являются манифестацией Элетмиша (стк. 1—5, 30) и содержат: а) полное тронное имя (титул) кагана и его супруги-катун; б) сообщение об учреждении каганских ставок и установке камнеписных стел-манифестов; в) сообщение об учреждении государства и установлении законов благодаря божественному покровительству, оказываемому Элетмишу; г) формулу всемогущества кагана; д) описание коронных земель; е) указания на действия по определению границ эля, то есть всего государства.

Второй составной частью текста является апология Бильге-тарханом каганских деяний (стк. 6—15, 28—29), включающая: а) этапы и процедуру интронизации кагана, ее правовое обоснование (стк. 28—29); б) описание структуры власти внутри эля и перечень лиц, наделенных властью; в) сообщение о подчинении мятежных племен после интронизации (в стк. 14 оговорены личные заслуги автора текста Бильге-тархана); г) описание церемонии возведения каганской стелы-манифеста.

Третий раздел памятника, историографический, содержит повествование, ведущееся от имени Элетмиш Бильге-кагана. К сожалению, именно эта часть стелы (восточная и южная стороны) в наибольшей степени пострадала от эрозии. Поэтому здесь текст местами слишком фрагментарен, что препятствует полному раскрытию его содержания. Можно выделить: а) упоминание о возвышении и гибели первых тюркских каганов; б) упоминание о смутах среди огузов; в) упоминание о первом уйгурском царстве, управлявшемся предками Элетмиша; г) описание войны с тюрками, которую вел отец Элетмиша и он сам, разгрома и гибели Тюркского эля.

Последняя часть Терхинской надписи (война с тюрками) во многом текстуально совпадает с соответствующими разделами надписи из Могон Шине Усу, как, впрочем, и некоторые другие разделы, связанные с возникновением Уйгурского каганата. После необходимой ревизии памятника из Могон Шине Усу, предпринятой автором в ходе полевых работ 1974—1975 годов, и сопоставления обеих надписей стало возможным уточнить и заново интерпретировать текст Селенгинского камня, установленный Г. Рамstedтом. Так, удалось реконструировать текст той части восточной стороны надписи из Могон Шине Усу, где повествуется об учреждении двух каганских ставок:

(7) ... ančyp bars jylqa čik tapa jorydym ikinti aj tört jegirmike kemde (8) toqydym ol jyl [ötügen kedin učynta te]z bašynta qasar qordan örgin anta ititdim čyt anta toqytdym jaj anta jajladym jaka anta jaqaladym belgümin bitigimin anta jaratytdym ančyp ol jyl küzün ilgerü jorydym tataryy aj ytdym tabyšyan jyl (9) bešinč ajqa tegi (испорчено около 20 знаков) [ulu jyl]qa ö[tüken ortu]synta [s]üngüz baš[qan]ta yduq baš kedin[te] jabaš tuquš beltirinte anta jajladym örgin anta jaratytdym čyt anta toqytdym byñ jylyyq tümen күнлик bitigimin belgümin anta jasy tašqa (10) jaratytdym tolqu [tašqa toqytdym].

(7) ... Затем, в год тигра (750 год), я пошел на чиков. Во втором месяце, в 14-й день, возле (реки) Кем (8) я их разбил. В том же году я приказал учредить ставку Касар Кордан в верховьях (реки) [Te]з, [на западном склоне Отюкена]. Я приказал воздвигнуть там стены и провел там лето. Там я установил границы (моих владений). Там я приказал вырезать (букв.: создать) мои знаки и мои письмена. Затем, осенью

того же года, я пошел на восток и призвал к ответу татар. В год зайца (751 год) (9), на пятый месяц... В год [дракона] (752 год) я провел лето посре[дине Отюкена], к западу от священной вершины [С]юнгюз [Баш]кан, у слияния рек Ябаш и Тукуш. Там я повелел воздвигнуть ставку и возвести стены. Свои вечные знаки и письмена на плоском камне (10) я приказал начертать, на грузном камне я приказал установить¹⁸.

Реконструируемый текст сообщает дополнительные сведения о возведении ставок, в нем сохранено название западной ставки — Касар Кордан. Племя касар (хазар) входило в уйгурский племенной союз¹⁹, а Кордан, тюркское наименование Хотана²⁰, оказалось перенесенным на ставку уйгурского кагана в Туве, что свидетельствует о давних связях уйгуров с Восточным Туркестаном²¹.

Сопоставление с Терхинской надписью позволяет реконструировать и другие топонимы (Тез, Сюнгюз Башкан), а также окончательно выявить смысл выражения *jaqa anta jaqaladym* 'я установил границу', которое Г. Рамстедт считал непереводимым, а С. Е. Малов интерпретировал как «я устраивал моления высшим божествам» (?)²². Правильный перевод, предложенный Дж. Клосоном²³, ныне получил подтверждение. Сравнительный анализ обоих памятников еще только предстоит, и его результаты позволят вновь вернуться к интерпретации этих двух основных рунических текстов уйгурской эпохи.

IV.

ТРАНСКРИПЦИЯ*

Западная сторона

(1) *teŋride bolmyš el etmiš bilge qaγan el bilge qatun qaγan atay qatun atay atanyp ötüken kedin uçynta tez bašynta örgin ..* (испорчено около 14 знаков) .. *anta jaratydym bars jylqa jylan jylqa eki jyl*

(2) *jaqladym ulu jylqa ötüken ortusynta sūñüz bašqan yduq baš kedininte jaqladym örgin bunta jarat(yt)dym čyt bunta toqtydym byŋ jyl(l)yq tümen künlik bitigimin belgümin bunta*

(3) *jasy tašqa jarat(yt)dym tolqu tašqa toqtydym üze kök teŋri jarlyqaduq üčün asra jaγyz jer igit(t)ük üčün elimim törümin etinti öŋre kün toγsuqdaγy bodun kisre aj toγsuqdaγy bodun.*

(4) *tört buluŋdaγy bodun küč berür jaγym bölük joq bol[ty].* (Испорчено 8—9 знаков) .. *sekiz ara ylyym taryylaγym sekiz seleŋa orqun toyla sebtürdü qarγa burγu ol jer ekin subymyn qonar köčürben*

(5) *jajlaγym ötüken quzy kedin uçy tez bašy öŋdüni qonar köčür ben..* (испорчено 3—4 знака) .. *čaγym ötüken jeri onγy atla[ndy] sü ij jyγ bodun..* (испорчено 6—7 знаков) .. *[tedim?]. berigerü uçy altun jyš kedin uçy kögmen ilgerü uçy jölet*

¹⁸ Ср.: G. J. Ramstedt. *Zwei uigurische Runeninschriften...*, стр. 20—23; Г. И. Рамстедт. Как был найден «Селенгинский камень», стр. 43; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.

¹⁹ J. R. Hamilton. *Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties*, стр. 4.

²⁰ G. Clauson. Some notes on the inscription of Toŋuq. — «*Studia Turcica*». Budapest, 1971, стр. 127—128.

²¹ Ср., например: Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 65.

²² Г. И. Рамстедт. Как был найден «Селенгинский камень», стр. 43; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 40.

²³ G. Clauson. *An etymological dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972, стр. 898.

* Текст в острых скобках здесь и ниже в переводе реконструирован по надписи из Могон Шине Усу.

(6) teŋride bolmyš el etmiš bilge qanym içreki boduny alytmyš iç bu-juruq başy ynanču bağa tarqan uluŋ bujuruq toquz bolmyš bilge taj seŋün tutuq beš jüz başy külüg oŋy öz ynanču beš jüz başy uluŋ öz ynanču

(7) uruŋu jüz başy uluŋ uruŋu tölis begler oŋly byŋ başy tölis külüg eren tarduš begler oŋly byŋ başy tarduš külüg eren tarduš yšbaryš beš byŋ er başy alp yšbara seŋün jaŋlaqar

(8)... (испорчено около 50 знаков) ...toquz jüz er başy tojqan uluŋ tarqan buquŋ byŋa

(9).. (испорчено около 30 знаков) .. boduny byŋa qaŋas atačuq bo-duny byŋa

Северная сторона

(10) teŋrim qanym tekim teglig tutdy beš... (испорчено около 25 знаков).. qutluŋ čigši qanču alp bilge čigši... (испорчено около 12 знаков) qan aruq oŋuz bodun alty jüz seŋüt bir tümen bodun qazŋanty

(11) teŋri qanym atlyuŋ toquz tatar jeti jigirmi az bujuruq toŋrada seŋüt byŋa uŋur boduny tegitim bu bitidükde qanym a turŋaq başy qa-ŋas atačuq begzik er čigši byla bağa tarqan üç jüz turŋaq turdy

(12) teŋrim qanym oŋly bilge tarqan qutluŋ bilge jabŋu... (испорчено 2—3 знака).. atlyuŋ isig jer atlyuŋ.. (испорчено 2 знака)..bajarqu boduny az ašpa taj seŋün boduny toŋrada baš qajbaš üç qarluq bunča bodun jabŋu boduny

(13) teŋrim qanym oŋly.. (испорчено около 30 знаков).. bodunqa.. (испорчено 5—6 знаков).. odurŋan.. (испорчено 3—4 знака) čabyš seŋün boduny toquz bajarqu qajra basmyš toquz tatar bunča bodun čad boduny

(14).. (испорчено около 15 знаков).. anta tegdi buni jaratŋma bilge qutluŋ tarqan seŋün bunča boduny atyn jolyn jaŋma lum čisi eki jorytdy qutluŋ bilge seŋün urušu qutluŋ tarqan seŋün ol eki jor

(15) jarlyqady bajarqu tarduš bilige tarqan qutluŋ jaŋma tabŋač soŋ-daŋ başy bilige seŋün ozyl öŋ erkin

Восточная сторона

(16) ... (испорчено около 75 знаков).. jolyuŋ qaŋan ... (испорчено 10 знаков) ... buntyn qaŋan üç qaŋan olurmyš eki jüz jyl olurmyš

(17).. (испорчено около 72 знаков).. [bodu]ny qyza barmyš uč[myš].. eki atlyuŋyn tüke barmyš qadyr qasar bedi bersil ajtaŋ (? jtz) oŋuz

(18).. (испорчено около 80 знаков).. ečüm apam sekiz on jyl olurmyš ötügen eli tegires eli ekin ara orqun ügüzde

(19)... (испорчено около 82 знаков).. jyl olurynta .. (испорчено 4—5 знаков).. jyl barmyš atamyn üze kök teŋri asra jaŋyz jer jana

(20).. (испорчено около 80 знаков).. ntar atyntym sekiz otuz jašyma jylan jylqa türk elin anta bulŋadym anta artatdym

(21).. (испорчено около 75 знаков).. atlyuŋyn jumšady byŋa jorydy ozmyš tegin odurganta joryjor tedi any alŋyl tedi

(22).. (испорчено около 50 знаков).. < irtim qara qum ašmyš kö-gürde > kömür taŋda jar ügüzde üç tuŋluŋ türk bodunqa anta jetinč aj tört jegirmike

(23).. (испорчено около 75 знаков) .. anta toqytyrtym qan.. (испорче-но 5 знаков).. anta joŋ bolty türk boduny anta içgertim anta jana

(24).. (испорчено около 10 знаков).. ozmyš tegin qan bolty qoŋ jylqa jorydym

Южная сторона

(25) ekinti < sūñūšdim eki aj alty jañyqa toqyşdym >... (испорчено около 70 знаков).. bičin jylqa jorydym.. (испорчено около 25 знаков).. sūñūšdim anta sančdym qanyn anta

(26) tutdym < qatunyn anta altym > .. (испорчено около 50 знаков).. anta kisre başy kelti.. (испорчено 11—12 знаков).. taquyu jylqa jorydym jylladym bešinč aj üč jegirmike aqlaşdy

(27) sūñūšdim anta sančdym ..(испорчено 2 знака) beg ... (испорчено около 25 знаков).. tym ičgirip igder böl.. (испорчено около 10 знаков) ben anta kisre it jylqa üč qarluq jablaq saqynyp teze bardy quryja on oq(q) a

(28) kirti anta.. (испорчено около 25 знаков).. üč qarluq layzyn jylqa toquz tatar.. (испорчено 10—12 знаков).. toquz bujuruq.. (испорчено 3—4 знака).. señüt qara bodun turjan qanym qanqa ötünti eñü apa aty

(29) bar tedi tegires eli.. (испорчено 3—4 знака).. bert(t)i.. (испорчено 8—9 знаков).. anta jabyu atady anta kisre küsgü jylqa esinligde küč qara bodun.. (испорчено 2—3 знака).. etmiş esinsizde küč qara sub ermiş qara bodun turjan qayan

(30) atady tenride bolmyş el etmiş bilge qayan atady el bilge qatun atady qayan atanyp qatunatanyp ötügen ortusynta sūñūz başqan yduq baş kedinin örgin bunta eti(t)dim

Надпись на каменной черепахе

buny jaratyyma böke tutam.

ПЕРЕВОД

(1) Я, Неборожденный Элетмиш Бильге-каган, (вместе с) Неборожденной Эльбильге-катун, приняв на себя титулы каган и катун,... тогда повелел поставить (свою) ставку на западной окраине Отюкена, в верховьях (реки) Тез. Там, в год барса и в год змеи, (2) я провел два лета. В год дракона я провел лето посредине Отюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан. Я повелел поставить здесь (свою) ставку и возвести здесь стены. Свои вечные (букв.: тысячелетние и десятитысячедневные) письма и знаки здесь (3) на плоском камне я повелел вырезать (букв.: создать) на грузном камне я повелел воздвигнуть. Так как (мне) благоволило голубое Небо, что наверху, так как (меня) взлелеяла бурая Земля, что внизу, то были созданы мой эль и мои установления. Народы, обитающие впереди (на востоке) там, где восходит солнце, и народы, обитающие позади (на западе), там, где восходит луна, (4) народы (всех) четырех углов света отдают (мне свои) силы, а мои враги утратили свою долю... Среди восьми (рек) мой скот и мои пашни. Восемь (рек), Селенга, Орхон, Тола радуют меня. По (рекам) Карга и Бургу, в той стране, я поселяюсь — переселяюсь (кочую) по двум моим рекам. (5) В моих летних кочевьях, на западном краю северного склона Отюкена, к востоку от верховьев (реки) Тез (здесь) я поселяюсь — переселяюсь. По моему желанию Онгы из Отюкенской земли выступил в поход. «С войском следуй, собирай народ!» — [сказал я?]. «По... южную границу, по Алтунской черни западную границу, по Кёгмену северную границу защищай!»

(6) Мой Неборожденный Элетмиш Бильге-хан повелел подчинить (все) свои племена, живущие внутри (страны). Главой внутренних буюруков был Ынанчу-бага-таркан, (а всего) великих буюруков девять было: Бильге Тай-сенгун-тутук, пятисотник; Кюлюг Онгы-Оз-Ынанчу, пятисотник; Улуг Оз-Ынанчу (7) Урунгу, сотник; Улуг Урунгу; тысячник над сыновьями бегов телисов, телисский Кюлюг Эрен; тысячник над сыновьями бегов тардушей, тардушский Кюлюг Эрен; Тардуш-ышбарыш, начальник над пятью тысячами воинов; Алп Ышбара-сенгун Яглакар. (8)... Тысячный отряд начальника над девятью сотнями воинов, тойкана (правителя ставки) улуг таркана Букуга. (9)... тысячный отряд племени...; тысячный отряд племени доблестного Атачука. (10) Мой Небесный хан захватил множество заблудших (букв.: слепых): пяти[тысячника]... Кутлуга-чигши, Канчу Алп Бильге-чигши... Хан захватил истомленный огузский народ, шестьсот (его) сенгунов, один тюмень (его) войска (букв.: народа). (11) Когда писались эти письмена, — о мой хан! — то присутствовали конница (или: именитые) моего Небесного хана, токуз-татары, семнадцать азских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (племени) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами, начальники гвардии, доблестный Атачук и Бегзик Эр-чигши, вместе с бега-тарканами и тремя сотнями гвардейцев, (12) сыновья моего Небесного хана, Бильге-таркан и Кутлуг Бильге-ябгу,... вельможи,... именитые (вожди) из пустыни (или: из Исиг-Йера),..., народ байарку, азский Ашпа Тай-сенгун и его народ, Баш Қайбаш из (племени) тонгра, уч-карлуки — столь многие народы (присутствовали)!. Народ, (подвластный) ябгу, (13) сыновья моего Небесного хана,... на народ... (при) Одургане... народ Чабыш-сенгуна и (народ) токуз-байарку опять подчинил, токуз-татар — столь многие народы! народ, (подвластный) чаду (шаду) (14)... он тогда напал. Тот, кто это соорудил, Бильге Кутлуг-таркан-сенгун, столь многие народы со славой (победил)! (Против) ягма и (А)лум-чиси (или: Лум и Чиси?, Алумчи из народа ягма?) двоих послал. Кутлуг Бильге-сенгуну и Урушу Кутлуг-таркан-сенгуну, тем двоим «Идите!» (15) он повелел. Тардушский Бильге-таркан и Кутлуг, (оба из народа) байарку, начальники ягма, китайцев и согдийцев Бильге-сенгун, Озыл Онг-эркин.

(16)... Йолыг-каган... Бумын-каган — (эти) три кагана на царстве сидели двести лет на царстве сидели (17)... их народ, придя в ярость, погиб... из-за двух именитых истохислся и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные (?) огузы (18)... мои предки восемьдесят лет на царстве сидели. Отюкенский эль и окружающие его эли между обоими (реками? Селенгой и Толой?), на реке Орхон (19)... когда... лет они на царстве сидели... лет прошло. Моего отца вверх голубое Небо, внизу бурая Земля опять (20)... меня нарекли. В свои двадцать восемь лет, в год змеи, тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда я его разрушил. (21)... свою конницу послал. Тысячный отряд пошел. «Озмыштегин из Одургана идет!» — сказал он. «Захвати его!» — сказал он. (22)... < я преследовал их. Я пересек Кара-кумы и у Кёгюра >, возле гор Кёмюр и реки Яр, там (я напал) на трехзнаменный тюркский народ в седьмом месяце на 14-й день (23)... там я приказал **воздвигнуть. Хан** ... там погиб. Тюркский народ там я подчинил. Тогда опять (24)... Озмыштегин ханом стал. В год овцы я пошел, (25) второй раз < я с ним сразился. Во втором месяце, на 6-й день я с ним сразился > ... В год обезьяны я пошел... я (с ним) сразился и одержал там победу. Их хана я там (26) захватил, < его катун я там взял > . После этого пришли их предводители... В год курицы я пошел и там жил. В пятом месяце, на 13-й день они собрались. (27) Я сразился с ними и одержал там по-

беду... бег... Подчинившись, игдеры разде[лились]... Затем, в год собаки уч-карлуки, замыслив измену, бежали. На западе, в (страну народа) десяти стрел (28) они пришли. Тогда... в год свиньи, уч-карлуки, токуз-татары...

Девять буюруков,... сенгуны и весь народ моего отца Турьяна почтительно просили стать ханом: «(Таково) звание предков было!» (29) — они сказали. (Всем) окрестным элям он нанес поражение. Тогда (его) стали именовать ябгу. После этого, в год крысы, (говоря): «Сила у обладающего благополучием весь народ приводит в порядок, сила у неблагоприятного становится родниковой водой!» — (так говоря), весь народ провозгласил (его) Турьян-каганом, (30) провозгласил (его) Неборожденным Элетмиш Бильге-каганом, а (супругу) — Эльбильгекатун.

Назвав (себя) каганом, а (свою супругу) — катун, я учредил свою ставку посредине Отыюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз-Башкан.

Надпись на каменной черепахе

Тот, кому выпало соорудить этот (памятник), — Бёке Тутам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стк. 1: а) Г. И. Рамстедт читает имя кагана *il itmiš*. Однако в обоих случаях начальное *i* в тексте отсутствует, что делает значительно более правомерным чтение *el etmiš*, так как инициальное *e* в руническом тексте закономерно опускается; б) река Тез (современное тувинское и монгольское название — Тэс), протекающая большей частью по территории Монголии, а в нижнем течении и по территории Тувы берет начало в Хангае (это место и обозначено в надписи) и впадает многими мелкими рукавами в озеро Убса-нур. Верховья Теза определяют в тексте северо-западную окраину Отыюкенской черни, что позволяет окончательно отождествить эту важнейшую для рунических текстов горную область с Хангайской горной страной; в) год барса и год змеи — 750 и 753 годы.

Стк. 2: а) год дракона — 752 год; б) возможно, здесь содержится указание на время начала сооружения Ордубалыка, ныне городище Карабалгасун (Харбалгас), на реке Орхон, в 27 км к северу от пос. Хархорин (древний Каракорум); в) *ulu* 'дракон', ср.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 591.

Стк. 3: о системе ориентации в рунических текстах см.: А. Н. Кононов. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — «Тюркологический сборник. 1974». М., 1978, стр. 72—83.

Стк. 4: а) «Восьми(речь)» (Секиз-мурэн) упомянуто у Рашидадина (Сборник летописей, т. 1, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 113); эта область локализуется в юго-восточной Туве и северо-западной Монголии, в бассейне реки Каа-хем. (Д. Г. Савинов. К вопросу об этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время. — В сб.: «Проблемы отечественной и всеобщей истории». Л., 1973, вып. 2, стр. 26). Теперь очевидно, что гидроним восходит к более древней эпохе, получив при монголах наращение *мурэн* (монг. «река»); б) здесь содержится самое раннее в древнетюркской литературе упоминание о вспаханных полях (*taγuγlaγ*); в) в междуречье рек Каргы (Карга надписи) и Каа-хема (Бургу надписи?), на прибрежном острове озера Тере-холь, С. И. Вайнштейн обнаружена дворцовая постройка уйгурского времени; исследователь правильно предположил, что дворец мог принадлежать Баян-чору (Элетмиш Бильге-кагану). (С. И. Вайнштейн. Древний Пор-Бажын. — «Советская этнография», 1964, № 6, стр. 113—114)

Стк. 5: Алтунская чернь — современный Алтай; Кёгмен — современные Саяны.

Стк. 10: а) здесь содержится единственное в этой надписи упоминание о гражданской войне в государстве уйгуров; б) форма множественного числа *seγit* фиксируется в рунике впервые (ср. *tegit, taγqat*).

Стк. 12: чтение *baš qaɣbaš* условно; здесь дважды употреблен знак ¹ $\times$, интерпретация которого остается сомнительной.

Стк. 10—13: здесь постоянно чередуются две формы наименования хана: *teγti qa-γut* — *teγtim qaγut*.

Стк. 16: возможно, что третий каган, имя которого не сохранилось, — Истемн. Имя Иолыг-кагана упомянуто в рунических памятниках впервые. О ранних этапах истории

древних тюрков см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 103—114.

Стк. 17: а) племя qasar (хазар) входило в уйгурский племенной союз (J. Hamilton, Les Ouighours., стр. 4); берсилы (барсилы) упомянутые уже Феофилактом Симокаттой (VI в.) среди гунно-болгарских племен. Их история тесно связана с историей хазар на Северном Кавказе (ср., например: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 130).

Стк. 20: год змей — 741 год. Здесь и далее текст Терхинской надписи в основном повторен в тексте памятника из Могон Шине Усу.

Стк. 22: локализацию древних Кара-кумов см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники., стр. 26.

Стк. 24: год овцы — 743 год.

Стк. 25: год обезьяны — 744 год.

Стк. 26: год курицы — 745 год.

Стк. 27: а) племя игдер упомянуто Махмудом Кашгари среди древнейших огузских племен (В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 574—575); б) год собаки — 746 год.

Стк. 28: а) год свиньи — 747 год; б) собственное имя Элетмиш Бильге-кагана, Турьин, регистрируется впервые. Возможно, то же имя носил восточнотюркский каган, правивший в 587—599 годах: в китайской транскрипции его имя звучало Дулань ~ Ту-лянь. О соотношении собственных и тронных имен каганов см.: М. Мори. Бёгю-каган и Поцзюй. — В сб. «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», стр. 284—288.

Стк. 29: год крысы — 748 год.

К таблице тамг

Группа геральдических знаков (belgü), Элетмиш Бильге-кагана (а) помещенных в верхней части памятника из Могон Шине Усу, издана Г. Рамstedтом (G. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften., Taf. II). Им, однако, упущена тамга в самом основании надписи, на южной стороне памятника (в). Явное сходство с тамгой на черепахе-постаменте Терхинского памятника (б) позволяет предположить, что обе эти тамги принадлежали мастеру (мастерам?), создавшему памятник (одному или двоим, но находившимся, судя по сходству тамг, в родственных отношениях). Имя создателя Терхинского памятника известно — Бёке Тутам.

К палеографической таблице

Сравнение палеографических особенностей трех памятников первого десятилетия Уйгурского каганата показывает их близость к памятникам Тюркского каганата и несомненное влияние енисейской графики (например, некоторые варианты *t'* в памятнике из Могон Шине Усу). Переходные формы к руническому уставу IX века появляются в начале 60-х годов VIII века и документируются некоторыми начертаниями Сэврэйского камня (*m*, *t'*, *k*). Относительно связи орфографии и палеографии важные наблюдения были сделаны Г. Рамstedтом и С. Е. Маловым в цитированных выше работах.

* * *

Настоящая статья содержит лишь самые краткие пояснения к прочтению и переводу памятника и преследует единственную цель — дать возможность широкому кругу тюркологов, филологов и историков принять участие в обсуждении новых сведений, содержащихся в публикуемом тексте. Оставляя за собой право вернуться к интерпретации памятника, надеемся, что в ходе последующего обсуждения спорные вопросы получат удовлетворительное разрешение.

РЕЦЕНЗИИ

И. Х. АХМАТОВ. ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

НАЛЬЧИК, 1979, 100 стр.

Известно, что в синтаксических теориях предложение всегда занимало среди языковых единиц центральное место. К изучению его приверженцы различных школ и направлений подходили по-разному. До второй половины XIX века господствующим было логическое направление. Позднее последнее было подвергнуто критике сторонниками психологического направления в языкознании. Однако, как отмечается в рецензируемой книге И. Х. Ахматова, при всем различии психологического и логического подходов к определению предложения и к его членению обе синтаксические теории имели немало общего. Так, и для логического, и для психологического определений предложения характерно отсутствие собственно языковых признаков. Сторонники обоих направлений в конечном счете исходили из функциональных критериев (смысл, целенаправленность высказываемого в предложении содержания и др.), хотя применение последних не было достаточно обосновано, что свидетельствовало о несостоятельности указанных теорий. Поэтому сложилось мнение, что функциональные критерии при анализе предложения и других языковых единиц не выявляют специфику языкового строя. Таким образом, основное внимание синтаксистов сосредоточилось на изучении формального строения предложения в отрыве от его значения.

И. Х. Ахматов на основе анализа лингвистической литературы приходит к заключению, что отвлеченность от семантики при изучении предложения характерна для ряда новейших направлений в языкознании, например, для дескриптивной лингвистики, глоссематики и традиционной грамматики. Так, В. В. Виноградов утверждал: «Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического строения»¹. Э. Бенвенист позже писал, что,

«с предложением мы покидаем область языка как системы знаков»². Исходя из этого положения, Э. Бенвенист считал, что предложение не составляет класса различных единиц, а синтаксис предложения — это лишь «грамматический код, который обеспечивает правильное размещение его членов»³. При таком понимании предложения синтаксические структуры оказывались вне языковой системы. Однако в последние десять-пятнадцать лет изучение синтаксиса пошло по иному пути.

Во вводной части рецензируемой работы говорится, что характерной особенностью современного языкознания является определение предложения как многоаспектного явления. И. Х. Ахматов указывает, какие аспекты предложения выделяются и изучаются в настоящее время отечественными и зарубежными лингвистами.

На наш взгляд, это весьма важно как с теоретической, так и с практической точек зрения. Т. П. Ломтев писал: «Вопросы теории синтаксиса мало разработаны. Различия во взглядах отдельных лингвистов на синтаксические проблемы не подвергались сколько-нибудь серьезному анализу»⁴. Это высказывание полностью может быть отнесено и к рассматриваемой в монографии проблеме.

Необходимость выявления и описания различных аспектов предложения вызвана в первую очередь признанием того, что: а) предложение является многоаспектным явлением, б) важно дать целостное и системное описание предложения, что не обеспечивается традиционной грамматикой, имеющей серьезные недостатки. К основным из них автор справедливо относит то, что члены предложения, хотя и выделяются на базе предложения, однако исследу-

² Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. стр. 139.

³ Там же.

⁴ Т. П. Ломтев. О спорных вопросах теории синтаксиса. — «Филологические науки», 1958, № 4, стр. 3.

¹ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 389.

ются в значительной степени. в отрыве от него. Члены предложения изучаются зачастую в плане их взаимоотношений, то есть как словосочетания. Так называемые второстепенные члены предложения рассматриваются лишь как синтаксические единицы, определенным способом связанные с главными членами и поясняющие их. Основной же вопрос об их роли в строе предложения остается вне поля зрения исследователя.

Классификации предложений по цели высказывания, по составу, полноте/неполноте исходят из предложения как целого. Однако эти типы классификаций рассматриваются традиционной грамматикой как ничем не связанные друг с другом, самостоятельные классификации.

В рецензируемой работе показано, что достижения современного языкознания позволяют создать новую теоретическую модель описания простого предложения. На протяжении последних лет усилиями ряда советских и зарубежных лингвистов выработаны такие кардинальные понятия, как «модель предложения», «регулярные реализации предложения», «парадигма предложения» и т. д. Некоторые лингвисты уже пытались на этой основе создать новую модель описания предложения⁵.

В этих условиях, подчеркивает И. Х. Ахматов, когда предложение изучается как многоаспектный объект, глубоко и всесторонне исследуется либо тот или иной отдельный аспект, либо вся система аспектов и предпринимаются попытки создания новых моделей описания предложения на материале разных языков, в тюркских языках описание простого предложения все еще ведется по принципам так называемой традиционной грамматики. В связи с этим автор считает важным выявить типы простого предложения в тюркских языках, систематизировать и описать их с учетом новейших достижений современного языкознания. В соответствии с этим задача исследователя должна состоять в установлении конечного инвентаря моделей предложения, который в каждом языке является уникальным, в показе взаимоотношений между грамматической и смысловой структурами предложения, в установлении и описании системы форм моделей простого предложения и т. д. Для этого необходимо решить вопросы о природе языкового знака, об элементах поверхностной и глубинной структуры синтаксической конструкции, о семантической структуре предложения. Эти вопросы актуальны для всей тюркологии, хотя и спорны в общетеоретическом плане. Рассмотрению этих вопросов и по-

священа основная часть рецензируемой работы.

Постановка каждой из указанных проблем предваряется обзором и оценкой взглядов, существующих в отечественной и зарубежной литературе. Это способствует определению места и значимости формулируемых в работе положений. В качестве иллюстративного материала используются в основном факты карачаево-балкарского языка.

Например, говоря о природе языковых знаков, автор показывает, что многие вопросы, связанные с ними, спорны. Так, дискуссионным является вопрос о соотношении материальной стороны знака (экспонента) и его значения. Автор придерживается билатералистской точки зрения, согласно которой язык интерпретируется не как бессодержательная форма, а как форма, наполненная реальным мыслительным содержанием. По данной концепции отношение между экспонентом и значением опосредствовано сознанием.

Ряд лингвистов считает знаковыми все языковые единицы, в том числе и фонемы. Согласно другой точке зрения, к языковым знакам нельзя относить не только фонемы, но и морфемы, знаком же является формальная единица, соотносимая с денотатом и характеризующаясь свойством «отдельности». Например, Л. Н. Мурзин подчеркивает, что такая единица «близка к традиционному знаменательному слову»⁶.

И. Х. Ахматов показывает несостоятельность такой точки зрения. В тюркских языках некоторые морфемы способны выражать значение элемента семантической структуры предложения. Исходя из этого, автор справедливо указывает, что средства выражения семантических компонентов условно могут быть разделены на две группы: а) лексические средства, то есть слова и их сочетания и б) морфологические средства, то есть морфемы. Автор приходит к заключению, что члены предложения в зависимости от количества выражаемых семантических компонентов делятся на два типа: а) выражающие один семантический компонент, б) выражающие два и более семантических компонентов.

С данным выводом нельзя не согласиться. Члены предложения первой группы названы им моноэлементными, а второй — полиэлементными. К полиэлементным отнесены члены предложения со словами, имеющими в своем составе аффиксы, способные выражать различные понятийные категории. Такими аффиксами в карачаево-балкарском языке являются лично-предикативные аффиксы, аффиксы принадлежности, различные ладжные аффиксы, аффикс *-дагъыл-деги*, некоторые аффиксы глаголообразования и др. Ср., например: *Мурат фатарланды* и *Мурат фатар алды*.

⁶ Л. Н. Мурзин. Синтаксическая деривация. Пермь, 1971, стр. 18.

⁵ См. раздел синтаксиса простого предложения в кн.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, а также: О. И. Москальская. Проблемы системного синтаксиса (на материале немецкого языка). М., 1974.

‘Мурат получил квартиру’. Первое из этих предложений состоит из двух членов, а второе — из трех. Однако эти конструкции синонимичны. В первом предложении структура слова, выступающего в роли сказуемого, передает значение сочетания *фатар ал* из состава второго предложения. Ср. еще: *Мен таугама* и *Мен тауга барама* ‘Я иду в горы’. Эти конструкции также синонимичны, ибо в первой компонент *таугама* является полиэлементным.

В исследовании показано, что между компонентами формальной и семантической структур существуют принципиальные внутренние различия.

Термин «семантический компонент» указывает на то, что составные элементы семантической структуры предложения относятся к плану содержания и их выразителями являются элементы плана выражения — синтаксические компоненты или морфемы. Под семантическим компонентом понимается имплицитный или эксплицитный элемент смысловой структуры предложения, отражающий определенное явление реальной действительности и являющийся обобщенным типом множества аналогичных единичных явлений.

И. Х. Ахматов убедительно показывает, что определяющую роль в формировании семантического компонента играют три фактора: а) специфика синтаксической позиции компонента предложения, б) характер лексического наполнения синтаксической позиции, в) взаимодействие лексической и синтаксической семантики в данной позиции.

Взаимодействие лексического и синтаксического значений бывает различным. В одних случаях эти значения совпадают, и можно говорить об их гармоническом слиянии, приводящем к формированию семантического компонента. В других случаях они входят в противоречие друг с другом, образуя нередко синкретичные семантические компоненты.

Осуществленный автором детальный анализ литературы показывает, что в современной лингвистике пока еще нет какой-либо достаточно обоснованной универсальной системы семантических компонентов. Так, в работах В. Г. Гака, И. П. Сусова, Ч. Филлмора выделены по семь-девять семантических компонентов, в работах В. В. Богданова, Т. Б. Алисовой — по четырнадцать семантических актантов, у Ю. Д. Апресяна — двадцать пять, а у Н. Н. Леонтьевой — пятьдесят «семантических отношений». Поэтому И. Х. Ахматов приходит к выводу, что синтаксическая семантика еще только формирует круг теоретических понятий и методические приемы анализа.

Все эти расхождения И. Х. Ахматов объясняет рядом причин: во-первых, одни исследователи описывают семантические функции, не выделенные и не описанные другими; во-вторых, одни и те же факты языка часто истолковываются лингвистами различно. Например, в работах Ч. Филлмо-

ра подчеркивается, что в роли агенса могут выступать только слова, обладающие признаком одушевленности. А в исследованиях У. Чейфа и И. П. Сусова подобная функция приписывается и таким словам, как *келш* ‘приход’, *даур* ‘шум’, *келген* ‘пришедший’ и т. д. Так, слово *даур* ‘шум’ в предложениях типа *Даур сабийни уялды* ‘Шум разбудил ребенка’ одними исследователями рассматривается как агенс, а другими — как причина. И, наконец, в-третьих, некоторые лингвисты (их большинство) выделяют единый локатив, служащий обобщенным выражением всех пространственных отношений, другие — дают более подробную систему локативных значений (значение места, начальной точки, маршрута, конечной точки и т. д.). Дроблению подвергаются и другие семантические функции. Например, в одних работах приводится следующая система объектных значений: объект воздействия, объект-адресат, объект-орудие, в других же — еще объект-результатив, объект-средство, объект физиологического или психического состояния. В рецензируемой книге отмечается, что все это влияет на число и характер выделяемых и описываемых лингвистами семантических функций или ролей.

По мнению И. Х. Ахматова, система семантических компонентов (функций, ролей), разработанная в современной русской и зарубежной лингвистике, представляет собою следующее: 1) актант — деятель (субъект, одушевленный — агенс, неодушевленный — деми-агенс), выражаемый подлежащим, 2) актант — объект (объект прямого воздействия — пациент), выражаемый прямым дополнением, 3) актант — получатель, выражаемый косвенным дополнением, 4) актант — инструмент — орудийное дополнение, 5) актант — адресат, выражаемый косвенным дополнением, 6) актант — средство, выражаемый косвенным дополнением, 7) актант — владетель, выражаемый косвенным дополнением, 8) сир-констант — обстоятельство места, 9) сир-констант — обстоятельство времени.

И. Х. Ахматов, исходя из учета вышеуказанных трех факторов, действующих при формировании семантических компонентов, и на основе анализа фактов карачаево-балкарского языка, разрабатывает дробную систему семантических компонентов.

И. Х. Ахматов справедливо подчеркивает, что для установления полного инвентаря семантических моделей предложения необходимо сначала выявить все виды семантических компонентов, ибо по количественному и качественному составу последних модели предложения противопоставляются друг другу. Ср.: *Расул китап окуйду* ‘Расул читает книгу’; *Расул манаг китап жиберди* ‘Расул прислал мне книгу’; *Расул сенден китап алды* ‘Расул у тебя взял книгу’.

В рецензируемой работе отмечается, что система семантических компонентов включа-

ет в себя субъект, предикат, объект, конкретизатор и атрибут. Каждый из этих компонентов включает определенную систему подкатегорий.

Предикат рассматривается как основной компонент семантической структуры предложения. Он обозначает активный или статальный признак, составляющий реальную основу предложения и отнесенный либо к предмету, либо к ситуации. Разновидности предиката здесь, как и в большинстве исследований по синтаксической семантике, выделяются на семантических основаниях, главные из них: 1) предикат действия, 2) предикат движения, 3) предикат восприятия, 4) предикат речи, 5) предикат мышления, 6) предикат состояния, 7) предикат процесса, 8) предикат бытия, существования, 9) предикат наличия, 10) предикат отсутствия, 11) предикат владения, 12) предикат отношения, 13) предикат квалификации, 14) предикат локализации, 15) предикат детерминации, 16) предикат идентификации, 17) предикат предназначения, 18) предикат, обозначающий материал, 19) предикат сравнения, 20) предикат цели и др.

Автор указывает, что система семантического субъекта определяется как семантической предиката, так и характером лексико-семантического выражения самого субъекта. Для обозначения разновидностей семантического субъекта используются в основном те же термины, которыми обозначаются разновидности семантического предиката, ср.: 1) субъект действия, 2) субъект движения, 3) субъект восприятия и т. д. Но так бывает не всегда. Например, можно говорить о субъекте-каузаторе, однако нет предиката, который можно было бы обозначить данным термином.

В традиционной грамматике субъект обычно рассматривается как предмет, признак которого определяется сказуемым⁷. Однако в рецензируемой книге благодаря учету различных предикативных признаков семантический субъект понимается шире. Автор определяет его как второй по значимости компонент семантической структуры предложения, обозначающий не только предмет, являющийся носителем активного или статального предикатного признака, но и как элемент семантической структуры предложения, который может служить каузатором определенного действия, состояния или процесса, а также как элемент, позволяющий определять предикативный признак ситуации, ср.: *Студенталеге мында игиди* 'Студентам здесь хорошо'.

Подробно рассматривается в монографии вопрос о семантическом объекте. Он определяется как один из важнейших компонентов семантической структуры предложения, обозначающий предмет, при помощи, по-

средничестве, участия которого проявляется предикативный признак субъекта. Для определения характера объекта автор опирается на семантику предиката и на лексико-семантическое выражение самого объекта. К основным разновидностям объекта, выделенным на основе анализа фактов карачаево-балкарского языка, И. Х. Ахматов относит: 1) объект воздействия, 2) объект-контрагент, 3) объект совместного действия, 4) объект пассивного действия, 5) объект-мотивировка, 6) объект-адресат, 7) объект-получатель, 8) объект физиологического или психического состояния, 9) объект сравнения, 10) объект части, 11) объект материала, 12) объект-причина, 13) объект доверия или надежды, 14) объект-источник, 15) объект-преграда, 16) объект локализованный, 17) объект делиберативный, 18) объект орудийный, 19) объект средства действия или воздействия, 20) объект-название, -прозвище, -кличка, 21) объект целенаправленных действий, 22) объект отношения, 23) объект восприятия, 24) объект-результатив, 25) объект склонности, 26) объект избирания, назначения, 27) объект уподобления, 28) объект накопления, 29) объект-посредник и др.

В работе приводятся выявленные автором конкретизатор и атрибут и их разновидности.

Как известно, многие исследователи не включают атрибут в число семантических компонентов. Однако в монографии И. Х. Ахматова указаны факты, показывающие, что бывают случаи, когда атрибут не может быть опущен без ущерба для содержания предложения, ср.: *Арыгван атха ктамичи жюкдю* (посл.) букв. 'Для усталой лошади и плетъ является грузом'. Опускание атрибута *арыгван* влечет за собой возникновение ложного суждения. Автор склонен в таких случаях рассматривать атрибут в качестве моделиобразующего компонента предложения, с чем нельзя не согласиться; ср. предложения: 1) *Мени китабым сендеди* 'Моя книга у тебя', 2) *Китабым сендеди* '(Моя) книга у тебя'. В данных предложениях имеется притяжательный атрибут. В первом из них он выражен лексико-морфологически, во втором — морфологически. На основании этого автор делает вывод, что как в первой, так и во второй из приведенных конструкций морфологическое средство выражения атрибута (аффикс притяжательности) не может быть опущено. Отсюда вытекает, что в языке возможны семантические модели предложения, имеющие в своем составе атрибут.

Один из разделов книги посвящен семантической структуре предложения. Автор дает обзор литературы по данной проблеме, рассматривает организацию семантической структуры предложения, роль семантических компонентов в построении семантической структуры высказывания.

Опираясь на исследования своих предшественников и языковые факты, И. Х. Ах-

⁷ См.: «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 289; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971.

матов определяет семантическую структуру как организованное и передаваемое на предикативной основе информативное содержание, представляющее собою результат сложного взаимодействия семантических компонентов и отражающее взаимосвязь отвлеченных элементов внеязыковой действительности.

Данное определение отличается от встречающейся в литературе трактовки семантической структуры предложения как набора семантических компонентов или как совокупности элементарных смыслов. Автор отмечает, что специфика семантической структуры предложения определяется не только набором компонентов, но и их отношениями, взаимосвязью. Справедливо подчеркивается, что между семантическими компонентами существуют следующие основные виды семантических отношений: предикация, дополнительность, конкретизация и атрибутивность. Семантическая сущность компонентов смысловой структуры предложения проявляется в этих отношениях, устанавливаемых на основе синтаксической и смысловой связи, отражающей отношения между фактами объективной действительности.

Автор касается также вопросов семантической структуры и общей семантики предложения.

Специфика семантической структуры определяется семантическим качеством ее элементов и отношениями между ними. Правомерно утверждение автора о том, что в семантической структуре предложения его смысл представляется в расчлененном виде. Например, семантическая структура предложения *Мен аны кереме* 'Я вижу его' состоит из трех семантических компонентов и может быть представлена так: субъект восприятия, объект восприятия + предикат восприятия.

В общей же семантике предложения его смысл передается целостно. Обоснованным является тезис автора: общая семантика предложения показывает, что его смысл представляет собою не сумму смыслов компонентов, а нечто качественно семантически новое, возникающее в результате взаимодействия этих компонентов. Семантика вышеприведенного предложения: восприятие субъектом определенного объекта.

Работа И. Х. Ахматова является серьезным исследованием семантики предложения на материале тюркских языков.

А. А. Чеченов

«ВОПРОСЫ БАШКИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ»

ИЗД-ВО БАШКИРСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

УФА, 1978, 115 стр.

За последние годы в связи с подготовкой и изданием многотомного научного свода башкирского народного творчества работа по собиранию и изучению фольклора в Башкирии заметно активизировалась. С 1972 года по настоящее время вышли в свет два тома эпических сказаний, два тома песен, три тома сказок, том преданий и легенд, том байтов и том загадок. Готовятся к изданию четвертый том сказок и несколько томов легенд, пословиц, произведений советского фольклора.

Рецензируемый третий выпуск сборника «Вопросы башкирской фольклористики», подготовленный под редакцией Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова, как и предыдущие два (1974, 1977), включает статьи, в большинстве своем написанные составителями изданных или подготовленных к печати томов этого свода. Данный выпуск состоит из статей исследователей словесного и музыкального фольклора, а также литературного творчества.

Открывается сборник статьей Н. Т. Зарипова «Герой богатырских сказок, его враги и помощники», в которой автор стре-

мится раскрыть своеобразие башкирских богатырских сказок. Автор подвергает анализу основные мотивы последних. Некоторые традиционные сюжеты башкирских сказок Н. Т. Зарипов сопоставляет с русским и другим иноязычным фольклорным материалом. Утверждая, что богатырские сказки занимают промежуточное положение между волшебными сказками и героическим эпосом, автор, однако, не приводит параллелей из произведений эпической поэзии, и поэтому его вывод о генетической общности богатырских сказок с героическим эпосом недостаточно аргументирован. Говоря о традиционных помощниках и покровителях сказочного богатыря, Н. Т. Зарипов подробно рассматривает антропоморфные и зооморфные персонажи, среди которых исключительная роль отводится богатырскому коню: от него во многом зависит судьба героя.

Отражение культа коня в башкирском фольклоре обстоятельно рассматривается в статье М. М. Сагитова, посвященной эпическому творчеству тюрко-монгольских на-

родов. Сходство мотивов и повторяемость сюжетов в фольклоре многих народов обусловлены, по мнению автора, исторически сложившимися межэтническими связями. Однако это не исключает возможности существования в башкирском эпосе отдельных сюжетов, не имеющих параллелей в мировом фольклоре. К таким сюжетам М. М. Сагитов относит сюжеты героических сказаний «Акбузат» («Бело-серый конь»), «Акхак кола» («Хромой саврасый») и «Кара юрга» («Черный иноходец»), связанные с культом коня. В этих сказаниях сверхъестественные свойства и магические функции, приписываемые коню тотемистическими представлениями и поэтической фантазией башкир, претворились в развернутые традиционные стилистические формулы-описания, ярко и красочно воссоздающие облик могучего Тулпара (мифического крылатого коня).

Статья, несомненно, приобрела бы большую основательность, если бы автор привлек все доступные фольклорные материалы, например: мотив рождения на дне моря чудесных жеребят от земной кобылы в сказке «Алтын койрок, көмөш ял» («Золотой хвост, серебряная грива»); сюжет, повествующий о том, как от удара копыт скрытого в каменной скале черного жеребца образовалась пробоина, из которой вырвался поток, ставший рекой Караидель (Черная река) в одноименной башкирской сказке; широко распространенное и в современной башкирской прозе описание коня, выступающего благодетелем человека, откапывающего для него клады, золотые самородки и драгоценности.

Историко-революционная тематика представлена статьей В. В. Сидорова «Народно-поэтическая биография Салавата Юлаева». Неоспоримое ее достоинство — привлечение богатого нового фольклорного материала и аргументированность выводов. Привлекая наряду с устными произведениями исторические документы, а также произведения русских писателей, написанные под непосредственным воздействием уральского фольклора о Крестьянской войне 1773—1775 годов, В. В. Сидоров прослеживает легендарную биографию одного из главных сподвижников Емельяна Пугачева. Образ Салавата Юлаева, опозитированный в песнях и сказаниях всех населяющих Приуралье разноразличных народов, вдохновлял творчество многих талантливых писателей России, создавших яркие беллетризованные очерки и поэтические произведения о башкирском народном герое.

Заслуживает внимания тезис автора статьи о том, что сюжеты многих фольклорных произведений о Салавате Юлаеве в результате длительного бытования среди соседних народов, тесно связанных с башкирами общностью экономической и культурной жизни, обогатились разноразличными устно-поэтическими традициями и трансформировались в межнациональное явление.

Статья Г. Б. Хусайнова и М. М. Сагитова посвящена происхождению, эволюции и жанровой природе сравнительно малоизученных башкирских баитов. Она дает ясное представление об истории развития и современных формах этого жанра устной народной поэзии, бытующего на Ближнем и Среднем Востоке, об эволюции в нем героико-эпической традиции и усилении лиро-эпического начала, характерного для башкирских баитов. Это сблизило традиционные формы баитов с героическим эпосом, способствовало утверждению тенденции к их циклизации и усложнению композиции. Выделенные авторами мифологические и этиологические баиты, восходящие к глубокой старине, получили в статье конкретную характеристику.

Наиболее подробно рассмотрены возникшие в период формирования капиталистических отношений и обострения классовой борьбы социально-исторические, бытовые и сатирические баиты. На позднем этапе предреволюционного развития баиты приобрели обличительную политическую направленность.

Общественно-воспитательное значение малых жанров фольклора освещено в статье Ф. А. Надршиной на примере башкирских пословиц о семейно-брачных отношениях. Анализируя эту тематическую группу, автор показывает, как в них отражаются разные этапы общественного развития. Следует отметить точность русских переводов текстов, взятых из подготовленного автором тома пословиц и поговорок серии «Башкирское народное творчество».

Общностью исторических судеб, этнокультурных, фольклорных и литературных традиций башкир и татар обусловлена органичность взаимосвязей татарской литературы с башкирским фольклором и башкирской литературы с татарским фольклором. Этому явлению посвящена статья С. Г. Сафуанова «Мотивы башкирского фольклора в татарской литературе». Особая близость татарской литературы к башкирскому фольклору объясняется и тем, что немало ее выдающихся представителей родились в Башкирии и с детства в их памяти запечатлелись образы самобытной башкирской народной поэзии, воплотившиеся впоследствии в их творчестве. Говоря о многообразии путей интерпретации литературой фольклорных форм, автор приходит к следующим выводам: 1) творческое преломление фольклорных сюжетов, образов и поэтических приемов в татарской литературе становится важным средством художественного воспроизведения жизни башкир; 2) фольклор используется писателями нередко для раскрытия характера литературного героя; 3) восприятие народной поэзии является своеобразным критерием жизненности, достоверности и художественной полноценности образа; 4) будущее духовной культуры народа в значительной степени связано с богатством художественного содержания его устной поэзии. Справедливо

утверждение автора, что литературно-фольклорные связи составляют одно из главных звеньев взаимообогащения национальных культур в эпоху развитого социализма.

Заключают сборник статьи Л. П. Атановой «Собирание и изучение башкирской народной музыки в советский период», Р. С. Сулейманова «Лирические протяжные песни с припевами в музыкальном фольклоре иргизо-каメリкских башкир» и Э. М. Дагыдовой «Народно-песенные истоки вокальной лирики З. Исмагилова». Связанные единством исследуемого материала (музы-

кальный фольклор), общностью теоретических основ и аналитических методов, эти статьи органически вписываются в структуру сборника и достойно его завершают. Этот раздел также содержит интересный материал, раскрывает особенности взаимоотношения народного и профессионального искусства и отражает современное состояние народного творчества, изучение которого таит неисчерпаемые возможности и открывает новые перспективы для развития национальной литературы и искусства.

Б. Г. Ахметшин

Н. Ш. ХИСАМОВ. ПОЭМА «КЫССА-И ЙУСУФ» КУЛ 'АЛИ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1979, 254 стр.

Данная работа является важной вехой в истории изучения поэмы «Кысса-и Йусуф» — выдающегося памятника тюркоязычной поэзии начала XIII века. В рецензируемом исследовании удачно сочетаются традиции отечественного востоковедения с современным подходом к анализу художественного произведения. Автор убедительно доказывает, что сочетание в поэме реалистического начала с элементами устно-поэтического творчества тюркоязычных народов позволило Кул 'Али вдохнуть новую жизнь в традиционный библейско-коранический сюжет и создать замечательное произведение тюркоязычной литературы. Широкий комплексный подход к изучению памятника позволил исследователю проследить органические связи произведения не только с фольклорно-мифологической и историко-литературной традицией тюркоязычных народов, но и с историческим прошлым Великой Булгарии начала XIII века.

Вывод автора о том, что поэма Кул 'Али является достоянием всех тюркских народов, имеющих древнюю письменную традицию, основан на широких межэтнических сопоставлениях и типологическом изучении идейно-художественной проблематики поэмы и различных уровней ее структуры.

В поэме Кул 'Али воспроизведен на древнетюркской почве исконный фольклорно-мифологический сюжет о Йусуфе (Иосифе), бытовавший в различных версиях у разных народов. В книге Н. Ш. Хисамова Кул 'Али предстает высокообразованным поэтом и достойным носителем устно-поэтической культуры своего народа и своей эпохи. В его поэме традиционный библейский сюжет переосмысливается в выдающееся явление тюркоязычной литературы, мак-

симально приближенное к восприятию современников.

Работа Н. Ш. Хисамова подтверждает известное положение о том, что исследования в области межэтнических и типологических контактов должны вестись не на уровне текста, а на уровне устно-поэтического творчества в целом.

В необходимых случаях, однако, автор ведет исследование и на уровне текста. Это оправдано, когда фольклорный текст записан еще в древности (например, огузский эпос «Книга моего деда Коркута» зафиксирован, по утверждению отдельных исследователей, еще в XIII веке) или, хотя и записан сравнительно недавно, но относится к разряду стадиально древних (алтайский эпос «Маадай-Кара»).

В своих поисках фольклорных истоков поэмы Кул 'Али автор основывается не столько на параллелях и соответствиях фольклорных текстов, сколько на поэтических закономерностях, характерных для фольклора в целом. Такой метод помог исследователю с большой научной точностью раскрыть истоки и значение отдельных эпизодов, мотивов и поэтических приемов поэмы Кул 'Али.

С точки зрения анализа фольклорно-литературных связей, в монографии показаны сюжетные истоки поэмы, идейно-художественная роль отдельных эпизодов. Заслуживают внимания реконструкция семантики имен детей Бениамина (младшего брата Йусуфа), раскрытие фольклорных традиций в характеристике Йусуфа, Зулейхи и Иакуба, расшифровка значения поэтической фразеологии памятника

قابا ۋە ياغاچ 'высокое [родовое] дерево, ارپە اۆتمەكى 'арпа утмәки 'еда — яч-
тагам та'ам — арпа утмәки 'еда — яч-

менный хлеб' и т. д.). Эти элементы поэтики памятника указывают на своеобразие восприятия поэтом-тюрком иноязычной лексической фактуры в соответствии с национальной языковой традицией, отличительной чертой которой была насыщенность фольклорной образностью, носившей системный характер. Поэтому плодотворным оказался принцип сопоставления поэмы с волшебной сказкой (на фольклорном материале тюркоязычных народов) и тюркским эпосом. Закономерны связи поэмы с эпосом древних огузов, свидетельствующие о чрезвычайной популярности его сюжетов и мотивов (по-видимому, в эпоху Кул 'Али эпос «Деде Коркут» бытовал в виде серии локальных версий).

К достоинствам рецензируемого исследования следует отнести установление в поэме Кул 'Али тюркского колорита в разработке сюжета о Йусуфе. Н. Ш. Хисамов отмечает, что герой поэмы Йусуф олицетворяет идеального правителя, способного вести свой народ к благоденствию и процветанию, поэтому он наделяется автором поэмы такими традиционно идеальными качествами, как «красота, красноречие, знание многих языков, мудрость, богатырская сила и верность долгу как проявление кристальной моральной чистоты»¹. В то же время образ идеального правителя у Кул 'Али дополнен и такой обязательной фольклорно-эпической характеристикой героя, как магическая сила: «одним взглядом усыпляет двенадцатитысячное войско бека»².

Вывод Н. Ш. Хисамова о том, что поэма «Кысса-и Йусуф» «была подлинно народной книгой», морально поддерживавшей гатарский народ «в трудные периоды его истории», книгой, выполнившей «огромную политическую и моральную миссию»³ в

Булгарии перед монгольским нашествием, — закономерен и обоснован материалами исследования. В сущности, как полагает автор, поэма Кул 'Али свидетельствует о том, что Волжская Булгария эпохи поэта находилась на таком высоком культурном, общественно-политическом и экономическом уровне развития, что разгром монголов на Волге, по существу первый на пути их стремительного продвижения на Запад, оказался неизбежным. Язык поэмы «Кысса-и Йусуф» является редким (если не единственным) образцом своеобразного общетюркского литературного койне XIII века, сложившегося на базе огузско-кыпчакской языковой общности благодаря творческим усилиям древнетюркских поэтов, ярким представителем которых был Кул 'Али. Это вполне согласуется с положениями рецензируемой работы и не противоречит аналогичным выводам, сделанным по другим национальным регионам (например, мнению академика Б. Я. Владимирцова относительно языка ойратского эпоса).

Таким образом, исследование Н. Ш. Хисамова привлекает внимание ко многим вопросам и проблемам, как поставленным и разрешенным в нем, так и ждущим своего разрешения, — а это лучший показатель ее актуальности и своевременности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на отмеченное в исследовании Н. Ш. Хисамова обстоятельство. Все известные списки поэмы Кул 'Али — а их насчитывается около ста — выполнены татарскими переписчиками. Многочисленные факты, приводимые в рецензируемой монографии, указывают на глубину проникновения идейно-художественных традиций «Кысса-и Йусуф» в татарскую литературу. Эти выводы отнюдь не противоречат общему пафосу исследования, заключающемуся в раскрытии исторического значения памятника для всей средневековой тюркской поэзии и современных тюркских литератур.

Э. Н. Наджип, А. Ш. Кичиков

¹ Н. Ш. Хисамов. Указ. раб., стр. 44.

² Там же, стр. 44—45.

³ Там же, стр. 227.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВОПРОСЫ ШОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

15 апреля 1980 года на XVIII научной конференции преподавателей Новокузнецкого государственного педагогического института состоялось заседание секции тюркологии, на котором были подведены некоторые итоги исследованиям, выполняемым сотрудниками института и аспирантами отдела филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (ИИФФ СО АН СССР) под руководством Е. И. Убрятовой и В. М. Надеяева. В 1963—1980 годах во время летних отпусков и каникул проводились экспедиции в районы проживания шорцев, телеутов, кумандинцев, чулымцев, барабинцев для сбора материала по языку, топонимике, антропонимике и этнографии народов Южной Сибири. В эту работу внес немалый вклад скончавшийся в 1972 году М. А. Абдрахманов. Исследования координировались отделом филологии ИИФФ СО АН СССР. За период с 1973 по 1980 год члены группы тюркологов при Новокузнецком пединституте опубликовали свыше двадцати работ по проблемам фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и диалектологии шорского языка. Многие из них выступали на научных конференциях в Томске, Новосибирске, Алма-Ате с докладами о полученных результатах.

На XVIII научной конференции пединститута члены группы тюркологов сделали восемь докладов, посвященных различным проблемам изучения шорского языка.

Н. В. Шавлова в докладе «Тональность словесного ударения в шорском языке» говорила в основном о двух компонентах ударения: квантитативности и тональности. Полученный докладчиком экспериментальный материал позволил установить фонетические характеристики словесного ударения и места его локализации. Первоначальные исследования показали, что в преобладающем количестве слов ударение локализуется на последнем слоге и по своей природе музыкально. Слова-полисиллабы выявляют наличие не только главного, но и второстепенного ударения. В словоформах-полисиллабах главное ударение, основ-

ной компонент которого — тоновой пик, падает на последний слог слова. Второстепенное ударение, квантитативное по своей природе, приходится на один из слогов основы.

Н. И. Астраханцева, посвятившая свое выступление интонации простого нераспространенного предложения в шорском языке, рассмотрела на основе экспериментального материала вопрос об интонации в простом нераспространенном односоставном предложении в утвердительном и вопросительном аспектах, взяв в качестве примера шорские предложения *Чарыпча, Чарыпча ба?* ('Светает', 'Светает?'). Сравнительный анализ подобных предложений в шорском, казахском, узбекском и каракалпакском языках показывает, что для шорского простого нераспространенного односоставного предложения в утвердительном аспекте характерно повышение тона в гласных первого слога, типичен интервал — большая секунда, гласный второго слога в основном монотонный — чистая прима, гласный третьего слога тоже монотонный, однако здесь наблюдается понижение тона в пределах секунды — М2.

В односоставном вопросительном предложении в гласном первого слога отмечается повышение тона в пределах малой секунды, для второго и третьего слогов характерна монотонность звучания.

Ф. Г. Чиспиякова в докладе «Гласные кондомского диалекта шорского языка» подвела итог проделанной ею на основе визуально-слухового метода работе по описанию системы гласных в кондомском диалекте шорского языка. Исходя из классификационной системы Л. В. Щербы, уточненной В. М. Надеяевым, Ф. Г. Чиспиякова выделяет три ряда гласных (передний, центральный, задний) и шесть степеней подъема. Докладчик отметила некоторые особенности кондомского диалекта: наличие переднеязычного неогубленного гласного пятой степени подъема (обозначенного в транскрипции знаком *ä*), а также более отодвинутые назад переднеязычные огубленные первой степени подъема *ü* (узкий

гласный) и четвертой степени подъема *ö* (широкий гласный): в кондомском диалекте они помещаются в центральном ряду. Были указаны и другие особенности вокализма диалекта, связанные с качеством звуков: сужение полуширокого гласного заднего ряда *a* в неначальном слоге, сопровождающееся небольшим опережением, что приближает его к центральным *a* и *ä*; расширение в некоторых позициях полузлого *ö*.

Специальный раздел доклада был посвящен долгим гласным. Докладчик пришла к заключению о наличии в кондомском диалекте тенденции к сокращению долгих гласных, при сохранении корневого согласного, что исключает возможность появления вторичных долгот, характерного для мрасского диалекта. При этом отмечалось и противоположное явление — выпадение конечного согласного корня перед словообразовательным аффиксом (*карлааш* — *карлыгаш* 'ласточка').

В докладе «Гласные звуки в шорском языке» А. А. Мельникова подробно охарактеризовала вокализм мрасского диалекта этого языка в сопоставлении с гласными русского и английского языков. Значение данного исследования — в создании теоретической основы для выработки методики обучения детей шорской национальности произношению звуков русского и иностранных языков.

О. Г. Сидорова в докладе «Причастно-последложные зависимые конструкции в составе полипредикативных предложений» описала подчинительную связь, образуемую сказуемым придаточного предложения (по мнению докладчика, такие предложения в шорском языке имеются), оформленным последлогом. В докладе рассматриваются последлоги как со сказуемым без падежного оформления, так и в падежном оформлении. О. Г. Сидорова подробно остановилась на семантике последлогов, подчеркнув, что при функционировании в качестве связующего элемента между главным и придаточным предложениями последлог приобретает другой семантический оттенок, нежели при выполнении им морфологической функции.

С. П. Тимонина посвятила доклад шорским аффиксам *-лык*, *-лыг*. Она отметила, что в шорском языке существует довольно четкая дифференциация аффиксов *-лык*, *-лыг*, хотя иногда эти формы перекрещиваются или употребляются параллельно.

Аффикс *-лык* образует существительные от именных и глагольных основ. Существи-

тельные с этим аффиксом могут обозначать абстрактные понятия, место совокупного расположения предметов (и сами предметы), лицо, орудия действия, части тела.

В отличие от других тюркских языков в шорском не встречаются существительные на *-лык*, обозначающие место жительства или профессию. Прилагательные на *-лыг* образуются также от именных и глагольных основ и могут выражать физические свойства людей и животных, черты характера, качественные признаки лица или предмета и т. д. В шорском языке имеются имена с сочетанием аффиксов *-чы/-чу* и *-лыг*. Последние образуют качественные прилагательные от существительных на *-чы/-чу*, обозначающих неодушевленные предметы или абстрактные понятия.

В докладе А. В. Есиповой «О лексическом способе выражения субъекта в зависимом определительном предложении шорского языка» главное внимание было уделено имени, называющему субъект зависимого действия, являющемуся аналогом подлежащего самостоятельного предложения или главной части сложного предложения. Охарактеризовав падежное оформление зависимого субъекта, докладчик остановилась на правилах выбора между родительным и основным падежами.

Доклад Э. Ф. Чиспиякова «О родовом составе шорцев» был посвящен одному из сложных и пока недостаточно разработанных вопросов истории шорского этноса. Докладчик подчеркнул, что названия родовых групп и их расселение могут в определенной степени пролить свет на происхождение народа. Новые исследования показали, что шорские роды в XVII веке занимали значительно большую территорию, чем та, где обитают современные шорцы, особенно по реке Чумыш. Кроме того, полемизируя с Л. П. Потаповым, докладчик, опираясь на факты языка, предположил шорское происхождение тюльберов, ашкитимов и, возможно, баянов и терсей. Э. Ф. Чиспияков показал также неправоту гипотезы Л. П. Потапова о якобы телеутском происхождении шорских родов аба и карга.

Доклады вызвали широкое обсуждение. С заключительным словом выступила Е. И. Убрятова.

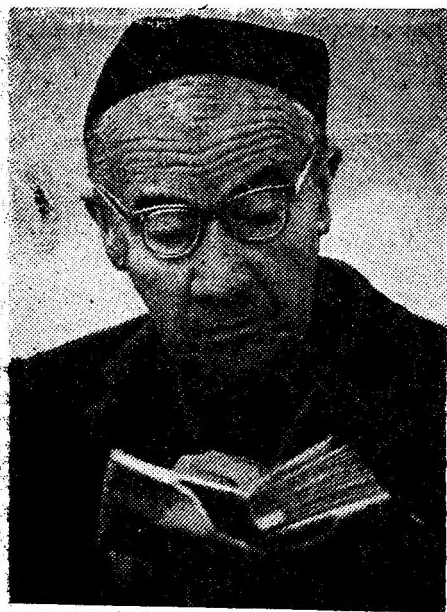
Участники конференции высказались за регулярное проведение подобных встреч специалистов.

Э. Ф. Чиспияков, А. В. Есипова

PERSONALIA

САЛИХ МУТАЛЛИБОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

В Педагогической академии С. Муталлибов знакомится с такими выдающимися впоследствии писателями и учеными, как Хамид Алимджан, Уйгун, Яхья Гулямов, Буюк Каримов, и многими другими.

Активная творческая деятельность С. Муталлибова началась еще в студенческие годы. В конце 20-х годов издается ряд его песен, рассказов и повестей, посвященных бесправной судьбе узбекской женщины, воспитанию молодого поколения. Особо следует отметить его произведения: «Положение Сабира», «Жертва суеверия», «Почему на его руке рана», «Не рвите неспелых плодов», «Не истязайте пернатых» и пр.

Будучи студентом, С. Муталлибов одновременно работал методистом Самаркандского городского культштаба, активно участвуя в ликвидации безграмотности населения. Им создан ряд букварей и методических пособий по начальному обучению, сыгравших значительную роль в просвещении узбекского населения.

В 1931—1936 годах С. Муталлибов работает в Ташкентском гидрометеорологическом техникуме, в Ташкентском женском педучилище, в Научно-исследовательском институте культурного строительства. В это время им опубликованы следующие работы: «Программа и метод в школах первой ступени», «Исправления изъянов чтения», «Об одной практике в правописании», «Вопросы переписывания», «Методы чтения и письма в 1—2-х классах» и др.

В 1936 году С. Муталлибов поступает в аспирантуру Института культурного строительства и в 1938 году завершает ее в Ленинграде. Здесь он учится у таких известных ученых, как Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов, С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс и др. С 1938 года С. Муталлибов работает в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР в должности научного сотрудника, а в 1944 году под руководством Е. Э. Бертельса успешно защищает кандидатскую диссертацию «Крити-

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения и более шестидесяти лет научно-педагогической деятельности заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, доктора филологических наук Салиха Муталлибова.

Салих Муталлибов родился в Ташкенте в 1900 году в семье учителя. Окончив школу, он в течение четырех лет учился в медресе и овладел арабским и персидским языками.

В 1917 году С. Муталлибов поступает на курсы подготовки учителей, по окончании которых работает учителем и заведующим школой. Одновременно он преподает на курсах подготовки учителей.

В 1927 году С. Муталлибов поступает в Педагогическую академию (ныне СамГУ) и в 1931 году после успешного ее завершения работает там же преподавателем-методистом.

ческий текст „Хайратул аброр” („Смятение праведных”).

С. Муталлибов возглавил текстологическую комиссию при Комитете Навои, созданном в связи с юбилеем поэта. Ученый подготовил к печати тексты произведений поэта: «Хайратул аброр», «Вакфия», «Макаримул ахлак» и «Афоризмы Навои».

В 1946—1950 годах С. Муталлибов заведует отделом Института изучения восточных рукописей (ныне Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР им. Беруни) и занимается регистрацией и систематизацией хранящихся в фонде произведений. В связи с юбилеем Беруни он редактирует ряд изданий.

Многолетнее, скрупулезное исследование рукописей привело его к твердому убеждению о необходимости всестороннего изучения тюркоязычных памятников средневековья. Результатом двадцатипятилетних изысканий ученого в этой области явились его ценные монографические исследования: «Категория глагола в письменных памятниках XI века», «Краткий очерк из истории морфологии и лексикологии», а также десятки брошюр и статей. Им переведен на узбекский язык и издан трехтомник «Диван тюркских наречий» Махмуда Кашгари и «Индекс-словарь» к этому трехтомнику, а также памятник XIV века «Аттухфатуз-закияту филлугатит туркия».

В 1967 году С. Муталлибов успешно защитил докторскую диссертацию, посвященную «Дивану лугат-ит турк» Махмуда Кашгари (перевод, комментарии, исследование).

С. Муталлибову принадлежат переводы многих литературных памятников арабского языка на узбекский, в том числе и перевод 1-го, 2-го, 8-го томов «Тысячи и одной ночи».

Общее число выполненных им работ составляет более ста названий общим объемом около 300 печатных листов.

В настоящее время неутомимый ученый работает в Институте рукописей им. Х. С. Сулейманова Академии наук Узбекской ССР и ведет успешную работу по изучению лексических богатств поэтического наследия Алишера Навои, в том числе малоизученного произведения Навои «Насойим-ул-мухаббат» («Зефиры любви»). В своих статьях о языке Алишера Навои он старается раскрыть приемы и методы словотворчества поэта. Одновременно он консультирует работы, посвященные изучению письменных памятников.

Велика роль С. Муталлибова и в подготовке научных кадров. Многие его ученики успешно работают в различных вузах и научно-исследовательских институтах республики.

В 1971 году Салиху Муталлибову было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

От имени коллег, учеников и друзей Салиха Муталлибова желаем ему в связи с его юбилеем доброго здоровья и новых успехов в научной деятельности.

К. Каримов, Э. Умаров

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ САЛИХА МУТАЛЛИБОВА

1929

«Янги эл» (букварь), 96 стр.

1930

«Янги эл», 2-е издание, 96 стр.

«Янги эл» ўқитувчиларига методик қўлланма, 40 стр.

1931

«Колхозчи болалар» (книга для чтения в младших классах), 92 стр.

Саводсизлар мактабида ўқиш ва ўқитиш ишлари. — Журн. «Маориф ва ўқитувчи», № 1—2, стр. 40—42.

Саводсизлар мактабида ёзма ишлар. — Журн. «Маориф ва ўқитувчи», № 3—4, стр. 48—54.

«Янги эл» ўқитувчиларга методик қўлланма, 40 стр.

1934

Биринчи босқич мактабларига программа ва метод. — В сб.: «Мактабда методик ишларни ташкил қилиш», стр. 27—47.

1938

Ўқиш янгилишларини тузатиш тажрибасидан. — Журн. «Совет педагогикаси», № 2, стр. 44—47.

Қўчириб ёзиш масалалари. — Журн. «Совет педагогикаси», № 5, стр. 54—60.

1940

Навойи текстларини аниқлаш тажрибасидан. — Журн. «Известия УзФАН», № 4, стр. 51—60.

1941

Хондамир «Макорим-ул-ахлоқ» (перевод с персидского на узбекский язык в соавторстве с А. Фахрутдиновым), 53 стр.

Алишер Навойи «Афоризмлар» (составитель С. Муталлибов), 1-е издание, 98 стр.

Алишер Навоий «Хайрат-ул-аброр» (подготовка к изданию С. Муталлибова), 214 стр.

1947

Маҳмуд Қошғарийнинг «Девону луготит турк» асари ҳақида. — Журн. «Известия АН УзССР», № 4, стр. 27—30.

1948

Алишер Навоийнинг «Вақфия» асари ҳақида. — Журн. «Известия АН УзССР», № 5, стр. 100—108.

1953

Метатеза ва уларнинг ёзилиши. — Журн. «Совет мактаби», № 6, стр. 50—52.

1954

Омоним ва полисемия. — Журн. «Совет мактаби», № 9, стр. 29—31.

Филолог XI века Махмуд Кашгарский и его произведение «Дивану лугат-ит турк». — В кн.: «Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, стр. 884—885.

Антонимлар. — Журн. «Совет мактаби», № 4, стр. 28—30.

1955

«XI аср ёзма ёдгорликларида феъл категорияси», 81 стр.

1959

«Морфология ва лексикадан қисқача очерк», 240 стр.

Ўзбек тили лексикаси тарихидан. — Журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», № 2, стр. 61—65.

«Минг бир кеча» («Тысяча и одна ночь», перевод с арабского на узбекский язык), Т. I, 377 стр.

1960

Маҳмуд Қошғарий «Девону луготит турк». Т. I (перевод с арабского на узбекский язык), 499 стр.

«Минг бир кеча» («Тысяча и одна ночь», перевод с арабского на узбекский язык). Т. II, 420 стр.

1961

Вступление в сб.: «Вопросы методов изучения тюркских языков», Ашхабад, стр. 109—112.

1962

Маҳмуд Қошғарий «Девону луготит турк». Т. 2 (перевод с арабского на узбекский язык), 427 стр.

1963

Маҳмуд Қошғарий «Девону луготит турк». Т. 3 (перевод с арабского на узбекский язык), 461 стр.

«Минг бир кеча» («Тысяча и одна ночь», перевод с арабского на узбекский язык). Т. VIII, 577 стр.

1965

Қушма феълнинг бир тури тарихидан. — В сб.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, стр. 160—171.

1968

«Аттуҳфатуз закиату филлугатит туркия» («Изысканный дар тюркскому языку», перевод с арабского на узбекский), 278 стр.

Алишер Навоий «Афоризмлар» (составитель С. Муталлибов), 2-е издание, 98 стр.

1976

Ўзбек адабий тили лексикаси тараққиётида Навоий фаолияти. — В сб.: «Адабий мерос». Т. 5, стр. 43—51.

Навоийдаги ҳикматли сўз ва иборалардан баъзи намуналар. — В сб.: «Адабий мерос». Т. 6, стр. 67—75.

1977

Навоий яратган ҳикматли сўз ва иборалардан баъзи намуналар. — В сб.: «Адабий мерос». Т. 8, стр. 42—47.

1980

Навоий асарларидаги айрим сўз ва ибораларнинг маънолари. — В сб.: «Адабий мерос». Т. 14, стр. 56—63.

ХРОНИКА

«СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ»

9 июня 1980 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Синтаксическая синонимия

в современном азербайджанском языке (на основе глагольных оборотов и придаточных предложений)», представленной доцентом кафедры азербайджанского языка ордена Трудового Красного Знамени Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина **Абдуллаевой Набат Джумай кызы**.

Целью исследования являлось теоретическое обобщение всего многообразия синтаксической синонимии (глагольных оборотов и придаточных предложений), встречающейся в различных стилях письменной и устной речи азербайджанского языка.

Диссертация включает вводную часть, три главы, заключение и библиографию.

Диссертант исследовала семантическую общность и специфические особенности грамматических значений оборотов и придаточных предложений, а также условия их взаимозаменяемости.

Данная диссертация является первым в азербайджанском языкознании монографическим исследованием, посвященным проблеме синтаксической синонимии. В работе сформулированы принципы объединения синтаксических единиц в синонимические

ряды. Диссертантом проведено четкое разграничение синтаксической синонимии и смежных языковых явлений, в частности определены критерии различения синтаксических синонимов и синтаксических вариантов. В работе впервые рассматриваются и подробно анализируются всевозможные случаи как одноаспектной, так и разноаспектной синонимии глагольных оборотов и придаточных предложений в современном азербайджанском языке.

Исследование проводилось в синхронном плане методом попарного сопоставления синтаксических единиц на материале языка азербайджанской художественной литературы, периодической печати и живой разговорной речи. Иллюстрируя научные положения примерами из письменного языка и устной речи, диссертант устанавливает закономерности зарождения, формирования и развития синтаксической синонимии в азербайджанском языке.

Официальные оппоненты — член-корр. АПН СССР М. А. Аскарова, член-корр. АН Азербайджанской ССР З. И. Будагова, д-р филол. наук, проф. М. И. Адиллов, а также выступившие на заседании академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-ра филол. наук А. Курбанов, и Р. Асадов, канд. филол. наук, доцент Г. Балыев — отметили, что диссертация Н. Д. Абдуллаевой содержит интересный материал и вносит много нового в изучение синтаксической синонимии современного азербайджанского языка.

Специализированный совет решил ходатайствовать перед ВАК о присуждении Н. Д. Абдуллаевой ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. Н. Кононов (Ленинград). Заметки по морфологии турецкого языка . . . 3
 А. Т. Кайдаров, Е. З. Кажобеков (Алма-Ата). Гомогенные корни и их лексико-семантическое развитие . . . 17

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Ф. Б. Астемирова (Махачкала). Роль русского языка в формировании кумыкской лингвистической терминологии . . . 25
 Б. Я. Ахмедов (Ташкент). О некоторых факторах влияния русского языка на узбекские словосочетания . . . 32

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Названия населенных пунктов Татарии, производные от аллонимов . . . 36

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Б. А. Серебрянников (Москва). Загадка аффиксального аблаута *а:у* в тюркских языках . . . 42
 П. И. Кузнецов (Москва). К обоснованию теории вербальности тюркского предложения . . . 48
 Н. Х. Мамедов (Баку). Отражение древнетюркских лексических элементов в талышском языке . . . 57

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- В. И. Котлеев (Чебоксары). Фонетическая характеристика звонкости интервокальных шумных согласных в современном чувашском языке . . . 69
 Р. Х. Халикова, Ф. Г. Хисаметдинова (Уфа). О некоторых консонантных сочетаниях в тюркских и самодийских языках . . . 78
 С. Г. Кляшторный (Ленинград). Терхинская надпись . . . 82

РЕЦЕНЗИИ

- А. А. Чеченов (Москва). И. Х. Ахматов. Проблемы семантического анализа простого предложения . . . 96
 Б. Г. Ахметшин (Уфа). «Вопросы башкирской фольклористики» . . . 100
 Э. Н. Наджип (Москва), А. Ш. Кичиков (Элиста). Н. Ш. Хисамов. Поэма «Қыса-и Йусуф» Кул' Али . . . 102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Э. Ф. Чиспияков, А. В. Есипова (Новокузнецк). Вопросы шорской филологии 104

PERSONALIA

- К. Каримов, Э. Умаров (Ташкент). Салих Муталлибов 106

ХРОНИКА

- «Синтаксическая синонимия в современном азербайджанском языке» 109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. N. Kononov (Leningrad). Notes on the morphology of the Turkish language 3
A. T. Kaidarov, E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata). Homogeneous roots and their lexicosemantic development 17

LANGUAGES IN CONTACT

- F. B. Astemirova (Makhach-Kala). Role of the Russian language in forming of the Kumyk linguistic terminology 25
B. Ya. Akhmedov (Tashkent). Some factors of influence of the Russian language on the Uzbek word-combinations 32

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov (Kazan). Names of settlements of Tataria derived from allonyms 36

DISCUSSIONS

- B. A. Serebrennikov (Moscow). Mystery of affixal ablaut *a:y* in the Turkic languages 42
P. I. Kuznetsov (Moscow). Towards basing of the theory of verbalization of the Turkic sentence 48
N. Kh. Mamedov (Baku). Reflection of ancient Turkic lexical elements in the Talysh language 57

REPORTS, SURVEYS

- V. I. Kotleyev (Cheboksari). Phonetic characteristics of resonance of intervocalic voiced consonants in modern Chuvash language 69
R. Kh. Khalikova, F. G. Khisametdinova (Ufa). On some consonantal combinations in the Turkic and Samodi languages 78
S. G. Klyashtorny (Leningrad). The Terkhin inscription 82

REVIEWS

- A. A. Chechenov (Moscow). И. Х. Ахматов. Проблемы семантического анализа простого предложения 96
B. G. Akhmetshin (Ufa). «Вопросы башкирской фольклористики» 100
E. N. Nadzhip (Moscow), A. Sh. Kichikov (Elista). Н. Ш. Хисамов. Поэма «Қыса-и Йусуф» Кул' Али 102

SCIENTIFIC LIFE

- E. F. Chispiyakov, A. V. Esipova* (Novokuznetsk). Problems of Shor philology . 104

PERSONALIA

- K. Karimov, E. Umarov* (Tashkent). Salix Mutallibov 106

CHRONICLE

- «Syntactic synonymy in modern Azerbaijan language» 109
-

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 12/VIII-1980 г. Подписано к печати 28/XI-1980 г. ФГ 25141. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 5519. Тираж 3150. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.